

Гельмут Улиг

БАЛИ-

ОСТРОВ
ЖИВЫХ
БОГОВ

Академия наук СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Серия
«Рассказы
Востока»
основана
в 1957 году

Гельмут Улиг

БАЛИ-

**ОСТРОВ
ЖИВЫХ
БОГОВ**

Москва
«НАУКА»

Главная редакция восточной литературы
1990

ББК 63.3 (5Ин)
У48

Helmut Uhlig
BALI — INSEL DER LEBENDEN GÖTTER
München, 1979

Редакционная коллегия

К. В. Малаховский (председатель), *Л. Б. Алаев*,
Л. М. Белоусов, *А. Б. Давидсон*, *Н. Б. Зубков*, *Г. Г. Котовский*,
Р. Г. Ланда, *Н. А. Симония*

Перевод с немецкого

Л. М. Глотова

Ответственный редактор и автор послесловия

М. А. Членов

*Утверждено к печати
редколлекцией серии
«Рассказы о странах Востока»*

Улиг Г.

У48 Бали — остров живых богов. Пер. с нем.
Л. М. Глотова. Послесл. М. А. Членова — М.:
Наука. Главная редакция восточной литературы,
1991. — 255 с.: ил. (Рассказы о странах Востока).
ISBN 5-02-016883-1

Гельмут Улиг широко известен в ФРГ своими работами, посвященными истории азиатских цивилизаций. Им написаны, в частности, такие книги, как «По следам Будды», «Люди Южных морей», «У трона богов». Книга о Бали, одном из самобытнейших островов Индонезии, — это яркий рассказ о повседневной жизни обитателей острова, их древних обрядах и красочных праздниках.

У 1805030000-003 75-90
013(02)-91

ББК 63.3 (5Ин)

ISBN 5-02-016883-1

© С. Bertelsmann Verlag,
München, 1979
© Главная редакция
восточной литературы
ИПКО «Наука», 1991

Бали: иллюзии и действительность острова между двух миров

Сколько островов на нашей планете? На этот вопрос нет ответа: никому не удалось сосчитать их. Известно лишь то, что их число постоянно меняется. Штормовые приливы заливают плоские песчаные дюны, и они вновь появляются из-под воды лишь во время отливов. Бушующие волны подтачивают известняковые скалы, застывшую лаву и коралловые рифы, и их остатки лишь предупреждают попавших сюда о грозной опасности морских глубин.

Но одновременно происходит и другое: в море возникают новые острова. Волны смывают с берега кокосовый орех, он долго кочует в морских просторах, пока прилив не швырнет его на рифы или пока он не прибьется к клочку суши и не останется на нем, опустошенный морем и высушенный лучами солнца. Однако не всегда бывает так. Я сам видел кокосовый орех, пустивший корень на краю кораллового рифа и мерцавший в морской воде каким-то таинственным темно-изумрудным блеском. В штилевую погоду этот риф можно легко принять за покрытый растительностью островок, которых немало между Африкой и Полинезией.

Таким образом, вместе с оборотной стороной гигантской по своим масштабам игры природы — постоянной гибели островов — происходит постоянное рождение островов, то есть ритм жизни и смерти на нашей планете — привилегия не только живых существ, но и материи, кажущейся мертвой.

Что же представляет собой так называемая мертвая материя в интересующем нас процессе возникновения островов? Да и мертвая ли она? Ведь наш коралловый риф возник из живых, соединенных между собой существ. А кокосовый орех? Разве не благодаря не-

органической по составу и вместе с тем такой живой воде он случайно оказался на рифе, в результате чего возникла целая пальмовая роща, покрывающая сегодня тенью намытый морем песчаный берег?

Живые кораллы превращаются в мертвый песок, который содержит в себе так много жизненных сил, что живое пускает в нем корни, растет и развивается. Морская вода сохраняет кокосовый орех свежим и способным к прорастанию, подобно тому как сохраняют плод околоплодные воды во чреве материнского тела, пока орех не попадет наконец на медленно вырастающую из моря песчаную косу. Рождение острова полностью согласуется с основным законом жизни: все существующее приходит и уходит, рождается и умирает.

Микрокосму растущих островов противостоит мир островов-великанов, обитатели которых раньше даже не знали, что живут на островах. А если и знали, то считали свой остров вселенной. И это происходило не от наивности, а от чувства обособленности, изолированности.

Однако это чувство, насколько я смог понять, посетив многие острова, тем сильнее, чем меньше остров, на котором живешь. Мы знакомы с этим чувством по своим детским воспоминаниям, когда, путешествуя на байдарке или лодке по реке или озеру, входили в густые прибрежные заросли маленького острова и разбивали там палатку. Аналогичное ощущение, наверное, охватило Робинзона Крузо, когда он вступил во владение своим островом.

Есть что-то таинственное, не поддающееся объяснению в осознании того, что достиг своего острова, что живешь на нем, привязан к нему. У моря нет таких границ, какие мы устанавливаем на суше. Даже в самых высоких горах в конце концов можно найти перевал. И реки, проделав извилистый путь, в конце концов куда-нибудь выходят. На море же, когда житель острова садится в лодку, он не знает, куда попадет и вернется ли назад.

Эта мысль все еще живет в сознании населяющих острова народов, хотя и утратила свою остроту. Путь на судах к новым берегам всегда был связан с риском, но островитяне видели в риске много заманчивого, даже неотвратимого, причем для европейцев это было так же характерно, как и для жителей Океании. Были и такие народы, для которых море означало не расширение, а сужение их жизненного пространства, и именно

они рассматривали свой остров как целый мир, как центр всего существующего.

Вот мы и подошли к теме нашей книги: Бали — один из таких островов, и балиец считает его центром земли, единственным местом, где стоит родиться и жить. И эта точка зрения — следствие большой привязанности к силам и формам жизненного уклада, которые сложились на этом острове в течение тысячелетий и еще сегодня определяют смысл жизни балийцев.

Геологически Бали не всегда был островом. Это звено, причем совсем малое, в огромной двойной дугообразной цепи, отходящей от вытянутого в длину полуострова Малакка и небольших островов, из которых наиболее значительный — Банка с его месторождениями олова. Дуга идет через Калимантан, Сулавеси, Молуккские острова, Филиппины и доходит на севере до Тайваня и Японии, в то время как другая ее часть образует мост от Индии к Австралии. Эта часть, так называемая Зондская горная дуга, ответвляется от возникшей приблизительно одновременно с ней на востоке Гималайской складчатой системы, идет на юг от Араканского плоскогорья, разделяющего Индию и Бирму, и через Андаманские и Никобарские острова простирается до Суматры, Явы и района Малых Зондских островов, самым западным из которых является Бали.

Участки суши, некогда соединявшие между собой индонезийские острова, отчетливо видны и сегодня. Море, уровень которого поднялся после ледникового периода, превратило материковую дугу в архипелаг, в крупнейший шельф земли, где глубина моря лишь изредка превышает сто метров. Несмотря на это, воды, омывающие Зондский архипелаг, представляют собой не что иное, как безобидное внутреннее море. Однако почти лишенный островов район океана на юге, так же как и моря в северной части архипелага, постоянно угрожает как судоходству между островами, так и самим островам.

Штормовые приливы увлекают корабли в морскую пучину и на многие километры опустошают берега. Это одна из причин слабого заселения побережья многих островов. На примере балийцев можно видеть, как стихия вынуждает людей уходить от моря в глубь острова. Море же еще тысячелетия назад предопределило образ жизни балийцев, тяготеющий к суше.

Страх перед морем не распространяется на всю Индонезию. Индонезийцы — умелые моряки. Достаточно,

назвать бугисов, живущих на юго-западе Сулавеси, которые в прошлые столетия слыли страшными морскими разбойниками. Этот народ и сегодня пополняет ряды пиратов моря Сулу, наводящих ужас на тех, кто рискует появляться в их водах.

Итак, население островов делится на тех, кто не боится моря и поддерживает с ним постоянные контакты, и на тех, кто боится и избегает его. Жители Бали представляют и ту и другую группу. Многие балийцы никогда не бывали на соседних островах — Яве или Ломбоке. Они боятся перебраться даже на примыкающий к южному берегу Бали остров Нуса-Пенида. Большинство балийцев не умеют плавать и рыбу ловят в основном на мелководье, за рифами.

Но море — не единственная подстерегающая балийца опасность. На острове находится несколько высочайших вулканических вершин. При извержении двух вулканов — Гунунг Батура и Гунунг Агунга — в 1926 и 1963 годах погибли тысячи человек*.

Несмотря на это, вряд ли найдется хоть один балиец, который захотел бы появиться на свет или, в соответствии с верой балийцев, вторично родиться не на Бали, а где-нибудь еще. Если спросить его, где бы он хотел жить, он сочтет вопрос бессмысленным и со смехом ответит: «На Бали, где же еще?» Кстати сказать, поток туристов, который вот уже несколько лет непрерывно растет, служит доказательством того, что и иностранцам нравится этот единственный в своем роде, неповторимый остров.

И они безусловно правы, хотя их представление о неповторимости Бали совсем не такое, как у большинства туристов, считающих жизнь балийцев сказочным отзвуком давно прошедших времен и воспринимающих ее как цветной фильм, который можно посмотреть, когда наскучит пляж или плавательный бассейн под южным солнцем — эти обязательные атрибуты туристической экскурсионной программы на Бали.

Хотелось бы, чтобы эта книга стала путеводителем для всех, кто ожидает увидеть на Бали не только роскошные пляжи, чтобы она послужила помощником тем, кто собирается проникнуть в тайну этого единственно-

* По данным справочника «Индонезия» (М., 1983, с. 8), извержение вулкана Гунунг Агунга в 1963 г. унесло свыше 12 тысяч человеческих жизней. — *Примеч. пер.*

го в своем роде острова, а не просто понять, что представляют собой так часто упоминаемые «боги и демоны», которые, в соответствии с вероисповеданием балийцев, как и прежде, правят островом. Книга должна познакомить с географическим происхождением острова, его природой, его сложным, насыщенным разнообразными проблемами сегодняшним днем, в формировании которого, в основном произвольно, принимают участие и туристы, в том числе читатели этой книги.

Многие туристы, посетившие остров и покидающие его после обязательных трех-четырех «дней отдыха на Бали», как значится в программах большинства туристских групп, испытывают чувство разочарования, поэтому мне хотелось бы помочь читателю открыть другой Бали — «остров между двух миров», представляющий собой нечто более значительное, чем просто какой-то туристский аттракцион, о котором многие, вернувшись домой, говорят, что ожидали большего. Однако именно этим ожиданиям не суждено было сбыться, поскольку знакомства с островом в действительности так и не произошло.

Более глубокое проникновение в тайну Бали, которая на протяжении последних десятилетий преподносилась с помощью многообещающих названий фильмов и книг типа «Остров демонов» или «Любовь и смерть на Бали», начинается с вопроса: что же такое остров между двух миров? Чтобы ответить на этот вопрос при посещении Бали, не ограничивайтесь пребыванием в гостинице или на пляже. Надо ездить по острову, заходить в его деревни, присутствовать на местных праздниках. Турист, если он хотя бы немного знаком с особенностями Азии, скоро заметит, что между Бали и всеми другими островами Индонезии существует принципиальное различие, которое проявляется уже чисто внешне в будничной обстановке, в укладе жизни и проведении праздников.

В отличие от островов Восточной Индонезии, куда благодаря усилиям миссионеров проникло христианство и где, как и в странах Западной Европы, наблюдается четкий водораздел между миром труда и миром веры, между буднями и церковью, на Бали будни и религия составляют единое целое.

Балийца окружает мир, в котором вера проявляет себя в том, что ее приверженцы время от времени молятся и по определенным дням посещают храмы, а

жизнь балийца насквозь пропитана духом религии. Балийцу не нужен ни голос муэдзина, ни звон церковного колокола, которые напоминали бы ему о религиозных обязанностях, ибо вся его жизнь — это выполнение религиозного долга. Этот долг определяет, в какую сторону лечь ему головой, укладываясь спать вечером; повинувшись этому долгу, он начинает утро с молитвы в домашнем храме. Его единственная забота состоит в том, чтобы достать настоящей святой воды — тиртхи — с помощью священника-брахмана, приготовить и правильно распределить необходимые жертвоприношения, адресованные богам, духам и демонам.

Целью жертвоприношений является преодоление зла с помощью добра, очищение и сохранение чистоты не только при жизни, но и после смерти, даже после кремации тела — очищение душ, очищение острова, очищение космоса, который носит название Бали.

Для того, кто познакомился с Бали лишь поверхностно, это, вероятно, прозвучит напыщенно и неправдоподобно. И тем не менее это — точный ответ на наш вопрос относительно справедливости утверждения, что Бали является островом между двух миров, в том, что касается религии.

Так называемый балийский индуизм (относительно этого термина мы еще поговорим) делает остров изолированным и отчужденным по отношению к более развитым, оказывающим влияние и на Бали исламу и христианству, по сравнению с которыми он выглядит как реликт древних времен, как сказка или сон, хотя мне он представляется серьезным и современным.

Бали находится между традицией и прогрессом, в мире священнослужителей и предков, в мире, представляемом этими священнослужителями или хранящемся в памяти потомков, которому противостоит мир представлений, существующих в столице Индонезии — Джакарте и касающихся развития всего государства, расположенного на нескольких тысячах островов, государства труднообозримого и в силу этого представляющего немалые сложности в управлении им, государства, в котором, наконец, существуют самые разные уровни культуры. Джакарту и Денпасар — столицу Бали — разделяют не только расстояние в тысячу с лишним километров, но и тысяча с лишним лет эволюции культурного и религиозного мировоззрения.

Один из аспектов ответа, что такое Бали, основ-

вается на особенностях географического положения Индонезии, находящейся на стыке двух материков. Между Калимантаном и Сулавеси, а также между Бали и Ломбоком проходит так называемая «линия Уоллеса», разделяющая фаунистические области: западную южноазиатскую и восточную австралийскую.

Если даже не устанавливать эту границу так точно, как это сделал сто с лишним лет назад английский биолог Альфред Р. Уоллес, сравнение флоры и фауны Бали и Ломбока весьма отчетливо показывает нам, что мы находимся на границе двух миров, на своеобразии каждого из которых стоит остановиться подробнее.

**«ЛИНИЯ УОЛЛЕСА» —
ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ГРАНИЦА
МЕЖДУ АЗИЕЙ И АВСТРАЛИЕЙ**

**Индонезия — цепь островов
на юге Тихого океана**

В длинной цепи островов, протянувшейся в виде мягко изогнутого полукруга от полуострова Малакка до Новой Гвинеи, второго по величине острова земли, Бали — один из самых малых островов. Когда-то он был восточной оконечностью Явы. Еще сегодня формации ландшафта подтверждают, что существовала узкая полоска суши, которая лишь после последнего ледникового периода была затоплена водой. В те времена крупные животные Азиатского материка — носорог, тигр, слон — оказались в Индонезии. Формы заселения Юго-Восточной Азии людьми были многообразны и сложны, намного сложнее способов проникновения южноазиатской фауны. Находки скелетов в археологических раскопках на Яве и наличие множества различных рас как в районе бывшего материка, так и на сегодняшней цепи островов делают вопрос расселения людей исключительно сложной антропологической и этнологической проблемой. Что же касается флоры и фауны, то существует четко обозначенная граница, уже упоминавшаяся «линия Уоллеса», проходящая к востоку от Бали, которую может определить даже неспециалист, обладающий элементарной наблюдательностью, и которая объясняет многие вопросы, связанные с флорой и фауной. Альфред Уоллес, имя которого носит эта «линия», на основании различий флоры и фауны Западной и Восточной Индонезии установил границу, разделяющую Азию и Австралию. Намного позже известный зоолог Джулиан Хаксли подтвердил эту гипотезу, подправив очертания границы.

В соответствии с этим разделением граница распространения крупных азиатских животных, а также, хотя

это и менее очевидно, территория распространения мелких животных и соответствующей флоры простирается вплоть до восточного ответвления Зондского шельфа, плоского юго-восточного закругления некогда огромного южноазиатского материка, на месте которого впоследствии появились сегодняшние Суматра, Калимантан, Ява, Бали и многие другие, более мелкие острова, наиболее возвышенные части древних плоскогорий и горных цепей.

Глубоководные бассейновые моря Сулу, Сулавеси, Флорес и Банда образовали протянувшийся с севера на юго-восток водный барьер, который человек смог преодолеть лишь тогда, когда научился плавать по морю. После этого люди и их культура проникли из Индии и Китая на острова Тихого океана. Природа же, напротив, сохранила свой древний, первозданный облик.

К западу от Бали еще несколько лет назад в джунглях Суматры водились тигры. Сегодня этих громадных диких кошек вы здесь не встретите. В то же время на Ломбоке вы можете увидеть неизвестного на Бали белого какаду, птицу восточных островов. Чем дальше мы будем следовать через Малые Зондские острова на восток, тем чаще нам будут попадаться сумчатые животные.

Если сегодня мы отправимся из Северо-Восточной Индии через Бирму и Малайзию в Сингапур, а оттуда в мир индонезийских островов, нас ждет дальний, не всегда безопасный, а порой исключительно трудный и утомительный путь. При этом на протяжении всего пути ландшафт практически не меняется, но земля везде используется по-разному, и уклад жизни людей в разных краях имеет существенные различия.

Огромные леса и джунгли между Ассамом (штат Индии), Калимантаном и Суматрой внешне кажутся такими же одинаковыми, как рисовые поля долин и рисовые террасы горных районов, которые на всей этой, протянувшейся на многие километры территории нигде не выглядят такими красивыми и ухоженными, как на Бали, образующем восточную границу традиционного интенсивного террасного возделывания риса. Нужно сравнить рисовые террасы на Бали с террасами на Сулавеси, чтобы понять, в чем состоит различие.

Балийская рисовая терраса на всех этапах ее обработки, от сева до сбора урожая, представляет собой своеобразную визитную карточку балийского рисовода,

наглядный пример прилежания, порядка и эстетики, часть культа, который был в древней Индии — одной из самых древних производительниц этой сельскохозяйственной культуры.

На Сулавеси же, напротив, рисовые поля после уборки урожая напоминают степи, требующие немало времени и сил, чтобы они стали пригодными для сельскохозяйственного использования. Здесь нет интенсивного, продуманного, вплоть до мелочей, водного хозяйства, которое позволяло бы собирать по два-три урожая в год, нет и культа, которым проникнуты возделывание и сбор урожая.

Географическое положение Бали

Разумеется, культурный ландшафт Бали с его искусно сооруженными рисовыми террасами сложился не только благодаря стараниям балийских крестьян. Природа исключительно щедро одарила маленький остров между Явой и Ломбоком. Склоны и подножия гор, цепью протянувшихся через весь остров с запада на восток подобно позвоночнику, представляют собой плодородные земли, орошаемые разветвленной системой рек с притоками. Это создало прекрасные условия для искусственного распределения воды вплоть до самых высоких террас и самых узких долин.

Плодородию способствуют и частые тропические ливни, которые, кроме относительно сухих (с июня по август) месяцев, выпадают почти ежедневно. Температурные условия также благоприятствуют произрастанию растительности. Хотя Бали входит в тропический пояс и расположен лишь на 8 градусов южнее экватора, показания термометра редко превышают отметку 30 градусов по Цельсию.

Все это не только создает оптимальные условия для интенсивного рисоводства, позволяющие собирать местами по три урожая в год, но и способствует вызреванию на Бали тропических фруктов, разнообразие которых просто трудно себе представить.

За исключением заросшего джунглями северо-запада и степной части крайнего юга, где лишенный растительности полуостров Беноа напоминает Внутреннюю Австралию, Бали представляет собой вечнозеленый сад, в котором царит изобилие цветов и фруктов и где кра-

сота ландшафта постоянно меняется. Его обрамленные освежающим веером пальм песчаные пляжи большую часть года пахотятся под яркими лучами солнца. В то же время, отправляясь в горы, вы почти всегда погружаетесь в туман. Чудесная картина возникает перед вашими глазами, когда сквозь вырисовывающийся темный силуэт горного пейзажа неожиданно пробивается солнце. Тогда хорошо виден конус вулкана, который, может быть, именно в этот момент выпускает из своих педр тонкое облачко дыма.

С запада на восток расположено несколько вулканов: Гунунг Мербук (1386 м), Гунунг Батукау (2276 м), Гунунг Братан (2020 м), Гунунг Батур (1717 м) и, наконец, Гунунг Агунг (3142 м). Южнее вулканов, считааемых на уровне богов и вызывающих затаенный страх, можно увидеть самые красивые и богатые ландшафты Бали. Эти районы используются для орошаемого земледелия, причем приблизительно для одной четверти всей площади острова характерна интенсификация сельскохозяйственного производства.

На карте границы земель, используемых под земледелие, повторяют, разумеется в уменьшенном масштабе, очертания всего острова. Этнографическая карта показывает, что эта область Бали не только отличается наибольшей заселенностью, но и является центром его традиционной культуры.

Четыре большие реки, которые местами глубоко врезаются в горные образования и скальные ущелья, текут через эту область с севера на юг. Рекам поклоняются здесь так же, как и вулканам. В расположенных по их берегам горных пещерах и сегодня совершаются жертвоприношения духам рек. Кроме большого значения для водного хозяйства реки благодаря своим притокам и стекающим в них ручьям служат жизненными артериями для бесчисленного множества деревень, расположенных в этой местности. Всю необходимую воду деревня берет у этих рек. Они — и место утреннего и вечернего купания, и одновременно деревенский туалет, что, учитывая их быстрое течение, не следует воспринимать критически.

Роскошный садовый ландшафт, который, начинаясь у горных перевалов, через озеро Батур простирается дальше на юг и юго-запад, неожиданно сменяется степью. Это полуостров Беноа. Широкие южные берега Бали, где добывают соль и разводят морских черепах,

переходят в скальные образования, которые на южной оконечности опускаются в море обрывами высотой до восьмидесяти метров и более.

На юго-западе острова, где на крутом утесе возвышается храм Танах Лот, бушующий океан создал причудливые скальные формы и вымыл в камне плоские пещеры — желанные прибежища для морских змей, отсвечивающих в темноте пещер серебристым блеском. Именно для этих змей, почитаемых священными, и был построен Танах Лот.

Здесь, где морские волны разбиваются о выступающие из воды скалы, можно пожать страх балийца перед морем. Понятно и то, почему он так часто оставляет жертвоприношения: старается смягчить разгневанных морских демонов.

Вулканы, подобно морю, таят в себе неизвестность, опасность и коварство. В свое время геологи сделали опрометчивый вывод, что вулкан Гунунг Агунг, главная вершина острова и, по представлениям балийцев, место постоянного пребывания высшего бога Шивы, — уже давно потухший вулкан, однако в 1963 году мощное извержение охватило огнем всю восточную часть Бали и залило ее потоками раскаленной лавы.

Казалось, впустую был затрачен труд столетий и ничто уже восстановить нельзя. Однако балиец не сдаётся. Он знает, что из гнева вулкана, из мощи уничтожения, которое он несет, рождается новая жизнь. В том его вера и опыт, придающий ему силу и терпение.

Там, где еще в конце шестидесятых годов я видел затвердевшую, усыпанную обломками лавы землю, напоминавшую лунную поверхность, десять лет спустя снова появилась зелень. Смерть медленно отступает, и ей на смену идет новая жизнь. Смертоносная зола превращается в плодородную землю, и балийцы искренне верят, что это чудесное превращение происходит благодаря их бесчисленным жертвоприношениям.

Природа и вера, окружающая среда и внутренний мир для балийца тесно связаны между собой. Нет ни одного явления природы, которое не нашло бы отражения в традиционном веровании и в системе жертвоприношений. В этом проявляется раннее индуистское влияние на развивающийся на основе древней, примитивной религии уклад жизни балийца.

Особенно отчетливым становится все многообразие различий между индонезийскими островами запада и востока, если с Бали перебраться на соседний остров Ломбок. Можно за пять часов переплыть на пароме, который курсирует туда и обратно несколько раз в день, или всего за двадцать минут перелететь из Денпасара в Ампенаи. Когда летишь из Ломбока, нужно переставлять часы на один час назад, так что при перелете на запад выигрывается сорок минут.

На первый взгляд между обоими островами нет никакой разницы. Административный центр Ломбока — Матарам по сравнению с Денпасаром выглядит более современным, и своему расцвету он обязан реформе 17 декабря 1958 года. До нее административное управление всего востока Индонезии осуществлялось из города Сингараджа, расположенного на севере Бали. Это имело свои негативные последствия для Малых Зондских островов: губернатор, резиденция которого находилась в Сингарадже, заботился в первую очередь о Бали. На восточных островах он появлялся не чаще одного раза в год, на многих вообще не бывал. В связи с этим снижение уровня традиционной культуры при продвижении с запада на восток, в том числе и в независимой Индонезии, вначале оставалось неизменным.

Однако первый глава правительства Индонезии Сукарно быстро понял, что для развития государства, расположенного на островах и занимающего огромную территорию, необходимо создание более мелких административно-территориальных единиц. Так, в 1958 году возникла провинция Нуса Тенгара Барат, которая кроме Ломбока включает расположенный к востоку соседний остров Сумбава, а также 99 более мелких островов. Административным центром провинции является быстро развивающийся город Матарам. Насколько необходимой была реорганизация управления именно в этом районе, показывает история Ломбока, который в течение столетий оставался в тени Бали, как будто фаунистическая граница установила между островами и культурную границу, но, несмотря на все реформы, положение на Ломбоке мало изменилось.

На севере Ломбока расположена вторая по величине вершина Индонезии — вулкан Ринджани (3726 м). В результате его последнего извержения в 1900 году зна-

чительная часть территории острова была покрыта осколками камней и застывшей лавой. Для неисламского меньшинства острова, состоящего из анимистов, буддистов и индуистов, Ринджани является священной горой, как Гунунг Агунг для населения Бали.

Юг острова — это высохшие рисовые поля и обширные степные районы, напоминающие Внутреннюю Австралию. Даже не верится, что рядом находится плодородный Бали. Скучные природные условия с давних пор представляли собой серьезное препятствие для экономического и культурного развития Ломбока. Его южные и восточные деревни отличаются бедностью. Живущие там сасаки как бы застыли в своем первобытном укладе жизни, который за последние столетия практически не изменился и коренным образом отличается от уклада жизни западной части острова, находящейся под балийским влиянием. Издавна ломбокцы не испытывают симпатий по отношению к Бали, поскольку они чувствуют себя зависимыми от соседей: ведь Бали управлял этой областью с XVIII века. Именно тогда немало балийцев переселилось в западную часть Ломбока. То, что здесь встречаются балийские деревни и храмы, а ландшафт напоминает балийский, мешает понять природу антагонизма между островами, который тем более очевиден, чем дальше продвигаешься на юг и восток Ломбока по дорогам, порой почти непроходимым. Противоречия же западной части острова имеют прежде всего исторические корни: правители Ломбока с XVIII века и до последнего времени сохраняли свою самостоятельность. До 1723 года Ломбоком правили три сасакских раджи. На самого могущественного из них — Дату Селапаранга — напал тогда раджа соседнего острова Сумбава, и он обратился с просьбой о помощи к восточнобалийскому правителю Карангасема. В 1740 году Дату Селапаранг вновь воспользовался помощью Бали, когда против него выступил его соправитель Пепатих Банджаргетас. После гибели Дату Селапаранга раджа Карангасема взял на себя управление Западным Ломбоком. Юг и восток оставались за сасакскими раджами. Однако правители Карангасема попытались сделать из Западного Ломбока второй Бали. Они не только расселили там балийцев, но и самыми разными путями притесняли местное население. Так, ломбокцев заставили построить в Нармаде летний дворец с бассейном для раджей Карангасема, где самые красивые

девушки острова должны были купаться обнаженными перед чужеземными правителями в ожидании знака, которым их подзывали на княжеское ложе.

Угнетение жителей Ломбока правителями Карангасема приняло в конце концов такие формы, что Ломбок стал искать помощи у голландцев. В 1894 году голландцы направили на Ломбок экспедицию, в результате чего остров был присоединен к нидерландскому ост-индскому колониальному государству еще до того, как такая же участь постигла Бали.

Одна ветвь династии Карангасемов и сегодня носит титул «Князь Западного Ломбока». Местные традиции имеют очень глубокие корни.

Комодо — остров, где обитают ящеры

Бали находится совсем рядом с местом, откуда начиналась история человечества. К западу от него, на Яве, были найдены останки одного из древнейших типов человека — питекантропа, так называемого яванского человека, жившего 700—200 тысяч лет назад. На Калимантане обитает орангутан, а на Филиппинах и Малакке живут группы низкорослых негритосов, до настоящего времени промысляющих охотой и сбором даров природы. Их можно встретить сегодня и на Андаманских островах. Удивительнее всего, что рядом, на Суматре, Яве и Бали, процветает тысячелетняя высокая культура.

Наибольший контраст в Индонезии представляют собой Бали с его тысячелетней высокоразвитой культурой и находящиеся совсем рядом с ним «драконовы острова», как назвал французский писатель Пьер Пфедфер расположенные между Сумбавой и Флоресом острова Комодо, Ринджа и Падар, на которых можно встретить гигантских ящериц — комодоских варанов, сохранившихся с древнейших времен.

Сказочное животное-демон, которое в балийском мире богов и демонов на протяжении столетий было своего рода отражением напряженной духовной жизни, в 1911 году нашло свое реальное воплощение в виде громадной ящерицы до 3,5 метра в длину, внешне напоминавшей первобытного ящера. Ее первооткрывателем стал голландский летчик, случайно залетевший на Комодо, лежащий в нескольких сотнях километров к востоку от Бали.

Легенда же о том, что на заброшенных, труднодоступных островках Восточной Индонезии живут гигантские сказочные чудовища, существовала уже с незапамятных времен. Однако рассудительная Европа еще в XIX веке не желала принимать всерьез небылицу, привезенную из Индонезии, поэтому никто не поверил отважному голландскому летчику, который во время полета с Явы на Восток попал в опасный воздушный поток и был вынужден совершить посадку прямо на воду около острова Комодо, а затем написал в своем отчете о чудовищах, проглатывавших оленей и диких свиней. Одни сочли его сумасшедшим, полагая, что при вынужденной посадке на воду он потерял рассудок, другие обвинили в сознательном распространении ложных сведений и хотели даже упрятать за решетку.

Лишь один из всех, майор Оуэнс — зоолог и директор Бейтензоргского (ныне Богорский) музея на Яве, отнесся к этому серьезно и попросил своего друга, колониального офицера, который находился на Флоресе, проверить сообщение летчика. Оуэнс уже забыл об этом происшествии, когда летом 1912 года получил известие, что ящеры действительно существуют. К тому же его друг не ограничился лишь сообщением, а подстрелил двух варанов, а их кожу прислал на Яву в качестве вещественного доказательства.

Оуэнс понял, что речь здесь идет не о водяных ящерицах, как он вначале полагал, а о самом крупном из сохранившихся с древних времен потомков ящеров — гигантском варане. Животное, естественно, получило название *Varanus komodoensis*, а естествоиспытатели — еще одну сенсацию. Однако, к счастью, шквальные ветры и морские водовороты вокруг Комодо и Ринджа, неосвоенных островов к западу от Флореса, помешали тому, чтобы сенсация стала общедоступной. К тому же китайские охотники, которые почувствовали, что дело сулит барыши, были вынуждены затем признать, что кожа варанов не поддается никакой обработке.

Индонезийское правительство издало специальный указ, запрещающий отстрел варанов, и в целях их защиты на Комодо и Падаре были созданы заказники. То обстоятельство, что добраться до островов можно лишь с помощью крохотных суденышек, которыми в небольшом количестве располагают сегодня Сумбава или Западный Флорес, позволяет пока сдерживать поток туристов на эти острова, поэтому можно надеяться, что

один из самых диковинных представителей реликтовой фауны уцелеет до конца нашего столетия. Экземпляры гигантских ящериц имеются также в зоопарках Джакарты, Сурабаи и Джокьякарты. Когда видишь варанов, лениво развалившихся и дремлющих в тени деревьев, трудно себе представить, что они не только пожиратели падали, но и ловкие охотники. Во всяком случае, в желудках убитых варанов находили черепа кабанов, кости оленьих ног, рога буйволов и целых обезьян. Подобно удавам, вараны заглатывают свою жертву целиком или огромными кусками, а затем постепенно переваривают ее.

На Комодо, где на берегу расположен крошечный рыбацкий поселок, бывают случаи нападения варанов на оставленных без присмотра детей. Когда варан голоден и не может найти на острове ни легкой добычи, ни хотя бы падали, он без всякого страха кидается в стадо пасущихся оленей или подрывающих корни диких свиней и находит себе добычу. Когда стадо, увидев варана, бросается в разные стороны, какое-нибудь животное не успевает убежать. Варан ударяет его хвостом, и его удар чаще всего оказывается смертельным.

Окна в доисторические времена имеются не только на суше, но и на море. Если верить рассказам словоохотливых островитян, промысляющих рыбной ловлей, вода населена опасными чудовищами, которых они называют «бобоча» и которые на самом деле относятся к классу головоногих. Это и фосфоресцирующий кальмар, пугающий рыбаков своим светом, гигантский кальмар длиной до 20 метров, представляющий серьезную опасность для маленьких суденышек, и другие головоногие.

Многообразие народов Индонезии

От древних, обитавших на индонезийской земле ящеров и головоногих до появления там первого человека расстояние в миллион раз большее, чем от первого человека до нашего с вами современника. И, несмотря на это, мы встречаем свидетелей тех далеких эпох и сегодня. Какая из многочисленных этнических групп, составивших население Индонезии, была первой, можно лишь предполагать. Кто знает, когда, откуда и каким образом происходило заселение островов сегодняшней Индонезии? Поскольку это огромный архипелаг, протя-

нувшийся от Западной Суматры до Западного Ириана на расстояние, соответствующее протяженности отрезка Северной Атлантики между Европой и Северной Америкой, уже в силу его отдаленности нельзя определить, является ли здешнее население коренным или пришло сюда вместе с первой волной переселенцев, захлестнувшей все острова.

Между временем, к которому относятся находки, связанные с яванским человеком, и первыми следами современного человека (*Homo sapiens*) расстояние, как пишет в своей книге «Нусантара — история Восточно-индийского архипелага» Б. Х. М. Влекке, «тысячи веков».

Этот период жизни Индонезии малоизвестен. Тем не менее сегодняшнее многообразие этносов страны дает нам основания для вывода относительно этнического развития того периода истории.

Уже упоминавшиеся последние представители низкорослых охотников и собирателей, которые до сегодняшнего дня продолжают жить на уровне каменного века и относятся к наименее развитым этническим группам этого региона, были, возможно, здешними аборигенами. Это предположение подкрепляется тем, что мы встречаем их также на многих архипелагах в труднодоступных джунглях описанной нами островной дуги Юго-Восточной Азии. К ним относятся андаманцы, живущие на отдаленных островах между Суматрой и Бирмой, семанги, встречающиеся в горах Северной Малайзии, кубу, обитающие на Суматре, открытые лишь в нашем столетии на Сулавеси тоала и, наконец, негритосы Филиппин.

Слово «негритос», некогда произносившееся с издевкой, сегодня служит антропологическим термином для характеристики перечисленных низкорослых групп, имеющих помимо карликового роста темную кожу и курчавые волосы. Наука отнесла этот термин к азиатским карликовым народам, родственным пигмеям Центральной Африки, хотя мнения разных ученых относительно их этнического происхождения разошлись. Гипотеза некоторых ученых, например Мартина Гузинде и Пауля Шебесты, что в данном случае речь идет об особых, обусловленных окружающей средой формах мутации древнего человечества, в принципе не противоречит теории, что эти карлики являются аборигенами Индонезии. Однако следует исходить из того, что покрытый непроходимыми лесами Малайский архипелаг служил местом, где могли спастись племена и группы, которым угрожа-

ла опасность и к которым всегда относились негритосы.

Другой группой, возможно переселившейся сюда в то же время, что и негритосы, но явно более многочисленной, является группа меланезийских народов, говорящих на папуасских языках. Эти народы и сегодня живут на Молуккских и Малых Зондских островах, омываемых морями Банда и Арафурским, и на Новой Гвинее. Они также вначале распространялись по всему индонезийскому архипелагу, однако были вынуждены отступить под давлением более сильных групп, продвигнувшихся на юго-восток в период так называемых аустронезийских миграций. Эти племена, относящиеся к древнемонголоидной расе, составляют основную часть «индонезийских древних народов». Их называют также протомалайцами в противоположность мигрировавшим сюда позднее также монголоидным группам народов, которых называют младоиндонезийцами или дейтеромаалайцами. Обе группы и сегодня во многом определяют картину населения Индонезии, причем различие в укладе жизни и культурном наследии проявляется больше, чем в расовых признаках. К древним протомалайским племенам относятся известные до сих пор «охотники за черепами», наводящие страх даяки Калимантана, батаки Северной Суматры и тораджи из горной части Центрального Сулавеси.

Все эти народы обладают высокой самобытной культурой, проявляющейся в числе прочего в развитой деревянной архитектуре и интенсивной культовой жизни. Многие из них сумели избежать влияния ислама и до самого последнего времени остались верными религиям своего племени. Правда, в течение последних десятилетий среди них успешно действуют христианские миссионеры различных церквей. Как далеко это может зайти и сколько продержится, остается неясным. Однако факт остается фактом: даже крещеные индонезийцы, как правило, продолжают участвовать в культовой жизни своего племени, что допускается большинством миссионеров, а иногда и находит открытую поддержку.

Так, у тораджей мы видели христианские церкви, выстроенные в стиле традиционных гробниц, и в день поминовения усопших часть христианских семей приносила, как обычно, в жертву буйвола.

Младоиндонезийские народы, такие, как сунды, мадурцы и яванцы Явы, ачехи и минангкабау Суматры, к ним относятся и балийцы, обладают древней высокой

культурой и письменной традицией и поэтому до сих пор являются доминирующей силой в государстве. Большинство из них мусульмане, за исключением балийцев, исповедующих заимствованный в древние времена из Индии и Явы, но измененный на балийский лад индуизм. Однако в нем, как я увидел на Бали, проявляются и черты буддизма.

Вместе с тем между представителями этих высоких культур и индонезийскими древними племенами имеется различие не только в уходящих корнями в традицию структурах, но и в появившихся сегодня главных проблемах современной внутренней политики Индонезии. Это специфическая индонезийская форма существующего во всем мире противоречия между традиционными укладами жизни и технической цивилизацией.

Центр Индонезии — Ява

Трудно себе представить больший контраст, чем тот, который наблюдается между слабозаселенными, труднодоступными и таящими в себе опасность восточными островами Индонезии, о которых даже на Бали имеют очень приблизительное представление, и экономически развитой густонаселенной Явой.

Ява сегодня — это не только наиболее густонаселенный остров Индонезии, где расположена столица страны — Джакарта с семимиллионным населением и невероятно интенсивным движением транспорта, но и один из самых густонаселенных районов Азии вообще. Здесь и на расположенном к северу от него острове Мадуро плотность населения до двух тысяч человек на один квадратный километр, в том числе и за пределами городов. По отношению ко всей Индонезии это значит, что более 60 процентов населения живет на территории, составляющей менее 7 процентов всей площади. Иными словами, около 85 миллионов человек из общего числа 144 миллионов индонезийцев живут на Яве*.

На Бали плотность населения также сравнительно высока: 2,5 миллиона человек размещаются здесь на территории 5800 квадратных километров**, причем большие площади на северо-западе острова почти не

* Население Индонезии на 1983 г. составляло 159 343 тыс. человек, из них на Яве — 99 млн. человек.

** Численность балийцев на 1986 г. — 3,1 млн. человек. —
Примеч. ред.

заселены, так как их нельзя использовать для сельского хозяйства. Поэтому в среднем плотность населения острова составляет 500 человек на один квадратный километр, хотя там, где имеются обрабатываемые земли и размещаются деревни, она вдвое выше.

На многих других индонезийских островах на один квадратный километр приходится менее 10 человек, а больше половины из 13 677 островов, относящихся к Индонезии, вообще необитаемы.

В Индонезии отчетливо проявляется еще один контраст, который может понять лишь тот, кто, видя большие различия условий жизни на разных островах, к тому же разбирается в особенностях мышления его жителей. Насколько мне лично удалось убедиться, ни одна страна на земле не имеет такой многослойной структуры населения, как Индонезия. Здесь мы встречаем людей, стоящих на всех уровнях развития,— от тех, кто пребывает еще на стадии каменного века, до технократов современности. Однако одно качество объединяет всех: привязанность к месту, где они живут, — к своему «кампунгу» (что по-индонезийски означает «деревня») или по меньшей мере к своему острову. Переезд в другое место, особенно для сельских жителей, равноценен высылке.

Однако уже в 1905 году голландские колониальные власти начали осуществлять программу выравнивания плотности населения. С 1905 по 1941 год в рамках этой программы 200 тысяч семей, живших на Яве и Бали, были переселены в слабозаселенную южную часть Суматры, а также на Борнео (Калимантан) и Целебес (Сулавеси). Правительство независимой Индонезии продолжило эту политику рассредоточения густонаселенных районов. Вряд ли можно представить, какие при этом трудности возникали, поскольку отрыв малых семей от большой семьи или от деревенской общины переселенцами воспринимался как суровое наказание, которое не могло смягчить даже щедрое наделение землей на новом месте. Правда, в большинстве случаев освоение новых земель было связано с выкорчевыванием тропических джунглей, что без достаточного количества вспомогательных технических средств просто не под силу поселенцам. На Яве и на Бали землю, непригодную для возделывания, часто оставляли без обработки.

Многие районы юго-запада и востока Явы совершенно не заселены или заселены очень слабо. Это обуслов-

лено прежде всего природными условиями острова. Юго-западная его оконечность представляет собой влажную и жаркую болотистую местность с многообразной фауной. Проникнуть туда может лишь специально подготовленная экспедиция.

На полуострове Уджунг Кулон, куда можно про-браться лишь на небольшой лодке по окаймленным непроходимыми джунглями узким рекам, встречается болотный крокодил длиной до четырех метров и яванский однорогий носорог. Правда, носорогов осталось совсем немного, всего десятка два, да это и неудивительно: тропические леса и обширные болота постепенно отступают. Сюда переместились и редкие породы обезьян, такие, например, как серебристые гиббоны. Когда слышишь их крики, доносящиеся с верхушек деревьев, и видишь, как они носятся по тоненьким ветвям, филигранной сетью раскинувшихся под клокочущей водной поверхностью, сама мысль, что в каких-то двухстах километрах отсюда существует другой мир — мир большого города (Джакарта) с миллионным населением, кажется абсурдной. Однако все это — исчезающий сон, а Джакарта — это действительность, которая становится все более могущественной.

Кроме Уджунг Кулона на Яве имеется еще один заповедник, расположенный на северо-восточной оконечности острова. Он уже давно освоен туристами, и, кажется, ничего таинственного здесь больше не осталось. Но вместе с тем сама Ява по-прежнему сохраняет свою таинственность. Остров таит в себе сокровища, о которых не сказано ни в одном путеводителе, а археологические проблемы, несмотря на все усилия голландцев в колониальный период и энергичные действия индонезийцев, все еще не решены наукой.

Поэтому я решил не лететь самолетом, а последний отрезок долгого пути из Европы на Бали проделать наземным или водным транспортом, ибо уверен, что истинное представление можно получить об индонезийских островах лишь таким образом. Это важно как для понимания проблем индонезийской современности, так и для правильной оценки результатов ее переменчивого прошлого. Кроме того, при общении с местными жителями можно увидеть или узнать нечто доселе неведомое, что придаст двум неделям, потраченным на пересечение Явы, особое очарование.

ДОЛГИЙ ПУТЬ ЧЕРЕЗ ГИЛИМАНУК

Дорога к балийской культуре

Желание добираться до Бали не по воздуху (ведь от Джакарты до Денпасара ежедневно бывает несколько авиарейсов и продолжительность полета всего один час) для яванца абсолютно непонятно. Для него Джакарта и Ява всегда связаны с представлением о работе, а Бали — с райскими кущами, где можно провести отпуск. Зачем же откладывать на несколько недель пребывание в раю, если там можно оказаться немедленно? Наш яванский сопровождающий убежден к тому же, что на Яве вообще ничего интересного не увидишь, кроме храмов около Джокьякарты, но для ознакомления с ними вполне достаточно заехать в эти места на один день.

Но составленная мною программа, за исключением небольших отклонений, полностью повторяет путь, предложенный с запада на восток индийскими купцами, брахманами, индуистскими и исламскими завоевателями в течение столетий. Я хочу увидеть области их влияния, владычества и заката. Многие, наложившее свой отпечаток на развитие Бали, пришло с Явы, поэтому все это легче понять, если с нее и начать.

Хотя абсолютной уверенности в том, что древнейшие культурные влияния проникли на Бали через Яву, нет, многое на Бали пришло именно с нее. Совершив экскурс в историю, мы можем установить разнообразные взаимосвязи, которые способствовали формированию облика балийской культуры, существующего и сегодня. Тема эта исключительно сложная и многоплановая, поскольку всевозможные влияния проникали на Бали тысячелетиями и шли с разных сторон — из Юго-Восточной Азии через море и из Южной Азии через цепь островов.

В ландшафте Явы и Бали, несмотря на огромную разницу в размере территорий, проявляется немало общих черт: оба острова покрыты буйной тропической растительностью, богатство и многообразие видов которой

просто поражают. Зелень, которая держится здесь круглый год, буквально поглотила лабиринты домов бесчисленных деревень рисоводов, имеющих на Бали гораздо более глубокие корни, чем на Яве. Деревни располагаются между полями, цвет которых постоянно меняется: вначале зеленые, они затем желтеют и, наконец, становятся коричневыми. Искусно разбитые поля ограничены низкими насыпями, над которыми простираются пальмовые рощи и поднимающиеся по склонам гор рисовые террасы. И над всем этим возвышаются вулканы, доминирующие над островом и обращающие на себя внимание, откуда на них ни посмотришь — с дороги, с корабля или с самолета.

По сравнению с быстро растущими городами и их безликими окрестностями нарисованная картина в течение последних столетий практически не меняется, она существовала и полторы тысячи лет назад, когда индонезийский архипелаг вступил в свою историю.

Несмотря на все наблюдаемые в Джакарте тенденции к индустриализации, которые, однако, претворяются в жизнь не слишком быстро, эта картина и в дальнейшем будет определять ландшафт Явы и Бали: интенсивное рисоводство по-прежнему остается основой жизни островов. Оно, по всей видимости, будет развиваться и дальше, перейдет на другие острова, если страна захочет стать независимой от импорта, хотя думать об этом еще слишком рано.

С шестидесятых годов Индонезия получает от США ежегодно свыше 600 тысяч тонн риса практически даром. Это своеобразный жест, признающий ее военно-политическое участие в мероприятиях по сохранению приблизительного равновесия сил в Юго-Восточной Азии, к чему стремятся американцы после окончания войны во Вьетнаме. Значительную часть импортного риса правительство Индонезии использует для выдачи все еще низкооплачиваемым учителям и мелким служащим страны, а также для снабжения своей огромной армии и могущественного полицейского аппарата, для которых не нужно брать продовольствие из собственных запасов: его и без того не хватает.

Таким образом, обеспечение продовольствием населения как на Яве, так и на Бали весьма скудное. И сейчас даже еще возможны ограниченные зоны голода, периодически возникающие то в одном, то в другом месте из-за плохих дорог, затрудняющих быструю доставку

продовольствия. Не обеспечиваются и другие меры по ликвидации голода, в чем повинна индонезийская бюрократия, не обладающая достаточной гибкостью.

Так, летом 1977 года в восточных районах Бали вследствие продолжительной засухи возникли трудности со снабжением, вызвавшие в отдаленных деревнях голод, продолжавшийся несколько недель. Склады риса опустели, а помощь пришла слишком поздно.

Если сегодня проехать по широким автострадам Явы от Джакарты на юг или на восток, то транспортных проблем, разумеется, не заметишь. Однако подобных автострад очень мало, множество деревень расположено в стороне от них, и до них трудно добраться даже на джипе. Так же трудно достичь многие памятники яванской культуры, наиболее древние из которых относятся к VII—VIII столетиям. В поисках таких строений мы то и дело попадали на дорогу, где возникали трудноразрешимые для водителя задачи, поэтому зачастую нам приходилось продолжать путь в прошлое Явы пешком.

Является ли Ява колыбелью человечества!

Останки одного из древнейших типов человека, обнаруженные между Явой и Бали, можно увидеть в музее — правда, не в Индонезии. Речь идет об окаменевших костях, которые нашедший их исследователь Эжен Дюбуа привез с собой в Голландию. Обломок нижней челюсти, правый верхний коренной зуб, бедренная кость и черепная крышка являются сегодня экспонатами Этнографического музея в Лейдене.

Наряду с черепной крышкой так называемого пекинского человека, или синантропа, и найденной в Мауэре недалеко от Гейдельберга нижней челюстью так называемого ископаемого гейдельбергского человека эти предметы являются наиболее впечатляющими находками древнейшей истории человека. Недавно, в 1949 и 1954 годах, к ним присоединились окаменелости из археологических раскопок Южной и Северной Африки.

Обнаруженные около реки Соло ископаемые останки в отличие от большинства доисторических находок явились результатом планомерных поисков, в основе которых лежала смелая, но давно уже опровергнутая теория известного немецкого естествоиспытателя Эрнста Геккеля.

Проводя свои исследования по истории, опирающиеся на учение Дарвина о происхождении видов, Геккель обратил внимание на то, что поведение живущих на Яве и других островах Индонезии бесхвостых гиббонов несколько напоминает поведение человека. С безапелляционностью, свойственной жаждущим открытий ученым, он сделал из этого вывод, что колыбелью человечества может быть тот регион земли, где еще сегодня живут гиббоны.

И хотя этот вывод представляется весьма неубедительным, молодой голландский студент, врач Эжен Дюбуа (1858—1940), который слушал Геккеля в Йене, был так загипнотизирован этой теорией, что не успокоился, пока не добился того, чтобы его приняли в колониальную армию, благодаря чему он приблизился к своей желанной цели — Индонезии.

Геккель, у которого было подготовлено название для еще не найденного, но уже детально описанного общего предка человека и гиббона — питекантропа (*Pithecanthropus alalus*), пришел в восторг, когда в 1889 году Дюбуа отправился на поиски призрака, которого он сам наделил такими конкретными чертами.

Большинство же немецких естествоиспытателей, в том числе и Рудольф Вирхов, считали, что идею Геккеля — найти на простирающихся на многие тысячи километров островах пару костей, которые подтвердили бы справедливость его теории, — нельзя принимать всерьез.

Вначале Дюбуа проводил раскопки на Суматре, но они не дали никаких результатов. Затем он перешел в центральный район Явы, где вскоре недалеко от Тринила у реки Соло и обнаружил доисторические кости.

В сентябре 1891 года его внимание привлекла еще одна находка — правый верхний коренной зуб. Получив отнюдь не доказательство, а лишь основание для предположений, Дюбуа делает вывод, что этот зуб принадлежит питекантропу, следы которого он ищет. Одержимый идеей, он тщательно обследует крутые берега реки Соло. К этой работе, которая длилась многие месяцы, были привлечены сотни местных жителей — и все из-за одного-единственного зуба.

Наиболее значительный успех пришел уже через четыре недели. Была найдена черепная крышка, которая по праву вдохнула жизнь, хотя и давно окаменелую, в название, придуманное Геккелем, — *Pithecanthropus*. Правда, черепная крышка не имела ничего общего с

древним гиббоном, тем не менее Геккель в пику Вирхову выступил с торжествующими словами: «Удача Эжена Дюбуа, нашедшего ископаемого *Pithecanthropus erectus*, дала нам в руки окаменелые кости того самого обезьяночеловека — питекантропа, которого я гипотетически сконструировал. Для антропологии эта находка имеет большее значение, чем перевозносимое до небес открытие рентгеновских лучей для физики».

Однако, даже осмотрев находку в Лейдене, Вирхов не расстался со своими сомнениями. Сам же Геккель так и не увидел ископаемые останки, которые, казалось, подтвердили правильность его предположения. Но хотя исходный тезис теории Геккеля, основывающийся на том, что гиббон является предком человека, так же как и сделанный из этого вывод, что Индонезия — колыбель человечества, оказался неверным, его смелые гипотезы пробудили интерес к раскопкам, неопределимым образом обогатившим наши знания о древней истории человека и роли Индонезии в истории заселения земли.

По непонятным причинам Дюбуа не захотел сообщить, при каких обстоятельствах была сделана находка, поэтому ученым пришлось ждать еще десятилетия для ее научного подтверждения. Новые находки палеонтолога Густава фон Кёнигсвальда, который производил раскопки также в центральной части Явы, подтвердили находки Дюбуа, но внесли при этом изменения в их временную классификацию. Те окаменелости, которые Дюбуа относил к третичному периоду, считая, что им не меньше десяти миллионов лет, были с большой степенью вероятности отнесены к среднему плейстоцену, ледниковому периоду, начавшемуся миллион лет тому назад.

На основании изучения фауны, относящейся к этому периоду, фон Кёнигсвальд сделал вывод, что тогда в индийском и китайском регионах образовались формы первобытного человека, которые встретились на Яве.

**Четырехгранный топор —
древнейшее свидетельство
переселения в Индонезию**

Недалеко от Пачитана (южная часть Центральной Явы), на склонах реки Баксока, было найдено 2500 предметов из обломков туфа — в основном скребки и режущие инструменты, а также 150 каменных орудий.

Эта богатая находка доисторического происхождения, несомненно, относится к палеолиту. Грубообтесанные ручные рубила при более внимательном рассмотрении лишь незначительно отличаются от аналогичных рубил, собранных в юго-восточной части Азиатского материка, например в долине реки Иравади в Бирме.

Сравнение с находками, относящимися к раннему неолиту, показывает, что если посмотреть на это поверхностным взглядом дилетанта, то за многие тысячелетия мало что изменилось. Изготовленного людьми тех эпох примитивного инструмента, очевидно, было достаточно, чтобы удовлетворять потребности, которые не были еще столь утонченными и дифференцированными, какими они сделались в период, когда благодаря языку и более развитому мышлению появились магику-культурные представления.

О том, как развивался человек на индонезийских островах в те тысячелетия, которые приходится на период каменного века, мы знаем немного. Составить себе более четкое представление возможно лишь с того времени, когда в Египте, на Ближнем Востоке, в Северо-Западной Индии и в Китае появилась высокоразвитая культура, которая, бесспорно, была заимствована извне, а именно с севера, и которая позволяет ясно определить, как происходило формирование сознания ее носителей, осознание формы в ремесленных изделиях, что явилось определяющим как для орудий труда, так и для предметов культа. Предметом, который дал культуре имя, является топор.

Наука различает культуры овальных, плечиковых и четырехгранных топоров.

Подобные же культуры в период неолита развивались в южнокитайском и индокитайском регионах. Однако их продвижение на юг происходило совершенно разными путями. Это позволяет сделать вывод, что различные типы топора были созданы разными народами.

Известный этнолог Роберт фон Гейне-Гельдерн разработал на основе этого умозаключения свою знаменитую теорию так называемых аустронезийских переселений — относящихся к неолиту переселений народов из района Китая и Индокитая на юго-восток.

В то время как овальный и плечиковый топоры достигли восточных островов и Меланезии (где особенно часто встречается овальный топор), область распространения четырехгранного топора, как показывают резуль-

таты раскопок, произведенных до настоящего времени, охватывает Яву и доходит до Бали. Отдельные находки встречаются на Калимантане, на северном побережье Сулавеси, а в Восточной Индонезии они крайне редки. Гейне-Гельдерн считал, что распространение четырехгранного топора в Западной Индонезии относится к периоду между 2500 и 1500 годами до нашей эры. В то время на Яве и Бали развивались ранние цивилизации.

Каменные топоры попадались во многих раскопках. И хотя другие свидетельства древних культур встречались значительно реже, можно сказать, что это была эпоха, когда развивались художественные и культовые представления аборигенов Явы и Бали. Они оказывали свое влияние и позже, вплоть до вступления Бали в эпоху письменной истории.

Колыбель культур каменного века, следы которых можно определить благодаря различным формам топора, находится в южнокитайской провинции Юньнань и в Северном Лаосе, где, вероятно, в окрестностях будущей королевской резиденции — города Луангпхабанга был создан четырехгранный топор особенно изысканной, вытянутой формы. Луангпхабанг находится в верховьях Меконга, одной из рек, служивших древним переселенцам дорогой на юг. Жившие там племена умели сооружать плоты для речного судоходства.

Вероятно, затем, после их появления на побережье, потребовались целые поколения, чтобы создать корабли с высокими выгнутыми носом и кормой, пригодные для морского судоходства. Под натиском более сильных племен они были вынуждены отправиться на кораблях на юг и по морю добрались до островов, о существовании которых они и не подозревали.

Это было одно из захватывающих приключений в истории древнего человечества. Ведь маршруты путешествий, совершавшихся прежде, в III тысячелетии до нашей эры, из Месопотамии в Индию, прелегали вдоль побережья, в хорошо знакомых водах. Таким образом, во II тысячелетии до нашей эры человек впервые отправился в открытое море навстречу полной неизвестности.

Одновременно другие группы народов устремились через Таиланд и Малайзию на юг, достигли Суматры и Явы. Гордое племя батаков на севере Суматры считается их потомками.

Когда так называемые протомалайцы с материка

Южной Азии проникали на индонезийские острова, они, вероятно, оставляли свой бродячий образ жизни. Об этом свидетельствует тот факт, что дома, которые они начали строить, достигнув берегов рек Калимантана, горных районов Суматры и Сулавеси, представляют собой свайные постройки, по форме напоминающие корабли. Еще сегодня встречаются деревни батаков, похожие на флотилию древних судов, севших на мель среди поблескивающих водой рисовых полей.

Свайные постройки в горах позволяют сделать вывод, что их возводили на берегах, где когда-то селились племена из прибрежных районов Юго-Восточной Азии, откуда они отправлялись в плавание на кораблях, о которых еще сегодня напоминают их искусно построенные жилища с высоко поднятыми крышами.

Культуру возделывания клубнеплодов и риса, а также разведения свиней и крупного рогатого скота они, очевидно, привезли с собой со своей старой родины.

Как рог буйвола на доме, так и каменный топор, найденные в раскопках на месте их поселений, свидетельствуют о религиозных и культурных представлениях, отголоски которых живы и сегодня. Ведь камень, нашедший в виде четырехгранного топора свою древнейшую практическую и одновременно культовую форму, остался и по сей день, так же как и буйвол, элементом культа.

Каменный топор со временем преобразовался в каменный клинок, иными словами, появился важнейший инструмент, необходимый в ритуале жертвоприношения. Но и сам топор был и остается священным предметом ранних индонезийских культур и символом божественной силы, подобно «громовым стрелам» Индры в индоарийском жертвенном культе.

Мы очень мало знаем о древних ритуалах и о значении дошедших до нас предметов древности. Однако и сегодня мы можем уверенно отделить рабочие инструменты от культовых. Если взять топор, то сразу станет ясно, использовался ли он для корчевания леса и обработки древесины или служил для священного обряда. Формы ритуальных топоров очень изысканны. По ним можно судить, какое большое значение придавали малайские древние народы гармонии — черте, которая до наших дней сохранилась в их архитектуре, в оформлении различного рода украшений.

Недавние исследования подвергли сомнению, и, пред-

ставляется, не без оснований, утверждение о том, что во времена четырехгранного топора в Индонезии еще не было обработки металла, что культура четырехгранного топора — это в чистом виде культура каменного века. Так, Вольфганг Маршалл в защищенной в 1964 году в Мюнхене диссертации пытается доказать, что обработка камня и металла появилась в индонезийском регионе в одно и то же время, причем редкий металл в первую очередь предназначался для культовых целей, что, разумеется, не исключает возможности изготовления каменных топоров даже тогда, когда уже началась обработка металла.

Культура больших камней

Возможно, каменный топор служит ключом к пониманию других древних элементов культуры Индонезии, например к разгадке каменных сооружений периода неолита, которые таинственным образом связали Юго-Восточную Азию с явлениями каменного века в других частях Земли, прежде всего в Европе.

Хотя на вопрос о происхождении культуры больших камней (мегалитическая культура) наука еще не дала ответ, ее распространение по всему миру — от Великобритании до Полинезии — и продолжительность ее существования, исчисляемая тысячелетиями, представляют собой единственные в своем роде феномены, отражающие характер духовного религиозного мира человечества на заре его истории. Более убедительное доказательство трудно себе представить. Южноанглийский Стоунхендж — самое древнее солнечное святилище, созданное человеком каменного века, менгиры и дольмены Франции и бассейна Средиземного моря, каменные храмы Мальты, а также каменные сооружения Передней Азии, Индии и, наконец, Индонезии и островов южной части Тихого океана имеют много общего как по внешнему виду, так и по значению. Все это — памятники человеческого самосознания, которые посвящались, очевидно, признанным уже в древности в качестве главных элементов бытия силам плодородия, зачатия и рождения, смерти и потустороннего мира.

Мы не знаем, когда и где впервые на земле человек установил камень как памятник. Нам неизвестно также, был ли этот памятник воздвигнут в честь живого

го или мертвого. Однако мы можем с уверенностью утверждать, что установка камня была древним сознательным актом, благодаря которому в цепи случайностей возник порядок. Человек начал понимать землю и осваивать ее. Но одновременно ему пришлось понять, что его господство ограничено, что существуют силы, которые могущественнее, чем он и его стремление к порядку.

Был ли первый установленный камень свидетельством власти или беспомощности, означал ли он самоутверждение или жертвоприношение, остается невыясненным.

Создается впечатление, что жизнь и жертва с самого начала были взаимосвязаны, подобно тому как связаны существование и труд. Еще в древности человек воспринимал существование лишь как часть жизни, часть, которую можно осилить с помощью труда. А очевидно, уже в каменном веке человек стал осознавать, что все трудности жизни можно преодолеть только с помощью жертвоприношений. Если же это не делается постоянно и добровольно, судьба все равно потребует свою жертву.

В этом убедились на собственном опыте и древний охотник, и древний рисовод. На суше их, так же как и на море, подстерегали опасности. И ни море, ни сушу нельзя было победить в одиночку. Племенные и родовые сообщества все больше становились сообществами, объединявшимися не только трудом, но и жертвами. Иными словами, появились культовые сообщества. Вероятно, свидетельства мегалитической культуры, которые можно встретить во всем мире, — первое очевидное, сохранившееся до нашего времени выражение такого сообщества.

Вместе с развитием земледелия и его разнообразными проблемами — севом, орошением и осушением почв, сбором урожая, стихийными бедствиями — росло сознание угрозы существованию, возникающей вследствие предсказуемых и непредсказуемых событий в круговороте природы. При этом уничтожение одной человеческой жизни для сообщества было такой же зловещей реальностью, как уничтожение градом урожая. И то и другое было непредсказуемым, и то и другое было роковым, однако и то и другое не было окончательным. Рождались новые люди. Вырастал новый рис. И даже уничтоженное не умирало окончательно. Новые побег

появлялись из тех же самых корней, стебли и ветви которых были сломаны бурей. Почему с человеком должно быть по-другому?

Возможно, первые мегалиты были камнями, установленными в память умерших. И по первым каменным столам потекла кровь принесенных в жертву, чтобы примирить умерших с теми, кто остался жить. Таковы предположения о смысле ритуалов, которые все вместе наверняка могли рассматриваться как ритуалы, способствовавшие преодолению невзгод жизни.

Когда перестали видеть жизнь как не связанный ни с чем процесс, а смерть как случайность, когда начали размышлять о существовании и осознавать связь между днем и ночью, жизнью и смертью, земным и потусторонним миром, потребовались и соответствующие символы такого мышления и понимания.

Большие камни — это древнейшие символы земли, которые мы знаем. Они сохранились, и их форма, характер, их сооружение и соотношение друг с другом исключают случайность. Они являются свидетельствами того, что человечество пришло к осознанию взаимосвязей и взаимодействия людей друг с другом.

Отчетливо прослеживаемая взаимосвязь многих мегалитов со сменой дня и ночи, с движением звезд показывает, что в них впервые признается существование пространства и времени. Человек осознал свою действительность и тем самым узкие границы, которые отведены ему в этой действительности, определяемые как человеческое существование.

Однако при этом он, по всей видимости, пришел к выводу, что рождение и смерть — это не начало и конец, а лишь вход и выход. Возможно, мегалиты — не что иное, как символы подобной идеи и тем самым свидетельство возрастающей религиозности. Родилось сознание непрерывного круговорота жизни, включение в этот круговорот человека во времени и в пространстве.

Если раньше представление человека сводилось лишь к пониманию пространства, заключенного в его первом убежище — пещере, то с появлением мегалитов в круг представления добавилось и понятие времени, которое выражалось в противопоставлении преходящего, связанного с существованием, и непреходящего, символом которого стали каменные сооружения. Наметилось ли уже при этом символическое значение и одновременное противопоставление полярности мужского и женского

начал — фаллоса и влагалища, — трудно сказать. А вот представление о зачатии как причине родов, так же как о смерти и возрождении, примером чему является сама природа, в ту эпоху, вне всякого сомнения, существовало.

Мертвые в эпоху неолита не считались больше безвозвратно ушедшими. Они были предками, которых хоронили под большими камнями, отправляя при этом культовые обряды. Вместе с ними клали вещи, которые могли бы им пригодиться на долгом пути в царстве теней, — предметы обихода, оружие и утварь.

Захоронения напоминали о прежнем существовании погребенных. Сооружались каменные скамьи для культового общения живых и мертвых. Предки и установленные ими законы, которые передавались из уст в уста, из поколения в поколение, имели решающее значение как для живущих, так и для поддерживаемого ими порядка, в результате чего мегалитическая культура постепенно распространялась.

Сельскохозяйственная община вместе со своими предками становилась в сознании ее представителей микрокосмом, который получал смысл и жизнеутверждающую силу в магическом ритуале постоянно повторяющегося заклинания предков. Человек, животное и растение, земля и вода, вчера, сегодня и завтра, мир земной и мир потусторонний, прародитель и новорожденный — все в представляемой таким образом вселенной было взаимосвязано и находилось друг с другом в родстве.

Эта магическая взаимосвязь рассматривалась как живая сила, которую называли в древней Океании «мана» и которая должна сохраняться в равновесии с помощью всех имеющихся в распоряжении средств. Сооружение мегалитов было, возможно, одной из первых попыток сохранения и укрепления «маны», первым ритуалом заклинания добра против зла. «Мана» была силой, которая в тогдашнем представлении питала бесконечное движение в круговороте нашей жизни.

Создается впечатление, что люди эпохи неолита, создатели мегалитической культуры, понимали этот круговорот жизни лучше нас, признавая неразрывную взаимосвязь плодородия, зачатия, рождения, смерти и потустороннего мира. В то время как мы признаем эту функциональную связь лишь частично и рассматриваем через призму стилизации так называемого бытия по от-

пошению к осмысленной части жизни, распад взаимосвязей народа, племени, рода и семьи с разрушительными последствиями для каждого из этих объединений, особенно в последнее время, все отчетливее показывает, что человек не остается безнаказанным, если он отходит от естественного порядка или разрушает его.

Каменные сооружения мегалитической культуры являются символами порядка, признанного людьми каменного века в качестве естественного. Отголоски этой символики сохранились в подсознании человечества до настоящего времени. А в немногих уголках нашей планеты они остались сутью сознания людей, однако и в этих уголках основанный на них порядок под влиянием технического прогресса и распространившегося по всему миру общества потребления постепенно исчезает.

Бали относится как раз к тем районам, где упомянутый порядок претерпел сравнительно небольшие изменения. И с этой точки зрения вполне можно говорить об острове между двух миров. Здесь сохранились остатки не только некогда распространенных по всей Индонезии памятников культуры мегалитов, но и структур общественного порядка, происхождение которого, несомненно, относится к эпохе неолита и который в Индонезии носит название «адат».

В адате различных частей Индонезии мегалиты и их культура, относящаяся к каменному веку, сохранили свое значение и сегодня. Обычное право общины в семье, роде и селении имеет здесь культовый характер. Адат — это порядок, установленный в период каменного века вместе с сооружением первых мегалитов и все еще существующий на многих островах Индонезии, в том числе (в особенно стабильной форме) и на Бали. Поэтому адат является одним из исходных элементов, к которому мы вновь и вновь будем возвращаться, рассказывая о жизни на этом острове.

Путь через тысячелетия

Древний путь на Бали, долгий путь через Гилиманук — это не только путь многих народов, протянувшийся на тысячи километров, но и, как мы уже видели, путь через тысячелетия. Пространство и время здесь, на индонезийских островах, приобретают особые масштабы. Поэтому, если рассматривать историю Индонезии только

через призму наиболее значительных влияний на нее, сложится слишком упрощенная картина. Об индонезийском исламе можно получить лишь самое поверхностное представление, если все сводить только к исламским влияниям из Азии. То же самое можно сказать и об индуизме, который на Бали также претерпел изменения, так что трудно объяснить на основании его простого сравнения с индийским индуизмом.

Хотя большинство религиозных и культурных памятников Бали достаточно «молоды» по сравнению с памятниками культуры на Азиатском материке, их появление следует отнести к значительно более раннему периоду, чем кажется с первого взгляда. Действительно, первые признаки, свидетельствующие о возникновении на Бали культуры и религии, относятся к периоду неолита и бронзовому веку, причем не имеет значения, появились ли они на острове одновременно или поочередно. Даже если в противоположность Сулавеси или западноиндонезийскому острову Ниас, для которого до сих пор характерна культура мегалитов, на Бали сравнительно редко встречаются предметы периода неолита, многое из того, что мы сегодня называем типично балийским, имеет прямое отношение к каменному веку.

Так, адат, о котором уже упоминалось, является неписанным законом сегодняшнего Бали. На нем основана непоколебимая традиция острова, связь его людей со своими предками, которые, согласно балийской вере, служат проводниками всех благословенных сил, всех жизненных побуждений и тем самым истинными носителями «маны».

Даже в священных местах индуизма — в богатом мире храмов Бали — мы встречаем следы мегалитической культуры. Традиционную архитектуру каменного века не смогло изменить решающим образом даже влияние извне. В то время как в Индии башни храмов оживляются изображениями богов в человеческий рост, а сами храмы — фигурами богов, сидящих на каменных тронах, в балийском храме мы видим то, что было характерно для древних мегалитических священных башен, — пустые тропы из крупных камней, отделанные кирпичом и окаймленные символами животных, своеобразные потомки мегалитов каменного века. На этих тронах должны восседать боги и предки во время их пребывания на земле.

На Яве они встречаются очень редко, однако на этом

острове, всегда находившемся под сильным влиянием как буддизма, так и индуизма, более поздняя, пришедшая из Индии культура претерпела гораздо более значительные изменения по сравнению с Бали, где древние традиции всегда имели лучшие шансы на выживание и, вероятно, сохраняют их и по сей день.

Отношение балийца к своим богам совсем иное, чем отношение индуса к Шиве или Вишну. Для балийцев Шива олицетворяется с горой Гунунг Агунг, которая одновременно является местопребыванием бога. С этой горы он время от времени спускается вниз, чтобы принять участие в празднествах, торжественных похоронах и панихидах, которые лишь благодаря его присутствию, вызванному заклинаниями священнослужителя, приобретают свой смысл в цикле всех празднеств и тем самым в цикле всей жизни. Тысяча храмов Бали по своему происхождению, вероятно, имеет более древнюю историю, чем индуизм и буддизм. Они никогда не были местом поклонения в полном смысле этого слова, а всегда служили местами жертвоприношений и встречи с богами, в честь которых совершался обряд жертвоприношения.

Имена богов в связи с этим особой роли не играют, они воспринимаются лишь как выражение всемогущества природы, представлена ли она в образе вулкана, источника, реки или бескрайней дали моря. Поэтому новые имена богов не смогли вытеснить и заменить старых. И мы скажем слишком мало о значении балийской церкви, если только отождествим ее с именем Шивы. Здесь имя является лишь обозначением самой могущественной, самой возвышенной божественной силы. О том, что ее носитель проделал долгий путь из Индии на Бали, чтобы обосноваться на горе Гунунг Агунг, большинство балийцев почти ничего не знают, так же как им мало что говорит имя и значение Будды, хотя на острове, носящем индуистское название, у него до сих пор есть свои храмы, в которых, вопреки сложившейся балийской традиции, имеется его фигура.

Попытаемся представить себе, что в то время, когда индийские брахманы принесли с собой на Суматру, Яву и Бали индуистских богов и их имена, там существовала высокоразвитая для того времени культура с организованными общественными формами и технически совершенными системами орошения, создатели которых восприняли новые идеи, пришедшие с севера, не больше чем

интересное дополнение к своим собственным знаниям и, во всяком случае, не как нечто абсолютно новое, совершающее полный переворот, хотя подобное впечатление, вероятно, как раз и пытались создать приехавшие индийцы. Однако процесс слияния полученной от них культуры с элементами нового духа продолжался в течение столетий и ни в коей мере не может рассматриваться в качестве своеобразной древней экономической помощи развивающимся странам.

Мы не можем точно сказать, сколько столетий или даже тысячелетий продолжался период развития и распространения культуры каменного века на индонезийских островах, в особенности на Яве и Бали. Ход ее исторического развития теряется во тьме веков, когда еще не существовало письменности. И самые древние правила адата, которые передавались из уст в уста, не имеют четкой хронологии. Даже изображения, относящиеся к началу исторического периода, основываются на мифах и легендах.

Торговцы, монахи и брахманы в Индонезии

В истории Индонезии легенда и действительность стоят рядом, однако достоверно то, что уже в VI веке на Южной Суматре существовало основанное под индийским влиянием буддийское государство Шривиджая, которое скорее всего распространяло свое влияние на Яву и Бали.

Переселению индийцев и образованию государств в малайзийско-индонезийском регионе наверняка предшествовали продолжавшиеся в течение столетий торговые отношения и культурные контакты, прежде всего буддийская миссионерская деятельность, которую мы не можем воссоздать во всех деталях, хотя ее влияние на индонезийских островах отчетливо прослеживается.

На Яве, вблизи Джембера, была обнаружена статуя в стиле будды Амаравати, относящаяся к III веку. А древнейшие санскритские надписи, найденные в западной части Явы, можно датировать серединой V века. Их оставил правитель индуистского государства Тарума — Пурнаварман, ступни которого сравнивались со ступнями Вишну. Возможно, это был тот самый правитель, который в китайских исторических хрониках династий Лян и Тан упоминается как правитель яванского княжества Та-лу-ман*, которое в VI—VII веках неодно-

кратно отправляло посольства ко двору китайского императора.

Отсюда видно, каким сильным было уже в древние времена внешнее влияние, которое еще сегодня определяет не только политическое, но и духовное лицо отдаленных частей Индонезии. При этом во внешнем проявлении китайское влияние гораздо менее ощутимо, чем индийское, хотя многочисленные элементы древней китайской культуры живы до сих пор. Достаточно вспомнить о распространении китайской керамики и китайского фарфора. Торговля также была и остается до настоящего времени в значительной степени в китайских руках.

Однако как торговый партнер Индонезия была открыта Индией. И это, возможно, произошло еще до нашей эры, поскольку с момента первого появления индийских торговцев на индонезийских островах до того времени, когда островные княжества стали испытывать сильное политическое и культурное влияние, прошло не одно столетие.

Менее известными для нас в историческом плане и тем не менее сыгравшими важную роль для более поздней истории Индонезии являются первые столетия нашей эры, когда индийские торговцы с помощью муссонов плыли под парусами на юго-восток, чтобы спустя полгода, используя ветры, дующие в противоположном направлении, вернуться в Индию. Может быть, именно благодаря продолжительности периода между муссонами влияние Индии на Индонезийском архипелаге смогло стать таким значительным.

Очевидно, оно осуществлялось главным образом двумя путями. Во-первых, через купцов, которые везли металлы, ценную древесину, смолы, пряности, камфару и экзотические товары (сегодня, по сути дела, происходит то же самое) на процветающий мировой рынок, расположенный между Китаем, Индией и Римом, и которые оживляли экономический интерес островных народов, существовавших до тех пор обособленно. Одновременно эти купцы везли свою высокую культуру. Вскоре их уже сопровождали буддийские монахи, которые развертывали свою миссионерскую деятельность так же энергично,

* Та-лу-ман, возможно, Тарума — первое индуизированное княжество на западе Явы в VI в. н. э., упомянутое в китайских хрониках XV в. Обычно отождествляется с Суматрой.— *Примеч. ред.*

как на Цейлоне (Шри-Ланка), в Бирме и в Малайзии. Они действовали откровенно и с таким большим умением, что многие из местных правителей были готовы соединить свой исконный культ богов и предков с учением Будды. Синкретические формы в том виде, в каком они тогда возникли, встречаются в Индонезии еще и сегодня, особенно на Бали.

То, что наряду с буддизмом добился признания и индуизм, должно было прежде всего иметь политические основы, поскольку, в то время как буддизм по своему характеру и учению с самого начала был получившей всемирное распространение религией с миссионерскими тенденциями, для индуизма нужно было, очевидно, родиться индусом. Вероятно, индуизм был элитарной религией, распространявшейся прежде всего благодаря бракосочетаниям в домах правителей. Таким образом на Яве и Бали постепенно возникли индуистские верхние касты, которые не имели значительного распространения. При этом, однако, выясняется, что на Бали, единственном индонезийском острове, где еще сегодня существует деление на касты, 95 процентов населения составляют судры, принадлежащие к низшей касте.

По следам яванских правителей

Ни одна древняя надпись не дает нам возможности узнать, когда появились на Бали первые индийцы. Мы не знаем, воспользовались ли они морским путем или выбрали долгий путь через Гилиманук. Бесспорно лишь то, что Бали довольно скоро был втянут в сеть международной торговли и эта сеть становилась все более густой благодаря высокому искусству индийских и китайских мореплавателей, курсирующих между берегами Азии, островами и далеким Западом, куда, так же как ко двору правителей Китая и Индии, везли все виды предметов роскоши, пользовавшиеся во времена последних римских императоров большим спросом не только в Риме, но и в европейской и ближневосточной частях империи, причем число покупателей неуклонно росло.

Международная торговля того времени, масштабы которой можно даже в какой-то степени сравнивать с масштабами торговых отношений сегодняшнего дня, не была тем не менее основным элементом жизни азиатов. Существовали группы людей, например индийские брахманы, которые полностью стояли в стороне от сельского

хозяйства, ремесла, торговли, от практической политики и ее милитаристского продолжения — ведения войн. Они занимались только религиозными делами — службой в храмах и проведением обрядов жертвоприношений, а посему считались личностями, входящими в контакт с предками и богами. Это служило основой их центральной, исключительно сильной позиции. Многие из них превращали религиозную службу в выгодное дело и становились причастными к общему богатству. Подобная секуляризация брахманизма не воспринималась народом безропотно. Возникали секты, которые выступали против бесстыдного поведения брахманов.

Учение Будды является самой значительной силой, возникшей в VI веке до н. э. как следствие падения влияния древнеиндийского брахманства. Благодаря усилиям Ашоки, правителя из династии Маурья, уже в III веке до н. э. оно распространилось далеко и на запад, и на юго-восток. Знаменитые университеты при монастырях, например индийский Наланда, заботились об образовании монахов, которые по стопам торговцев, вероятно даже на их кораблях, проникали все дальше на юг.

Таким образом, перед наступлением новой эры, очевидно, существовали три главные группы, которые несли индийское влияние в Юго-Восточную Азию и на индонезийский архипелаг, — торговцы, брахманы и буддийские монахи.

Местные правители были весьма заинтересованы во всех трех группах, причем брахманам отдавалось предпочтение как личным советникам, в то время как буддийское учение служило для поддержки их политических планов. Ощутимое соперничество между индуизмом и буддизмом существовало в Индонезии, видимо, недолго, в VIII и IX веках, прежде всего на Яве.

Правители древних индуизированных государств на Суматре и Яве видели в культовом порядке и политической организации Индии образец для укрепления собственной власти. Брахманы и буддийские придворные проповедники укрепляли авторитет местных князей, для которых чужой культ являл собой образ общепринятости и магической, мифической силы. Индийские гости, выступавшие как маги-волшебники, за место при дворе были готовы и на священные жертвоприношения правителям, и на причисление их к родословному древу из индийской мифологии.

Они способствовали развитию искусства, литературы,

театра и музыки и тем самым придавали дворам индонезийских правителей определенный налет экзотической исключительности, который еще сегодня ощущается в кратонах*, обширных резиденциях султанов Центральной Явы в Джокьякарте и Соло, а также во дворцах более ранних балийских правителей.

Благодаря брахманам индонезийские правители и их дворцовое окружение изучили санскрит и искусство письма, что также создало им ореол исключительности и позволило еще больше, чем раньше, возвыситься над своими подданными.

Однако мы еще очень далеки от точного исторического описания Юго-Восточной Азии того времени. Немногие найденные надписи донесли до нас имена правителей, которых трудно расположить в хронологическом порядке, как трудно связать с определенными историческими процессами многие из древних строений.

Мы не знаем, когда состоялся первый контакт между древним государством Шривиджая на Суматре и старинными яванскими княжествами. Мы не можем даже сказать, на каких именно островах возникли первые государства и какие из островов первыми попали в сферу индийского влияния. По всей видимости, этот процесс шел с запада на восток. Правда, многое указывает на то, что Бали еще до активных контактов с Явой испытывал прямое давление — в первую очередь религиозного характера — со стороны Индии или уже индуизированной юго-восточной части Азиатского материка.

Несмотря на это, сегодня полагают, что наиболее значительным и продолжительным влиянием, которое Бали испытывал извне, было индо-яванское. В нем распознают несколько этапов, длившихся до тех пор, пока наконец вместе с вторжением ислама Бали не превратился в прибежище последних представителей индо-яванской аристократии, которая приняла участие в формировании и сохранении существующей и по сей день индо-балийской культуры.

Если мы сегодня проедем по острову с запада на восток по следам первых яванских правителей, то вряд ли найдем что-либо, рассказывающее о дворцовой жизни правителей тех времен, кроме храмов и мест священных обрядов, свидетельствующих об их глубокой связи с за-

* Кратон — яванск. — дворец правителей. — *Примеч. ред.*

имствованными из Индии религиями — буддизмом и индуизмом.

Древнейшие из яванских храмов — шиваитские — находятся на западной оконечности острова в труднодоступной, болотистой местности на плато Диэнг, известном своими серными источниками. Эти храмы относятся если не к наиболее значительным, то наверняка к самым впечатляющим культовым сооружениям древней Индонезии. Мы не знаем ни точного времени их появления (возможно, это произошло в VIII веке), ни династии, при которой они были построены.

Вероятно, это храмы шиваитских правителей, вынужденных под давлением буддистов, влияние которых в центральной части Явы в VIII веке значительно возросло, вместе со своими подданными отступить в труднодоступные районы и остаться в полной изоляции. Однако приблизительно в то же время и сравнительно недалеко от этих мест было построено крупнейшее буддийское храмовое святилище Индонезии — знаменитый Боробудур, грандиозное сооружение, имеющее форму пирамиды, которую венчают ступы-пагоды. Храм как бы представляет собой копию священной горы Махамеру — сердцевины вселенной.

Менее чем в ста километрах к востоку находится Прамбанан — монумент воинствующего индуизма, сооруженный в IX — начале X столетия вблизи сегодняшней Джокьякарты и почти полностью разрушенный в 1594 году во время землетрясения. Он был воздвигнут в честь святой троицы индуизма — Шивы, Брахмы и Вишну — и с 1937 года, когда началось его восстановление, почитается даже яванскими мусульманами как священное место. Время от времени к Прамбанану приезжают проповедники из Бали для проведения обряда жертвоприношений храму.

Когда еще строились Боробудур и Прамбанан, наверняка уже существовали тесные взаимосвязи между Явой и Бали. Во всяком случае, соперничество буддийских и индуистских правителей могло способствовать миграциям с Центральной Явы в восточную ее часть и наоборот.

Вместе с возникновением первых восточнояванских княжеств (процесс их образования начался на Центральной Яве) связи с Бали, судя по всему, активизировались, хотя вначале заметного политического влияния не ощущалось. Оно начало проявляться только в X веке, причем внедрялось не традиционным для того времени

путем (путем завоеваний), а через бракосочетания. Балийский принц Удаяна из династии Вармадевы — первого, как гласят древние документы, балийского княжеского рода — во второй половине X века женился на восточнояванской принцессе Махендрадатте, которая, следуя за своим супругом, приехала на Бали. Уже в конце X века влияние правительницы Махендрадатты привело к яванизации балийской дворцовой жизни. О том, поддерживали ли это древние, верные традициям балийцы, или Махендрадатта действительно, как утверждает народное предание, была «сущей ведьмой», никаких записей не сохранилось. Однако на ее гробнице, расположенной на горе над балийской деревней Гианьяр, она была изображена как танцующая па быке шестирукая Дурга — демоническое изображение супруги Шивы. В балийскую мифологию она вошла как «ведьма Рангда» и до сих пор олицетворяет зло в знаменитом танце «баронг». Сын Махендрадатты и Удаяны, родившийся в 991 году на Бали, впоследствии правитель по имени Эрлангга, основал в 1028—1037 годах крупное яванское государство, которое уже при правлении его брата присоединило к себе родной остров Эрлангги—Бали.

Ступенчатые храмы Явы и Бали

Большинство тех, кто посещает Яву, знакомится лишь с расположенными в ее центральной части храмами Боробудуром, Мендудом, Прамбананом и рядом более мелких храмов, которые не имеют никакой связи с архитектурой Бали. Эти древние сооружения, относящиеся к VII и IX векам, представляют собой в высшей степени своеобразные и по сравнению с их индийскими предшественниками самобытные памятники архитектуры, которые как для буддизма, так и для индуизма являются великолепными примерами религиозного самосознания в крайней юго-восточной области распространения этих религий. Свойственное древнеяванской архитектуре удивительное богатство форм позволяет определить основную идею храмов. У Боробудура это заимствованная от древнейших индийских храмов ступа — хранилище священных реликвий Будды и его последователей, доведенная эзотерическим духом позднего буддизма махаяны до высшей степени совершенства.

Однако в этом великолепном сооружении могла быть

заклучена и другая, еще более древняя идея — распространённое в Гималаях и во всей Юго-Восточной Азии изображение Махамеру — священной горы в центре вселенной, которая считалась местом отдыха умерших душ и местожительством старейших предков, а позднее и богов.

К такому выводу нас подводят как широкий у основания и в то же время круто поднимающийся к центру Боробудур, так и вертикально взмывающий ввысь Прамбанан, который вместе со своими четырьмя внутренними помещениями выполнен как настоящий храм.

Купол в виде перевернутой чаши для подаяния Будде над статуями Будды у Боробудура, являющийся одновременно ступой, у Прамбанана имеет форму фаллоса — лингама и является отличительным признаком Шивы.

Лингам и ступа как религиозные символы индуизма и буддизма в своем значении далеко отстоят друг от друга, точнее говоря, диаметрально противоположны. Лингам — это символ плодородия, ступа, напротив, — символ нирваны — конца всякого плодородия. И все же создается впечатление, что оба они происходят от одного и того же изображения, берущего свое начало от древнейших верований и выражающегося в родственных между собой прообразах Махамеру — оси земли и древа земли.

Родство художественных форм у столь различающихся по идейной направленности религий имеет, однако, не только отчетливо просматривающееся религиозное начало, но и актуальную политическую основу. Ведь правители всей Юго-Восточной Азии — приверженцы как индуизма, так и буддизма (в том числе буддийская династия Шайлендра, при которой на Яве был сооружен Боробудур) — называли себя «правителями гор». И именно на горах, настоящих или искусственных, происходила процедура обожествления правителя после его смерти. Таким образом, храм на горе или искусственная гора становились одновременно тронем богов и предков, а также правителей, причем почитание гор началось значительно раньше, чем сооружение искусственных горных святилищ.

Если мы проедем по Яве дальше на восток, в направлении Бали, то во многих местах увидим промежуточный элемент обеих форм — ступенчатое храмовое строение. Хотя почти все существующие еще сегодня храмы

такого рода были созданы позднее, чем Боробудур и Прамбанан, тем не менее многие из них восходят к более древним святилищам добуддийского доиндуистского периода, происхождение которых, вероятно, относится ко времени культуры мегалитов.

Два из наиболее интересных ступенчатых храма, которые по своей форме, очевидно относящейся к XV веку, и сегодня представляют немало загадочного, находятся к востоку от Соло на западном склоне вулкана Лаву. Это сооруженные над террасами храмовые пирамиды Чета и Сукух.

Литература по истории, религии и искусству Индонезии до сих пор практически не рассказывала об этих уникальных строительных сооружениях Явы, а отдельные упоминания о них весьма кратки. Даже в самом Соло мы напрасно спрашивали, как к ним проехать. Вскоре выяснилось, что и сегодня, даже после строительства горной дороги, путь к храмам по-прежнему нелегкий и довольно опасный.

До Четы можно добраться только пешком. Аналогичным образом нам пришлось проделать последний отрезок пути к безусловно интересному, можно даже сказать, потрясающему храмовому комплексу Сукух. Но это имеет свои преимущества. Ведь храмовые многоярусные святилища в их структуре и религиозном значении осознаешь лучше тогда, когда приближаешься со стороны, как паломник.

К сожалению, сделанный сегодня справа от пирамиды храма вход к святилищу Сукух не позволяет воссоздать полностью первоначальный путь, которым некогда шли паломники и который заканчивался массивными каменными воротами, увенчанными головой демона. Сбоку от них находится изображение мифической птицы Гаруды, стоящей на змее Наге. В нижней части ворот расположен барельеф, указывающий на то, что храм является сооружением ранее широко распространенного на Яве тантризма. Очевидно, мы имеем дело с древним святилищем плодородия. Барельеф в очень реалистичской форме изображает вагину и фаллос. Оба половых органа охватываются свернутой кольцом, змееобразной фигурой. С этим символом полового соединения перекликается большой барельеф слева от центральной пирамиды, изображающей огромную матку с полностью сформировавшимися близнецами в княжеской одежде и со всеми княжескими украшениями.

Самое удивительное в Сукухе — это форма пирамид главного святилища. Круто поднимающаяся, сделанная в виде балюстрады лестница и верхняя терраса папамянут святилища майя в джунглях Гватемалы. Даже столы для обряда жертвоприношений в виде черепак и окаймляющие их рельефные фигуры похожи на аналогичные сооружения Центральной Америки. Гаруда и другие, выполненные в человеческий рост, однако лишенные голов крылатые существа в таком виде нигде на Яве больше не встречаются. Они придают еще большую необычность этому храмовому строению, которое при внимательном изучении дает некоторое объяснение древнему индонезийскому культу плодородия.

Если мы теперь поедем дальше на восток, то на пути еще не раз будем встречать ступенчатые храмы, что характерно и для Явы, и для Бали. Сукух не только представляет собой нечто неожиданно чуждое, единственное в своем роде, но, как ни парадоксально, одновременно означает первое знакомство с храмовой формой, которая постоянно будет встречаться нам в самых священных местах древнейших культур этих островов. Это целый мир, которому до сих пор не было уделено должного внимания и который еще предстоит исследовать во всех его взаимосвязях.

Сравнительно недавно на южном склоне вулкана Арагура на Восточной Яве были обнаружены новые многоярусные ступенчатые храмы. Начиная с Рамбипуджи мы безуспешно пытались разузнать об этих святилищах. Как ни хотели нам помочь местные жители, чьи плантации какао и каучуковых деревьев простираются далеко вверх по склонам почти до самого кратера вулкана, они не могли дать точный ответ относительно местоположения интересующих нас храмов. Мы узнали лишь о существовании тропы, по которой можно добраться до цели пешком за какие-нибудь три часа, однако яванец, вызвавшийся быть проводником, вел нас три дня.

Таким образом, наша попытка найти по дороге на Бали новые звенья в цепи древнеисторических ступенчатых храмов вначале потерпела неудачу. Однако мысль о том, что здесь мы, возможно, приблизились к ответу на один из главных вопросов относительно смысла и значения древних религиозных культовых сооружений Индонезии, больше не оставляла меня в покое и позднее, на Бали, привела к некоторым интересным наблюдениям.

В Кетапанге мы последний раз переночевали на яванской земле. Заросший джунглями северо-запад Бали теперь был уже совсем близко. Переправа с яванского берега на балийский осуществляется с помощью постоянно курсирующего автопарома всего за полчаса. Символический знак Гилиманука, куда причаливает паром,— сложенные из кирпича высокие балийские ворота, своеобразие которых заключается в том, что они не запираются, а состоят лишь из двух сужающихся кверху столбов, которые на многочисленных храмах Бали часто украшаются богатыми барельефами.

Самый древний образец ворот такой своеобразной формы находится не на Бали. Мы нашли их в полуразрушенном состоянии вблизи небольшой восточнояванской деревушки Тровулан, по виду которой вряд ли скажешь, что тысячу лет назад она была центром могущественного восточнояванского государства Маджапахит, куда кроме Бали входили и многие из островов сегодняшней Индонезии, хотя трудно представить, как правители Маджапахита могли контролировать столь отдаленные области.

Дорога от Гилиманука на юг — одна из самых неблагоустроенных на Бали. «Долгим путем через Гилиманук» пользуются чаще всего грузовые машины, доставляющие товары с Явы на Бали. Люди же в основном летают самолетами.

И тем не менее именно здесь, на северо-западе острова, находится храм, который сразу напомнил нам яванскую пагоду, только расположен он не на склоне горы, а на крутом берегу моря,— это Пура Рамбут Сиви — святилище изумительной красоты, возвышающееся среди рисовых террас.

Его возникновение, так же как появление знаменитых морских храмов Танах Лот и Улу Вату на юго-западе и крайнем юге Бали, связано с ритуалом заклинаний морских божеств, демонов океана, который часто бывает очень бурным.

Аналогичные сооружения, к которым относятся знаменитые храмы Бесаких, Бангли и Мепгви, расположены в глубине острова на склонах холмов или гор. Пура Рамбут Сиви — единственный храм, террасы которого поднимаются вверх от моря. Он напоминает о том, что в древнейшей балийской религии кроме гор есть еще и вторая сфера, которую также считают священной и перед которой испытывают страх и благоговение,— море.

Пура Рамбут Сиви — не только ступенчатый храм, возвращающий нас мыслями к Яве и лишний раз подчеркивающий различие между Бали и Явой, но и первый балийско-индуистский храм, с которым мы встречаемся, покинув Яву и прибыв на Бали, и одновременно еще действующее индуистское святилище — трудно придумать более приятное знакомство с Бали.

То, что, проезжая через Яву, мы воспринимаем как историю, здесь — живая современность. Позади нас остался скучноватый, не выделяющийся никакими значительными сооружениями мир ислама, и мы спрашиваем теперь себя, что означает эта «граница» и как она образовалась.

Столетия после Удаяны были для Суматры, Явы и Бали временем жестоких, кровавых междоусобиц соперничающих династий и стремящихся наверх аристократических семейств, которые прокладывали себе путь с помощью мятежей, интриг и вероломных убийств. Лишь немногим правителям удалось царствовать долгое время без кровопролития, что в большинстве случаев было результатом успешно кончавшейся перед этим борьбы за власть. Одним из тех, кому это удалось, был Раден Виджая, с 1294 года раджа восточнаяванского государства Маджапахит. Во время правления его преемников яванизация Бали, начатая женой правителя Удаяны, была последовательно доведена до конца. Начиная с определенного времени контакт стал таким тесным, что в летописи двора Маджапахита, относящейся к XIV веку, мы читаем, что на Бали нравы и обычаи точно такие же, как на Яве.

Однако эта гармонизация происходила не без применения силы, поскольку в противоположность своим властителям, связанным с правящими семействами Явы родственными узами, балийский народ всегда стремился к независимости и упорно придерживался своих традиционных форм религии.

Вследствие этого интенсивные связи между Бали и Явой все более ослабевали. Когда в 1284 году Кертанagara, последний яванский правитель государства Сингасари, арестовал раджу Бали, казалось, что относительной свободе острова, полученной после смерти овейяного легендами правителя Эрлангги, пришел конец. Одна-

ко в 1292 году Кертанагара был убит, и в результате этого в возникшей сумятице Бали еще раз удалось сбросить с себя господство Явы и даже во времена правления Радена Виджайи остаться сравнительно независимым. В период же правления его сына Джаянагара Бали воспользовался потрясшей Яву борьбой за политическую власть. Народные восстания и мятежные князья вынудили Джаянагару покинуть столицу острова. Однако один из его министров, Гаджа Мада, помог ему вновь занять трон, а затем убил его с помощью его же личного врача Таука, которого потом приказал казнить.

Гаджа Мада был одним из типичных государственных деятелей своего времени — властолюбивым, жестоким, настойчивым. Именно он в результате похода на Бали в 1343 году добился окончательного покорения и яванизации острова.

Это событие получило отражение не только в летописи Маджапахита, но и в мифологизированных, характеризующих балийское мышление того времени хрониках острова. Они сообщают, например, о визите Гаджа Мады к Беда Улу, балийскому правителю Пендженга, который был известен своими магическими способностями. Однажды он, высокомерно полагаясь на свое магическое всеисие, заявил, что отрубит себе голову и что поставит ее на место так, что не будет видно ни малейшего следа. Шива был разгневан его самоуверенностью, но, не имея возможности лишить правителя его магической силы, превратил отрубленную голову в голову дикого кабана. Поэтому имя Беда Улу и значит «превращенная голова». Потрясенный правитель запретил под страхом смертной казни смотреть на его лицо. Гаджа Мада, зная об этом страшном запрете, прибег к хитрости, чтобы увидеть кабанью голову Беда Улу. Попросив разрешения подкрепиться, он достал из своей дорожной сумки с провиантом длинный стебель папоротника и отправил его себе в рот. При этом он так сильно запрокинул назад голову, что смог взглянуть на лицо Беда Улу. Тот затрясся от гнева и тотчас же убил бы Гаджа Маду, но не посмел этого сделать, ибо существовал строгий запрет, не позволявший трогать человека во время еды. Уверенный в своей безопасности, Гаджа Мада одержал победу в этом поединке, а Беда Улу сгорел от «внутреннего пламени стыда». Эта мысль смертельного поединка без оружия глубоко укоренилась в старобалийском мышлении.

После завоевания власти Гаджа Мадой на Бали быстро распространились яванский уклад жизни и яванская культура. В равной степени выросло число исламских торговцев на берегах Северо-Западной Явы, где влиятельные мусульмане, став губернаторами, захватили и политическую власть, распространив ее на центр западной части острова и пытаясь проникнуть на восток. Индуистская аристократия была вынуждена отступить в горы и на крайний восток Явы, где остатки государства Маджапахит продолжали существовать еще до 1639 года, например в индуистском княжестве Панарукан, которое уже в 1528 году заключило договор о союзе с укрепившей свою мощь на юго-востоке индонезийского архипелага Португалией. Однако этот договор в конечном счете не смог защитить Маджапахит от окончательной потери власти под давлением неумолимо надвигающегося ислама.

К 1639 году большая часть сохранившихся индуистско-яванских аристократов перебралась на Бали, где была создана своеобразная яванская иммигрантская культура, которая прослеживается в образе жизни балийской аристократии и сегодня. Представители балийских высших каст гордятся своим восточнояванским аристократическим происхождением. Существует даже титул, свидетельствующий об особом благородстве носящего его человека, — «вонг Маджапахит» — человек из Маджапахита.

Несмотря на интенсивность, с которой ислам утвердился на Яве, его проникновение происходило не таким радикальным образом, как на Азиатском материке. Ява была побеждена приверженцами Мухаммеда не с помощью оружия, а в результате постепенного, хотя и последовательного распространения их политической и экономической мощи.

Само собой разумеется, что в последующие столетия ислам был для Бали постоянной угрозой, однако до ожидавшегося похода под знаменем пророка дело не дошло. Для этого Бали был слишком мощным, особенно при правителях южнобалийского княжества Гелгел. Кроме того, на крайнем востоке Явы еще до XVIII столетия существовали небольшие, политически незначительные индо-яванские княжества, например Баньюанги и Баламбанган, которые представляли собой своего рода буферную зону между экспансивным исламом и обусловленным традициями миром Бали.

Независимость балийских князей после исламизации Явы способствовала культурному и экономическому расцвету Бали, оставшегося индуистским. Этот расцвет проявился прежде всего в блестящей жизни двора, о чем рассказывают рисунки того времени, выполненные на пальмовых листьях. У пришедших на Бали в 1597 году голландцев сложилось такое же впечатление, и, судя по их восторженным отчетам, они чувствовали себя в земном раю. Балийцы относились к чужестранцам как предупредительные, дружелюбные хозяева, не проявляли ни страха, ни недоверия. Отношения между балийцами и голландцами оставались хорошими до тех пор, пока не была создана объединенная Нидерландская Ост-Индская компания, которая защищала обширные торговые интересы и представители которой поколебали доверие балийцев.

Впервые в истории Бали европейский торговый дух с его основными признаками — безудержной жаждой наживы и беззастенчивым стремлением к власти — столкнулся с балийским образом мышления и верой, сохранившимися до сегодняшних дней, несмотря на усиление западного влияния даже в самых отдаленных частях острова.

Некоторые европейские историки на первый план ставят борьбу балийских правителей между собой, продолжительные споры и разногласия с Явой и в особенности торговую войну с Макасаром, портовым городом южного побережья Сулавеси, имевшим тогда немалое влияние. Правда, при этом остается открытым важный вопрос, исходили ли эти торговые и политические разногласия от Бали и его князей, или они в значительной степени объясняются усилением иностранного влияния.

Борьбу за торговлю пряностями и за влияние на островах Ломбок и Бима, в которую были втянуты балийские раджи Гелгела и Карангасема, следует рассматривать в непосредственной взаимосвязи с колониальными устремлениями португальцев и голландцев. При этом не нужно упрощать вопрос, подменяя бесцеремонность европейцев в борьбе за соблюдение своих колониальных интересов воинственностью балийских правителей.

Сомнительные торговые приемы Нидерландской Ост-Индской компании, а позднее политические притязания Голландии на власть в индонезийском регионе, безусловно, оказали свое губительное воздействие на дальнейшее

развитие Бали, хотя остров благодаря опасным морским течениям вначале был достаточно защищен от военных акций голландцев.

Первый голландский экспедиционный корпус высадился в 1846 году на севере Бали и установил там административную власть Голландии. Предлогом для этого послужило ограбление потерпевшего крушение судна, что, согласно существовавшим тогда правовым положениям, касающимся спасения судов, терпящих бедствие у берега, и использования их грузов, было достаточно распространенным явлением и не каралось законом.

Аналогичное происшествие привело спустя полвека, в 1906 году, к одному из самых трагических событий в новой истории Бали — присоединению всего острова к голландской колониальной империи.

В мае 1904 года маленький китайский парусник потерпел крушение и был разбит о скалы, причем никому из команды не удалось спастись. Часть груза была прибита к берегу и подобрана местным населением. Владелец судна, китаец, проживавший на Борнео, обратившись к голландцам, обвинил балийцев в ограблении, что само по себе в те времена все еще не являлось кодифицированным преступлением. Прежде всего китаец заявил о пропаже ящика, в котором находилось 2000 серебряных долларов. Балийцы клялись, что не находили никаких денег, но предложение балийского раджи княжества Бадунг, у берегов владений которого затонуло судно, провести расследование происшествия в судебном порядке и на основании этого принять решение было отклонено. Более того, голландцы блокировали южное побережье Бали и объявили войну радже Бадунга.

Осенью из яванского порта Сурабая была отправлена на Бали вторая карательная экспедиция, состоявшая из нескольких тысяч голландских солдат. С военных кораблей они обстреляли огнем тяжелой артиллерии беззащитные, густонаселенные села южного побережья острова. Затем голландские войска высадились на берег, и вооруженные копьями балийцы не смогли оказать им серьезного сопротивления. Когда голландский экспедиционный корпус подступил к дворцу раджи Бадунга, женщины стали бросать в солдат золотые монеты с криками: «Вот то, за чем вы пришли!»

Тем временем раджа приказал поджечь дворец и вместе со своей семьей, священнослужителями, военачальниками и воинами в праздничных одеждах вышел

навстречу голландским солдатам на смертельный бой. Прозвучал выстрел, послуживший сигналом, после чего балийцы пошли прямо на голландские ружья. К добровольному концу («путутан») раджа и те, кто был с ним, подготовили себя с помощью медитации — сосредоточенного размышления и молитв. Балийцы безропотно падали сотнями, в одних попадали пули, другие падали на собственные кинжалы, священники наносили смертельные удары женщинам, детям, тяжелораненым, росли горы трупов. Ужас охватил голландских солдат. То, что они видели, казалось невероятным.

Так южное побережье Бали окончательно лишилось своей свободы. В 1906 году остров стал колонией Нидерландов. В последующие десятилетия среди представителей того народа, который устроил балийцам кровавую бойню, Бали обрел друзей и известнейших исследователей своего прошлого, религии и культуры.

ОСТРОВ В РУКЕ БОЖЬЕЙ

Земля — собственность богов

«Вонг деса ангертанин бумин Ида Батара» («Крестьянин возделывает землю, она — собственность богов») — так гласит высший принцип балийского адата. На том сознании балийца, что человек в конечном счете не может ничего иметь, и строится его мировоззрение. Оно основывается во всех его частях на непосредственной связи с богами и на зависимости от их действий, их законов, поскольку и старобалийское обычное право — адат — представляет собой не что иное, как сформулированную предками и с тех пор передаваемую из уст в уста, из поколения в поколение волю богов.

Исходя из этого основного принципа, можно понять поведение и уклад жизни балийцев. Адат рассматривает человека, живущего на Бали, лишь как часть целого, из которого состоит балийская действительность. А она, согласно балийскому верованию, состоит из богов, предков, заново рождающихся на земле людей, животных, растений, явлений природы, духов и демонов. Все взаимосвязано и взаимообусловлено.

Считается, что человек получил землю от богов благодаря своему прилежанию, честности, добросовестности, жертвоприношениям и обожествлению предков. Духи и демоны угрожают плодородию земли, орошению, урожаю. Только постоянно предпринимая какие-то усилия против этой вечной угрозы, можно во многом избежать стихийных бедствий, засухи, неурожая. Поэтому совершать жертвоприношения надо не только богам, которые дают жизнь, но и духам и демонам, угрожающим существованию, ибо с помощью жертвоприношений можно склонить их к гуманности или удержать от намеренных наказаний или угроз. Каждый балиец обязан лично соблюдать установленный порядок жертвоприношений, пожертвований и празднеств, а также следить за тем, чтобы они строго соблюдались и другими, в частности членами его семьи, его рода, его деревни.

Это означает растворение, полное слияние с деревенской общиной, которое не допускает никаких склонностей к индивидуализму или каких-либо попыток порвать с общиной. Вся жизнь балийцев протекает на основе непреложной закономерности, закрепленной адатом и внушаемой подрастающему поколению с раннего детства в соответствии с увеличением его обязанностей.

Эту связь с общиной нельзя понимать как авторитарное господство или диктатуру. Адат — это не закон немногих, стоящих над всеми. Это закон всех для всех. Даже глава общины балийской деревни — первый среди равных, первый в совете мужчин деревни, где каждый имеет слово. В деревенской общине нет никого, кто мог бы отдавать приказы или давать распоряжения. Все проблемы, касающиеся жизни общины или хотя бы частично ее затрагивающие, закреплены адатом. В совете мужчин речь идет лишь о толковании адата. При этом в обсуждении участвуют также брахманские священнослужители — «педанды». Правда, и им не дается какого-то особого, преимущественного права. Мирские права и обязанности педандов вытекают из адата таким же образом, как права и обязанности всех других членов деревенской общины в соответствии с кастой, к которой они принадлежат.

Хотя индонезийское государственное право, так же как раньше голландское колониальное право, стоит над адатом и в первую очередь регулирует уголовно-правовые дела, старый правопорядок адата в деревне до сих пор остается нетронутым, что существенным образом способствует соблюдению балийских традиций.

Разумеется, не следует исходить из представления, что адат является единой, обязательной для всего Бали, религиозно обоснованной системой правопорядка, не имеющей расхождений и противоречий. Поскольку адат основывается на устной передаче из поколения в поколение и лишь в недавнее время, в основном благодаря брахманам, частично был записан, между отдельными местностями и бывшими княжествами, даже между соседними деревнями существуют значительные различия в толковании и применении адата, хотя при поверхностном рассмотрении эти различия не бросаются в глаза.

Лишь тогда, когда заходит разговор с балийцами об их религии, деревенской традиции и семейных проблемах, эти различия становятся явными. Например, если

спросить балийских крестьян — производителей риса в разных частях острова, как они понимают упомянутое положение из адата, что земля — собственность богов, то ответы будут существенно различаться, во всяком случае, будут в высшей степени неопределенными. Даже вопрос относительно высших богов Бали не найдет на острове единого ответа. И в такой же степени различны представления балийцев о жертвоприношении, священном празднестве или религиозной церемонии очищения.

Балиец не задумывается о богах и богослужении. Он также не представляет себе, что при жертвоприношениях в храме должны присутствовать боги. Для него вся жизнь неотделима от веры, так же как все его поступки и обряды, которые он, будучи ребенком, унаследовал от родителей и которым постоянно следует.

Вопрос о земельной собственности богов не представляется для него какой-то коммерческой проблемой. Он лишь делает все от него зависящее, чтобы на поле справиться с работой и чтобы с помощью жертвоприношений уберечь поля от стихийных бедствий. Сам он не решает, когда производить посев, пересаживать саженцы риса и собирать урожай. Ему не нужно думать, когда и как производить орошение рисовых террас: это решается на собраниях — «субак» — товариществ по использованию воды. Поэтому для балийца и теоретически не существует проблем собственности, проблем владения.

Забота о собственности проявляется только тогда, когда речь идет об урожае и его уборке. Тогда и возникает вопрос: что будет у меня в амбаре? Однако и эти заботы не следует понимать как материальные. Ведь балийский крестьянин, возделывающий рис, исходит из того, что при правильном посеве и уходе, при достаточных жертвоприношениях богине риса Деви Сри и точном соблюдении порядка распределения воды с соответствующими жертвоприношениями богине воды и угрожающим урожаю демонам сделано все, чтобы обеспечить семье необходимый запас риса.

В случае же неурожая, если поля пострадали от непогоды или уничтожены в результате стихийных бедствий, балиец считает, что это, разумеется, произошло по воле богов или из-за вмешательства демонов, и тогда он переносит беду хладнокровно и терпеливо и пытается противодействовать ее тяжелым последствиям с помощью еще больших жертвоприношений. Балиец верит,

что гнев или сомнение лишь увеличат несчастье, вызовут еще больший гнев богов или еще бóльшую радость злых духов или демонов, принесших несчастье.

Вера народа

Для каждого балийца характерна убежденность в том, что он живет среди богов, духов и демонов и находится в полной зависимости от них. Он чувствует себя частью непознаваемой системы добрых и злых сил, от которой в непосредственной зависимости находится его собственная судьба, а также судьба его семьи, его деревни, судьба всего острова. Не пытаясь проникнуть в глубины мифологических взаимосвязей этой системы, балиец будет строго соблюдать вытекающие из нее заповеди и обязательства и ни в коем случае не обойдет их.

Если спросить жителя Бали о значении тех или иных поступков, он с удивлением посмотрит на вас, пожмет плечами и ответит примерно так: «Это полагается делать» или: «Это всегда делали». Эти слова подтверждают то, что балиец не задумывается над причиной и поводом своих действий, что он точно следует традиционным правилам, в конечном счете — адату. Создается впечатление, что религиозные представления народа возникли под воздействием изображений, которые можно встретить в храме и которые воскрешают сказки, где главные герои — боги, русалки, ведьмы и демоны. Эти изображения оживают в танцах и спектаклях театра теней. Таким образом, для простого балийца наряду с его зачастую тяжелыми буднями существует непосредственно связанный с ним волшебный, сказочный мир, поражающий своим разнообразием красок. Из этих двух миров, которые балиец, по сути, не различает, он создает свое мировоззрение на основе наивной набожности и преданности чудесному миру богов и духов, где большую роль играют и умершие — предки живущих.

Простой балиец не знает ни буддизма, ни индуизма, хотя элементы обеих религий создают мир его представлений. Шива, если балиец когда-нибудь и слышал это имя, для него властелин большого вулкана Гупунг Агунг. И богиня риса Деви Сри, молельни которой стоят на полях, ближе и понятнее ему, чем великие боги Брахма и Вишну, поскольку они для него не больше чем просто имена, а не реальные, хорошо знакомые ему бо-

жества. Поэтому напрасно ищут сегодня в большинстве балийских храмов изображения высоких богов.

Так из живой фантазии, а также из почных танцевальных представлений и спектаклей театра теней возникает художественный мир древних сказаний и легенд, в которых передача веры из поколения в поколение играет такую же большую роль, как издавна перешедшие в мир его собственных представлений герои, боги и демоны древних индийских эпических произведений «Махабхарата» и «Рамаяна».

Хотя для балийского народа историческая подоплека настолько же малоизвестна, насколько и история его собственного острова, балийцы с раннего детства вновь и вновь сопереживают печальную участь принца Рамы и зачарованно следят за тем, как его супругу Ситу похищает страшный король демонов Равана и как король обезьян Хануман и его полчища приходят на помощь.

Религиозная жизнь включает в себя много удивительного — богоугодные театральные представления, утреннее возложение цветов у какого-либо из множества мест пребывания богов, где к тому же возжигают благовонные курительные палочки, продолжающееся в течение долгих дней изготовление целых гор подарков, которые потом несут на ежегодное празднество в деревенский храм в качестве больших семейных пожертвований.

Процессии балийских женщин и девушек вечером в заключение такого празднества принадлежат к самым красивым и волнующим картинам, которые можно видеть здесь, на Бали. Искусно переплетенные, состоящие из фруктов, цветных рисовых шариков и цветов пирамиды высотой до двух метров, которые священнослужитель-педада принимает в храме в качестве пожертвований и окропляет святой водой. Освященные фрукты и рис, после того как принесшие их женщины и девушки также получают благословение, возвращаются дарителям.

В этом прослеживается кусочек из круговорота балийской жизни: все со всем находится в полном соединении, все непрерывно переходит из одного состояния в другое. Получается, что балиец не планирует свою жизнь, не знает, что такое дневная программа, хотя балийская жизнь кажется полностью распланированной.

Такой знакомый нам переход от одного события к другому, от работы к свободному времени, от будней к

отдыху — в каждом случае с совершенно новыми аспектами — был бы для балийца невыносимым, так же как и строгое разграничение по времени предстоящих дел (заседание от 10 до 12.30) и развлечений (театр или концерт от 20 до 22).

Балийское театральное или танцевальное представление продолжается большей частью всю ночь. А когда собирается совет сельской общины, время его заседания не ограничено. Дискуссия длится до тех пор, пока все вопросы не будут обсуждены подробно и исчерпывающе. Балийский порядок — это порядок, не связанный ни с каким временем. Он существует только в религиозном сознании, прочно укоренившись там. Балиец точно знает, какие поступки являются добрыми, а какие злыми. В то же время эти оценки ни в коей мере не совпадают с нашими критериями, поскольку злое на Бали — это не только аморальные или преступные действия и поступки, а еще и такие, которые не соответствуют общему принципу порядка. Злым может быть уже неправильное прочтение какого-либо священного текста или неверно сказанное при кремации покойника слово. Нетрадиционно изготовленное или окрашенное приношение может принести несчастье целой семье. А приход женщины во время менструации в храм или ее участие в празднестве уже само по себе было бы достойным проклятия преступлением.

Не зная причин этих заповедей и запретов, большинство балийцев, естественно, пребывает в состоянии постоянного страха, боясь по незнанию сделать что-нибудь не то и не так и тем самым навлечь беду на себя и свою семью. Никакого воспитания, ни религиозного, ни вообще жизненного, на Бали до последнего времени не существовало. Знания о балийской вселенной и ее религиозной системе соотносительных понятий передавались только в семьях брахманов и аристократии.

Лишь в последние годы институт Хинду Дхарма в Денпасаре, занимающийся вопросами балийской религии, пытается информировать народ относительно индуистско-балийского мира веры и его религиозно-исторической подоплеки. Это будет продолжительный и сложный процесс, поскольку простой балиец и даже сегодняшняя молодежь, которая учится читать и писать, не имеет духовных предпосылок для того, чтобы проникнуть в сложные взаимосвязи балийских форм религии и их передаваемую из поколения в поколение закономерность.

В противоположность невежественному, простому балийцу — крестьянину-рисоводу или ремесленнику — брахман знает тайны богов и религиозный порядок острова. Однако представления брахманов Бали о вселенной не являются абсолютно единообразными. Едины лишь главные принципы, имеющие определенные варианты. Они базируются на некоей космической системе соотносимых понятий, которая появилась еще до индийского влияния и которая только приспособилась к индуистским представлениям, пришедшим на Бали вместе с этим влиянием.

Отмечаемые в разных деревнях различия в интерпретации и применении этой космической системы основываются на самостоятельности и значительной независимости старых балийских деревенских общин, частично еще сегодня сохранившихся в деревнях балийцев-аборигенов (бали-ага).

По этой причине историю религии и культуры Бали можно описать только как историю религиозных представлений о вере, как историю ритуальных обрядов, принятых в отдельных деревнях. Хорошей предпосылкой для этого могли бы быть составленные брахманами и сохранившиеся до наших дней многочисленные рукописи на старобалийском языке, написанные на пальмовых листьях.

Восходящая к доиндуистским представлениям картина вселенной — это их попытка понять и интерпретировать магически-мифическую суть острова и его географического облика. Здесь мы наталкиваемся на два специальных понятия — «каджа» и «келод», которые следует рассматривать как основополагающие формы балийского миропонимания. Они являются отражением противоположности всего существующего — формулировкой встречающегося всюду на земле двуединства: небо — земля, мужчина — женщина, день — ночь, верх — низ, земля — море, гора — равнина, добро — зло, белое — черное, бог — демон.

Этот ряд в соответствии с балийским представлением о религии можно продолжить до бесконечности. Он является одним из принципов, на основании которого, по мнению балийцев, можно объяснить существование. Имеются и другие мнения, однако принцип противоположности каджа — келод — это наиболее древний прин-

цип порядка на Бали. Интересно, что он применяется и в отношении небесных направлений; правда, при этом имеются в виду не абсолютные исходные точки, а те, которые существуют на острове. Иными словами, каджа может означать север или юг в зависимости от местоположения наблюдателя.

Каджа — это всегда направление в сторону горы — священного Гунунг Агунга. Келод, напротив, направление, ведущее в сторону моря. Каджа — направление благословения, счастья, удачи — указывает местоположение предков и богов. Оттуда текут реки и приходит вода, дарящая плодородие.

Вода моря, напротив, опасна, губительна. Ее нельзя пить, и нельзя орошать ею поля. Ее волны поглотили уже много людей. Так следует понимать антипатию балийцев к морю. Это не только место опасности, это еще и келод — другая сторона, место, от которого отвернулись боги.

Остров Нуса-Пенида, расположенный у южного побережья Бали, не знает почти ни один балиец, потому этот остров — самый глубокий келод. Там живут демоны и злые духи моря, поэтому балийцы с большой неохотой плывут туда. Кому хочется лишний раз подвергать себя опасности?

Однако противоречие каджа — келод не было бы чисто балийским, если бы оно отражало лишь противоположность между черным и белым. Балийская мифология, так же как и тибетский ламанизм, дает понять, что не все демоны находятся в царстве келод. Есть и демоны, сопровождающие богов, которые находятся на стороне каджа. И существует также сила белой магии, исходящая от священнослужителей благодаря связи со священной горой. Эта сила и есть каджа.

Человек присутствует на обеих сторонах — каджа и келод. В нем живут оба элемента, обе противоположности. Ожесточенная борьба между добром и злом, между богами и демонами происходит и в нем самом. Таким образом, разделенный надвое мир является отражением его собственного «я». Однако, поскольку он в состоянии распознать и понять силы каджа и келод, выступить на их стороне или вступить в борьбу с ними, он представляет собой третий элемент, третью составную часть балийского соотношения сил — мироздания острова.

Между миром богов наверху и миром демонов внизу, в глубине, который почти во всех религиях выступает

как страшный ад, как преисподняя, находится сфера человека, мир нашего земного существования, своеобразии которого заключается в его дуализме, раздвоенности, противоречивости, в постоянной опасности, которой ему угрожают зловещие силы сверху и снизу. Зловещи они потому, что нельзя быть уверенным в хорошем отношении богов во все времена и нельзя исключать того, что силы зла вдруг возьмут верх над добром и поставят весь порядок с ног на голову. Понимая это и убедившись в этом на собственном опыте, балиец уже давно создал свою систему религиозных жертвоприношений, с помощью которой он пытается сохранить равновесие сил.

Этому желанию сохранить равновесие сил соответствовали проникшие из Индии учения буддизма и индуизма, поэтому они смогли легко утвердиться на острове, не став, однако, единой религией.

Космическое мировоззрение балийца, напротив, разъясняет, что его сегодняшнее духовное единство возникло из многообразия соединенных в нем форм веры. Таким образом, в Шиве, который одновременно является творцом и разрушителем, для знающего религиозные взаимосвязи балийца олицетворяется дуалистическое мировоззрение древнего Бали. Вместе с Брахмой и Вишну Шива образует знаменитое Тримурти — верховное божество, единое в трех лицах, которое соответствует триадной системе балийца, однако в основном не в форме «верх, середина, низ», а скорее как соответствие земного порядка божественному, небесному.

Даже этот маленький пример показывает, как далеко находится балиец от нашего образа мышления, нашей логики, насколько мало его космическое мировоззрение соответствует мировоззрению, обоснованному естественными науками, гармоничному в его внешних взаимосвязях. Для балийца значительную действующую силу представляет замкнутое мировоззрение, в которое, однако, точно вписываются каждый человек в отдельности и народ в целом.

Невидимые боги Бали

Вместе с развитием индуистских и буддийских представлений на Бали распространилась и космическая система соотносимых понятий, соответствующих формам почитания, сложившихся в Индии и в индуизированной

Юго-Восточной Азии. Существует порядок деления на четыре и восемь частей.

Деление на четыре, а точнее говоря, на пять частей имеет в виду разделение на четыре небесных направления и их центр. В индуизме, как и в махаяне (позднем буддизме), в четырех направлениях и центре располагаются боги, в буддизме — пять эзотерических будд — дхьяни, или татхагатов. Для каждого из них устанавливается цвет, соответствующий одному дню балийской пятидневной недели, и определяется один символ и одно женское соответствие — богиня. Для пяти эзотерических будд существует также определенное, характерное для них положение рук — мудра.

Пять индуистских богов, каждому из которых во время больших церемоний выделяется один священник-брахман,— это Шива, который восседает на троне в центре, и другие, располагающиеся следующим образом: Вишну — на севере, Брахма — на юге, Ишвара — на востоке и Махадева — на западе. Боги, находящиеся на востоке и западе, представляют собой формы проявления Шивы, к которым в системе нава-санга (делению на восемь-девять) присоединяются новые четыре формы Шивы, являющиеся условным символом господствующего положения многоликого Шивы в индуистской системе Бали.

Несмотря на это многообразие Шивы в балийско-индуистском пантеоне, ни в одном храме острова нет расположенного в центре изображения высшего бога. Священные места в храмах, предназначенные для индуистских богов, остаются пустыми. На эти троны во время празднеств должны спускаться боги, ожидаемые верующими.

В противоположность индийскому храму, где имеется изображение бога, которому поклоняются верующие, на Бали боги почитаются только как духовная сила, а не как личности. И там, где мы видели богов изображенными на старых картинах или в виде разных скульптур из дерева или камня, они были лишь изображениями, которые не имели ничего общего с божественной сутью.

Может быть, это одухотворение божественного принципа, которое так сильно отличается от индийского персонифицированного представления о богах,— один из главных признаков, одно из последствий влияния доиндуистской балийской религии на сегодняшний мир веры Бали.

Так, сурья-севана, одна из ежедневных проводимых брахманским священнослужителем в своем домашнем храме церемоний почитания отождествляемого с Шивой индийского бога Солнца Сурьи, несомненно, восходит к доиндуистскому культу солнца, храмовыми святилищами которого, вероятно, были уже упомянутые многоярусные сооружения.

Наряду с высшими индуистско-балийскими божествами, которые, вероятно, как Сурья, частично слились с древними балийскими богами, мы находим на острове сотни, может быть, тысячи богов, которых почитают только в одной деревне, одной местности или в семье правителя. Другие боги принадлежат к кланам или профессиональным группам. Например, Кама, бог красоты и любви, и его супруга Рати — покровители не только влюбленных, но и людей искусства, в частности поэтов.

Многие боги, согласно балийскому верованию, имеют различные формы проявления. Так, например, Яма, древнеиндийский бог смерти, который как правитель ада одновременно является предводителем злых духов и демонов, идентифицируется с Шивой в своем значении разрушителя. А Деви Сри, играющая важную роль в жизни балийца богиня риса, отождествляется не только с Дургой, супругой Шивы, но и с богинями Ума, Гирипутри, Ибу-Пертиви. Это объясняется тем, что на Бали имена нельзя идентифицировать, как в Индии, с изображениями богов и их однозначной атрибутикой.

На Бали гораздо чаще, чем в Индии, можно наблюдать, как в зависимости от функции боги получают разные имена, хотя в народном вероисповедании они называются «сами патех» («все одинаковы»). В действительности же невидимые и поэтому лишённые облика боги в своем многообразии действий служат для балийца лишь воплощением некоей силы, находящей свое наиболее значительное проявление в образе священной горы Гупунг Агунг. Поэтому бог Шива, живущий в этом вулкане в своей ипостаси бога Махадевы — Великого бога, является для брахмана, а тем самым для религиозной жизни на Бали центральным образом, божеством, объединяющим в себе всех остальных богов.

Как первый, воплотивший в себе принцип дуализма, выполняющий двойную функцию творца и разрушителя, а также будучи двуполом — наполовину мужчиной, наполовину женщиной, — он является полным соответствием древнебалийского представления о богах.

Вероятно, образ всеобъемлющего, представляющего все формы жизни могучего божества еще в древности покорил жителей Индии и областей, находившихся под ее влиянием. А Шива, сравнительно поздний, послеведический индуистский бог, точно соответствовал представлению о богах, которое возникло намного раньше него и не имело его имени, в том числе на Бали, где его демоническая форма известна как Кала Рудра — бог, приносящий болезнь и гибель и потому вызывающий у народа страх и ужас.

Будда на Бали

К загадкам эволюции балийской религии, проходившей под индийским влиянием, относится и вопрос о роли, которую сыграл и в известной степени играет и сегодня буддизм. Вероятно, уже с первыми индийскими кораблями на Яву и Бали прибыли буддийские монахи. В противоположность брахманам, которые в первую очередь пытались установить контакт с князьями, «дети Будды» прежде всего сообщили народу об учении «просветленного». Мы не знаем, в какой форме начало распространяться на Бали учение Будды, не знаем и того, достиг ли Бали Канон древнего буддизма, обнаруженный в южноиндийской надписи на языке пали. Все древние свидетельства, сохранившиеся до сегодняшнего дня, указывают на буддизм махаяны, так называемой Большой колесницы, и тантристские формы буддизма, которые мы встречаем и на Яве.

К древнейшим историческим материалам, найденным на Бали, относятся небольшие глиняные ступы с глиняными печатями, на которых просматриваются надписи. Эти ступы были обнаружены в 1924 году вблизи Педженга после оползня. На печатях имеются буддийские изречения и тантристские заклинания. Ступы относятся к VIII веку. Они были распространены во всем индубуддийском мире, от Гималаев до Индонезии, поэтому Бали уже тогда входил в широкую сферу влияния тантристского буддизма.

Всего три столетия спустя по берегам реки Петану, глубоко прорезавшей причудливые скальные формации, возникли пещерные святилища, наиболее известное из которых — так называемый Слоповый грот, Гоа Гаджа. Справа от пещеры в результате археологических раско-

пок был обнаружен бассейн с фигурами выше человеческого роста, которые с помощью туннеля были соединены со священным источником.

Неподалеку от этого места, ниже по течению, в долине реки, были найдены выветрившиеся остатки буддийской ступы. В маленьких нишах противоположного берега находились каменные будды в позе (мудре) медитации — внутреннего самосозерцания. Этим буддам балийцы и сегодня приносят дары в виде цветов. Как фигуры, так и сам Гоа Гаджа относятся к XI веку и вместе с остатками строения являются свидетелями одновременного сосуществования шиваитских и буддийских святилищ.

Изготовленные в XI веке статуи Будды не дают возможности сделать вывод относительно их значения. Они могут быть изображениями и исторического Будды Шакьямуни в позе медитации, и мистического Будды Амитабхи, «господина западного рая». В то же время перед большой ступой, рядом с храмом Пура Дану на озере Братан у Бедугула, к северу от центральной области Бали, несомненно, находится мистический Будда.

Сам храм, украшенный одиннадцатиярусной «меру»* в честь Шивы, является святилищем богини воды Деви Дану и содержится водными товариществами области. Как во всех балийских храмах, так и здесь наряду с госпожой храма — Деви Дану — правом хозяина обладают и другие боги, например великий Шива, а также Будда.

На маленькой, посвященной Будде часовне в храме можно прочесть год ее создания — 1972-й. Следовательно, поклонение Будде существует на Бали до наших дней. Балийский друг обращает мое внимание на то, что в западной части Бали имеется много приверженцев Будды как хранителя домашнего очага. Брахма для них является богом неба, Вишну олицетворяет воду, Шива — солнце. Что же касается Будды, то балийцы говорят о нем: «Он в нас, он охраняет каждый день нашу жизнь».

Все это воспринимается ими слишком упрощенно и, разумеется, не совпадает с верой и учением брахманов. Однако это высказывание характеризует несложное и при этом сосредоточенное на существенном мышление простых людей Бали.

* Меру — *инд.* — мифическая гора в центре вселенной; в переносном смысле храмовая архитектурная конструкция, представляющая собой многоярусное крышевое, сужающееся кверху сооружение.

На озере Бедугул мне никто не смог сказать, когда и по какому поводу была сооружена перед озерным храмом большая ступа. Она построена по той же системе деления на четыре-пять, что и святилища индуизма. Здесь речь идет о пяти мистических буддах, которые образуют центральный образ буддизма махаяны от Японии до Бали. Подобно индуистскому пантеону, здесь вокруг центральной фигуры, изображающей самого древнего Будду, носящего также имя Татхагата Вайрочана, располагаются будды четырех небесных направлений: Акшобхья — на восток, Амиабха — на запад, Амогхасиддхи — на север и Ратнасамбхава — на юг. Каждому из этих Татхагат характерны специфическое положение руки, только ему предназначенное животное, на котором он восседает, особая окраска и определенное, соответствующее ему божество женского пола.

Ступа Бедугула посвящена особо почитаемому на Бали Будде Амиабхе, которому поклоняются как Будде западного рая — Сукхавати и одновременно как Татхагате бескрайнего света. Находясь в свойственной для него позе медитации, он присутствует в четырех нишах ступы. Перед ступой мы видим четырех остальных Татхагат, которые, вероятно, играют здесь одновременно роль защитника и сторожа, что на всей территории буддизма махаяны, кроме Бали, не принято.

Более позднее буддийское храмовое строение мы встречаем в стороне от дороги, среди рисовых полей, на окраине южнобалийской деревни Батубулан. Этот храм, без сомнения, чисто буддийское место жертвоприношений и как таковое представляет собой на Бали нечто единственное в своем роде.

Перед храмом на украшенных тонким рельефным рисунком тронах сидят четыре будды в коронах. Кроме того, в искусно украшенных нишах над стеной храма установлены две большие, почти в человеческий рост, статуи Будды Кашьяпы, предшественника исторического Будды Шакьямуни, Кашьяпу, так же как Татхагат, можно узнать по его мудре. Обе руки лежат у него вытянутые, ладонями внутрь на ногах, скрещенных в позе лотоса.

То, что буддизм представлен на Бали не только ступами и статуями Будды, то есть памятниками, показывает порядок присутствия священнослужителей во время больших праздников. Там кроме жрецов Шивы всегда присутствует жрец Будды — «педанда-бода». При почти одинаковом ритуале педанды Шивы заклиняют своего

бога и его образы, главный из которых — Махадева. В то же время педанда-бода взывает к буддам, бодхисаттвам и богам махаяны буддийского пантеона.

Конечно, в целом может показаться, что Будда во время торжественного церемониала — лишь еще одно имя в необозримой массе индуистских богов Бали. Однако у простых балийцев во время их повседневных обрядов дело обстоит иначе. Правда, и здесь на переднем плане чаще возникает имя Будды, а не его учение, о котором на Бали в действительности знают не так уж много.

Сангхьянг Видхи — наивысшее божество

Создается впечатление, что противоположности и кажущиеся противоречия так же относятся к мировоззрению балийца, как готовность к восприятию чужих, новых элементов веры в передаваемый из поколения в поколение канон балийского индуизма. С одной стороны, мы видим бесчисленные божества брахманского пантеона, которым поклоняется народ, с другой же стороны, проступают элементы монотеизма, который известен народной массе в популярной интерпретации брахманов как своего рода высший божественный порядок.

При этом речь идет о культе верховного божества Сангхьянга Видхи, которое, однако, понимается и почитается не как некое высшее божество, а скорее как объединение всех божественных сил.

Брахманские жрецы объясняют, что все жертвоприношения, все религиозные обряды в конечном счете предназначены Одному, Высшему, Всемогущему — Сангхьянгу Видхи, который рассматривается в качестве символа происхождения и властелина мира. Он существует как единство множества богов и полноты мира. Он — символическое воплощение Бали как целого, как космоса.

Если эта мысль о самом возвышенном существе и могла иметь древние корни в мистике балийского индуизма и вера многих брахманских жрецов достигает высшей точки в этой идее, то представление о высшем существе имеет значение и для современной Индонезии, и для ее монотеистской главной религии — ислама.

В Министерстве религии в Джакарте, очевидно, с большим удовольствием находят, что балийская религия

хорошо приспособляется к терминологии государственного языка Индонезии — бахаса Индонесиа. Так, при переводе религиозных текстов на балийский язык Сангхьянг Видхи используется не только для обозначения высшего существа балийского индуизма, но и для таких понятий, как Аллах или Господь Бог. Правда, это приводит к симуляции похожести представлений о боге, чего в действительности не существует: ведь Сангхьянг Видхи является противоположностью единого бога, будучи синтезом представлений о богах, символом мира, полного живых действующих богов.

В центре Денпасара, слева от музея, сооруженного голландцами в балийском стиле, находится центральное храмовое сооружение Сангхьянга Видхи — Пура Джагатнатата. Этот храм в 1906 году при так называемом пупутане (добровольной сдаче балийцев нававшим на них голландцам, вооруженным современным оружием) был разрушен и затем вновь возведен. На высоком троне в этом белом храме находится статуя Сангхьянга Видхи. Он изображен танцующим в златотканой одежде, охваченной пламенем.

Его храм Пура Джагатнатата, в котором население Денпасара в период полнолуния каждую ночь делает ему жертвоприношения, символизирует стройный космос доисторических времен, о котором говорится в балийской мифе мироздания. Мы находим его в древней балийской рукописи, где Бали обозначается как «черный камень», центр космоса, а Кала, один из образов Шивы, — как творец земли. Там мы читаем: «Вначале был космос. И глубоко внизу находилось магнетическое железо. Из хаоса дракон Антабога с помощью медитации создал черепаху Бедаванг как основу мироздания. На черепаху, которую дракон обвил двумя змеями, он положил „черный камень“ — остров Бали как центр мироздания. Под камнем сплошная пустота без солнца, без луны, без света. В этой преисподней царствует бог Кала.

Однако затем Кала создал свет и землю, покрыв ее водой в виде морей и океанов. А над ними небеса. Одно небо было из высохшего ила. Из него образовались горы и поля. Над ними было создано небо облаков, пребывавшее в непрерывном движении. На облаках восседал на троне бог любви Смар. Еще выше было вечно голубое небо с Солнцем и Луной — царство бога Солнца Сурьи. Еще выше — ласковое небо благовопий и чудесных цве-

тов, где живут змеи Аван, которых мы видим как падающие звезды и метеориты. Еще выше находится небо предков. Однако над всеми небесами раскинулось царство богов, охраняемое священными стражниками и небесными нимфами».

Это божественное состояние, которое на многих изображениях охраняет Сангхьянг Видхи, в результате проникновения чужеземцев в упорядоченный космос «черного камня», называемого Бали, было нарушено. В истории началось время, когда и счастливый остров Бали подвергся войне и завоеванию.

Сегодня Сангхьянг Видхи, по представлению балийских жрецов, облечен властью поддерживать божественное равновесие острова при помощи объединенной силы всех богов, препятствовать распространению зла и обеспечивать существование «черного камня». Сангхьянг Видхи — это начало всего и надежда на грядущее. Ему посвящена молитва, которую произносит священнослужитель-брахман во время церемоний кремации. «Пусть будет славен вечный победитель смерти, дарующий долгую жизнь, здоровье, силу и мощь, вездесущий, хранитель мира, дающий избавление всем, кто верит ему и чтит его. Пусть будет славен преодолевший смерть».

Жертвоприношение и очищение

Космической системе соотносимых понятий и ее земным, подземным и небесным сферам соответствует еще один порядок, регулирующий отношения между людьми и богами. Поверенными богов являются священнослужители (или жрецы), которые делятся на три категории и которых мы встречали на Бали. Хотя там нет иерархической системы духовенства, существующей, например, в католической церкви, тем не менее имеются различия в рангах и авторитете между тремя категориями жрецов.

Уже упомянутый педанда — это верховный жрец из касты брахманов, посвятивший себя изучению самых различных наук, привилегия которого заключается в приготовлении святой воды — тиртхи. Рядом с ним находится «пемангку», или помощник жреца, который руководит обрядами праздников в деревенском храме и осуществляет связь с населением. Он знает все повседневные культовые обряды. Для него не существует никаких

кастовых ограничений. Он может принадлежать к любой из четырех каст, однако чаще всего это представитель касты судр.

Третью категорию священнослужителей — «сенгуху» — можно встретить на всех больших празднествах, особенно при кремациях. Он занимается процедурой жертвоприношений, предназначенных духам и демонам ада. В противоположность педанде, принадлежащему Шиве, сенгуху, который никогда не происходит из семьи брахманов, принадлежит Вишну. На праздниках и торжественных похоронах он сидит в павильоне, обращенном к северу, что соответствует небесному направлению Вишну; при этом его павильон расположен ниже, чем павильон педанды. В то время, когда он читает свои священные тексты, один его помощник дует в большую виту раковину — символ Вишну, а другой бьет в двойной барабан.

Священнослужители — посредники между людьми и сферой богов и духов. Лишь их присутствие гарантирует принятие жертвоприношений богами и демонами, а также действенность церемоний очищения, которые связаны с жертвоприношением и должны проводиться по многим поводам. Поскольку жертвоприношения, чтобы быть принятыми, сами требуют очищения, нет такого места в доме, храме или на полях, где регулярно не производились бы обряды очищения, что отводит беду и вызывает благосклонность богов.

Жертвоприношения и очищение — это взаимосвязанные и взаимообусловленные основные формы общения людей с предками и богами, а также защита от злых духов. И то и другое имеет целью установить лучшие отношения между человеком и всем окружающим его миром, как земным, так и небесным.

Жертвоприношения и очищение должны осуществляться правильно и часто, облагораживать душу и повышать шансы на счастливое возрождение и духовное обновление. Над этим не только пужно много работать самому человеку, но и следует полагаться на предков, которые, начиная с кремации, через множество ступенек очищения души делают все для того, чтобы было возможным постепенное восхождение на самое высокое небо.

Жертвоприношения на Бали имеют самые разные формы. Это может быть рисовое зернышко, которое кладут в доме, или лепесток цветка, который утром, по-

ложив между ладонями, благоговейно и торжественно несут в домашний храм или молельню на улице; это и огромные, искусно выполненные конструкции священных символов, приносимые в жертву на больших храмовых праздниках, кремациях усопших в княжеских семьях и обрядах очищения душ. Они состоят главным образом из фруктов и риса, однако в жертву приносят и животных. Даже любимое народное развлечение мужчин Бали — кровавый петушиный бой восходит к древним обрядам жертвоприношения, и еще сегодня на больших праздниках в храме Бесаких, главном храмовом сооружении острова, приносят в жертву по одному животному от имеющихся на Бали видов.

В то время как жертвоприношения, хотя и с соблюдением строгих ритуальных предписаний, изготавливаются всеми балийцами, а на жреца возлагается лишь освящение их, обряды очищения могут осуществляться лишь священнослужителем. Это касается всех видов и ступеней очищения, которые от рождения до смерти, при кремации усопших и во время всех празднеств, посвященных очищению души, относятся к важнейшим религиозным обязанностям каждого балийца, которые он должен выполнять.

Как все на Бали, очищение имеет как бы две стороны. Одна касается очищения человеческого тела, дома, храма и мест, на которых происходят священные обряды, другая служит предпосылкой для основного, ожидаемого богами очищения, которое может привести к желаемому улучшению жизни — этой и последующей. И именно последняя сторона очищения касается обязанностей и является главной задачей брахманского жреца-педанды. Он может осуществить ее лишь с помощью святой воды, приготовление которой возлагается только на него.

Тиртха — власть жрецов

Только педанда знает тайну приготовления тиртхи. Она передается старым брахманским жрецом своим ученикам с соблюдением полной секретности. Если непосвященный и будет знать процесс ее приготовления, она все равно не станет святой водой, поскольку она не освящена, следовательно, в ней будет недоставать необходимой для благословения магической силы.

Святая вода хранится в специально освященных сосудах; сосуды, предназначенные для обрядов на высшем уровне, изготавливаются чаще всего из золота и украшаются тонкой чеканкой.

Тиртха — важнейший элемент обряда очищения. Она разбрызгивается с помощью специального кропила, называемого «лис», на всю семью или деревенскую общину. Особое значение придается не только каждому движению жреца, но и его реквизитам, которые также священны и требуют перед их использованием особого освящения. Самое большое внимание в церемонии уделяется кропилу. Оно состоит из пальмового листа и искусно сплетается из сорока частей. Когда его изготовление закончено, жрец произносит священные заклинания, которые должны сказать богам, что этот инструмент требует их особого благословения. С этого момента кропило само является священным и именуется жрецами «желто-зеленый господин».

После этого оно считается подготовленным для всех обрядов освящения и может использоваться для окропления тиртхой во время семейных и храмовых праздников. Места, предусмотренные для специальных обрядов и церемоний, также обрызгиваются с помощью кропила. Храмовые строения, священные изображения, пожертвования, построенные дома получают свое очищение, благословение с помощью священного лис, носителя тиртхи.

При том значении, которое придается святой воде в балийской религии, педанда как единственный ее изготовитель приобретает особую власть, которая не всегда используется во благо балийцев.

Искушение к различного рода сделкам с помощью тиртхи всегда было слишком велико, хотя и без того каждый священный обряд, связанный с жертвоприношением и окроплением святой водой, означает для балийской семьи большие финансовые расходы, которые при малых доходах большинства семей часто доводят их почти до полного разорения. Лишь богатые семьи могут выполнять все обязанности, предписываемые строгим ритуалом балийского индуизма. Тем самым возможность очищения и восхождения предков семей на высшее небо становится в первую очередь социальной проблемой и тяжелой нагрузкой на живущих. Однако не только из-за веры в чудесное действие тиртхи, но и из-за всех других религиозных обязанностей балийцы зависят от педанды. Надо сказать, цены, которые он назначает для тиртхи

и проведения торжества дароприношения, как все цены в этом мире, постоянно повышаются.

Сто тысяч храмов

Мы часто слышим: на Бали больше храмов, чем домов. И это не преувеличение. Храм есть не только у каждого рода, у каждого товарищества по пользованию водой, но и в каждом крестьянском дворе, в каждом доме. В любой деревне имеется минимум три храма. Множество профессиональных объединений, танцевальных групп и оркестров располагают своим храмом. Куда ни бросишь взор, всюду увидишь святилища и храмы.

Ни острова нашей земли, ни храмы Бали никогда и никому не удалось пересчитать. Число храмов, так же как и число островов, постоянно меняется: разрушаются старые, сооружаются новые. Балийские фирмы выделяют часть своего дохода на строительство новых или реставрацию старых храмов. Мальчик-лифтер с гордостью рассказал мне, что он экономит рупии от своего маленького жалованья и чаевых, чтобы обновить ветхий домашний храм своей семьи. На строительство больших храмов государство предоставляет субсидию.

Балийский домашний храм — это в большинстве случаев скромное сооружение, состоящее из одной или нескольких крытых рисовой соломой часовен на обращенной к Священной горе стороне («каджа»). Оно носит название «санггах», а те, что принадлежат высшим кастам, — «пемераджан». Здесь богам, а в первую очередь предкам семей совершаются дароприношения. Для даров предкам выделена специальная часовня — «санггах камулан». Она состоит из трех частей: правая предназначена для предков женского пола, левая — для предков-мужчин. Средняя часть выделяется для дароприношений в честь Батара Гуру, почитаемого в качестве бога Солнца Шивы. «Гуру» означает здесь одновременно «отец» и «учитель». Так было в древнем Бали, так частично сохраняется и поныне.

Таким образом, санггах камулан представляет для балийца место общения с предками и богами. Он символизирует космос в каждом доме. Однако отношение к целому этим не ограничивается, а идет дальше. Тот, кто может себе позволить, сооружает часовни в честь богов трех сельских храмов, благодаря чему осу-

существляется связь между домом и деревней как следующей по величине единице. Важным является также сооружение места для дароприношений нгураху — покровителю земельных владений.

В пемераджане балийцев, относящихся к высшим кастам, имеется «падмасана» — место, отведенное для Шивы. Кроме того, в семьях, родословное древо которых восходит к западнояванской древней аристократии, почитают Батара Маджапахита как бога предков семей. Во многих домах имеются храмики в честь основателей деревни и родовых предков. В богатых деревнях, особенно среди высших каст, принято воздвигать храмы предков большой семьи. Подобно остальным «пура-дадья» (храмам в честь предков), они представляют собой как бы соединительное звено между домашним и деревенским храмом.

Каждая балийская деревня в качестве культовых центров и мест религиозного общения имеет три храма, которые находятся на некотором расстоянии друг от друга, что связано с их значением и их космическим соединением. На стороне каджа, обращенной к Священной горе, находится «пура пусех», который служит и святилищем в честь предков, и храмом в честь богов. Известный нидерландский исследователь Бали Р. Горис видит его задачу в установлении связей с уранической сутью мира каджа. Это храм света и неба.

В части деревни, обращенной к морю («келод»), где находятся места погребения и кремации, расположен Храм мертвых (Пура далем). Существует несколько таких храмов, особенно красивых в архитектурном отношении, снабженных богатыми барельефными и скульптурными украшениями.

К наиболее великолепным сооружениям относится расположенный на перекрестке дороги среди рисовых террас Пура далем в Седане. Его главное святилище имеет часто встречающийся у балийских храмов как бы состоящий из веера листьев фасад, края которого украшены богатым ажурным орнаментом. Самое значительное у седанского Пура далем — это наружные барельефы, выполненные в манере, напоминающей сюрреализм, и наглядно показывающие, каким наказаниям подвергаются злые люди после смерти.

Горис характеризует храмы мертвых как места контакта с подземными силами преисподней, с Ямой и его демонами, а также с душами умерших, которые еще не

подверглись очищению, иными словами, еще не кремированы.

В центре деревни находится Пура деса, называемый также Пура бале Агунг. Этот храм является местом для живых, где не только отмечают большие храмовые праздники, но и устраивают собрания жителей деревни, а также пользующиеся большим успехом петушиные бои. Здесь смешиваются небесное и земное; встречается деревенская община. Деревенский храм состоит чаще всего из трех (на севере острова из двух) дворов, которые обнесены каменной стеной. Хотя ни один храм не похож на другой, основная структура одинакова у всех. Даже государственные храмы Бали, какими бы большими они ни были, восходят к одной и той же принципиальной схеме.

Из-за большого числа рек и ручьев до многих храмов можно добраться только через маленький мост, который одновременно является символом перехода в другой мир. Вход в храм представляет собой уже упоминавшиеся две мощные пирамидообразные, сужающиеся кверху стрелы, образующие ворота, открытые в небо.

На одном из передних углов храма располагается башня с большим гонгом, который созывает на праздник, а также служит для подачи сигналов тревоги в случае пожара или какой-либо другой опасности. На первом дворе храма находится несколько открытых, под крышами из рисовой соломы площадок — «бале», используемых для традиционного балийского оркестра — гамелана, петушиных боев, собраний жителей деревни и размещения гостей во время праздников. Здесь обычно посажены деревья белой плюмерии, называемой «храмовым деревом», с цветами в форме чаши, которые обычно используют для дароприношений.

Ворота, и тем самым вход в храм, находятся со стороны моря, следовательно, указывают на сторону келод. Тот, кто входит в храм, идет к богам — в направлении каджа. Ворота во внутренний двор часто богато украшены барельефами и в противоположность первым воротам сверху закрыты. Это «паду ракса» — священные ворота, к которым обычно ведет несколько ступенек. За священными воротами, как в святилищах Китая, находится каменная стена, не позволяющая заглянуть во внутренний двор («далам»). В большинстве случаев есть еще маленькие боковые ворота, которые при подготовке храмовых праздников открываются.

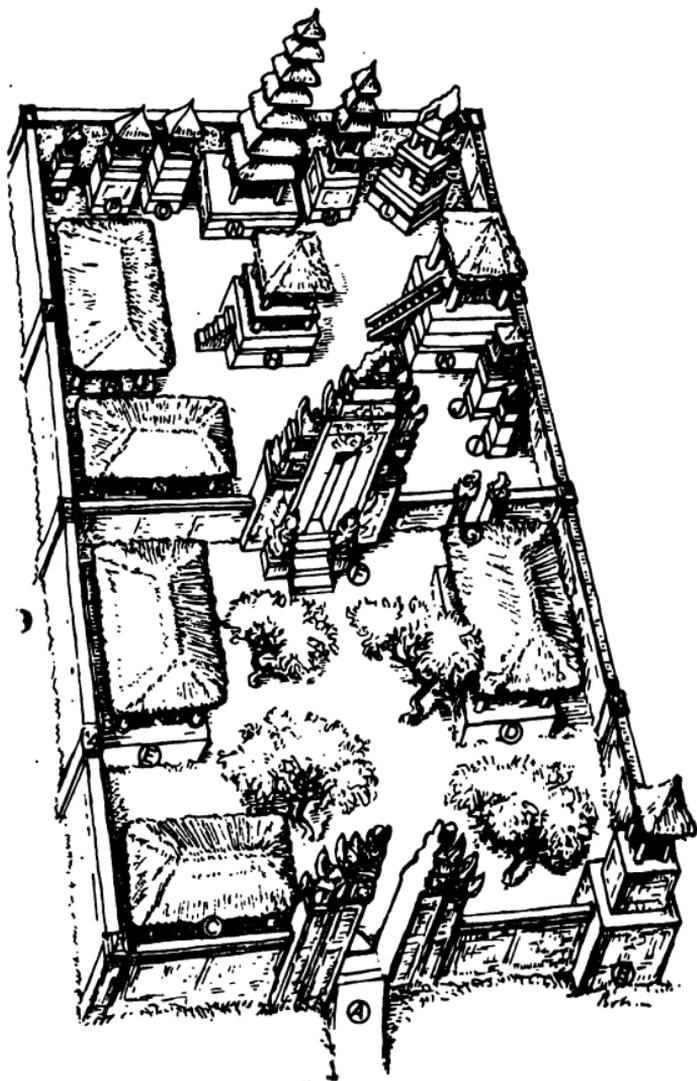

Схема типичного балийского храма

А — чанди бентар — ворота без навершия (дуалистический символ); В — башня-кулкул — колокольня; С — паон — кухня; Д — бале гонг — площадка для музыки и танцев; Е — бале — (крытое помещение) для паломников; F — паду-ракса — ворота с навершием; Г — боковой вход; H — шаруман, или пепелик — место пребывания богов и душ предков с платформой для жертвоприношений; I — нгурах геде — моельня для священнослужителей; J — нгурах алит — моельня для священнослужителей; К — гедонг несимпанган — место посещения душ — основателей деревни; L — надмасана — трон бога солнца Сурьи; М — моельня для божественного воплощения Гунунг Агунга; N — меру — моельня Сангхьянг Видхи; O — моельня для божественного воплощения Гунунг Батура; P — маоспанг — моельня для переселенцев из Маджавахита; Q — таксу — моельня для посредников между людьми и богами; R — помещения для жертвоприношений.

Внутренний двор представляет собой место, где жрец в праздничные дни совершает священные обряды и где в эти дни находятся боги. Слева от ворот расположен павильон, в котором жрец освящает дароприношения.

В нескольких павильонах старых храмов мы нашли фигуры правителей и предков, а также священные камни. Их почитание относится к доиндуистским культам.

Важнейшее место внутреннего двора — это его задняя сторона. Там возвышаются часовни богов, место для Махадевы, а иногда также покрытые рисовой соломой пагоды-меру, которые могут иметь до одиннадцати ярусов — священное число Шивы. Таких устремленных ввысь, освященных высшим божеством меру немало в центральных храмах — Менгви, Бангли, Бесаких, где находит свое отражение концентрация божественного.

На Бали нет ни одного закрытого храмового помещения. Ни в одном из храмов верующий не может ощутить святости храмового зала, ибо он находится вне помещения, поэтому пол, на котором стоит балиец, — это земля, а крыша над головой — небо. Все павильоны очень малы, стоят на грунте и состоят из колонн и крыши. Они открыты во все стороны, что соответствует космической картине мира, которая определяет жизнь Бали. В большинстве из них нельзя выпрямиться, поэтому стоят обычно рядом с ними.

Храмы Бали не рассчитаны на ежедневные культовые обряды. Здесь нет богослужения в общепринятом смысле этого слова. Тому, кто войдет в балийский храм не в день праздника и увидит там много засохших дароприношений, он покажется заброшенным. Лишь во время праздника храм оживает и начинает играть всеми своими красками. Воздух наполняется благовониями, и совершаются обряды в том же священном порядке, в каком они совершались много столетий назад.

Бали — остров, имеющий не только тысячи храмов, но и тысячи праздников. Отведены специальные дни, часы, когда надлежит прийти в храм. Прежде чем мы отправимся с балийцем на один из его праздников, побываем сначала в деревне.

БАЛИЕЦ И ЕГО ДЕРЕВНЯ

Жизнь по адату

Все балийские деревни очень похожи одна на другую. Две улицы, погрузившиеся в тень могучих деревьев, справа и слева ограниченные крытыми рисовой соломой стенами, перекрещиваются в центре деревни. Цепь высоких стен, окружающих каждую крестьянскую усадьбу, прерывается, уступая лишь узким тропинкам, отходящим от центральных улиц и ведущих чаще всего к ручью, реке и дальше в поля. Войти в кампунг можно через узкие ворота, которые большей частью открыты, так что весь двор свободно просматривается с улицы.

Хотя кампунги в зависимости от имущественного положения хозяина и жизненного уровня всей деревни, а также от сил и возможностей ее жителей имеют различные размеры, структура у всех одинакова. Они включают в себя жилой и спальный дома, кухню, хранилище для риса и домашний храм, расположенный на стороне каджа, где число молелен и мест для жертвоприношений часто превышает число прочих сооружений.

В кампунге живет вся семья — зачастую три, иногда даже четыре поколения. Так проще растить маленьких детей, для которых старинки наряду с матерью, братьями и сестрами охотно становятся товарищами детских игр.

Балийский ребенок не знает, что такое игрушки. Он целиком окунается в повседневную жизнь, так что не испытывает необходимости в каком-то собственном мире игр.

Мать толчет рис в ступе, отец занялся ремонтом дома — все это не мешает ребенку. Напротив, он всегда присутствует при работе взрослых — наблюдает за ней, как бы участвует в ней с самого начала. В домах балийца не существует табу для детей, однако мы встречаем табу в мире взрослых. Так, на Бали мужчины и женщины не должны есть вместе. И даже когда приходят гости, женщины за стол не садятся. Они готовят еду, подают ее, но едят вместе с детьми.

Отношения между мужем и женой на Бали обычно также строго регулируются. Ведь жена, согласно балийскому вероисповеданию, ближе к келоду, чем муж. Менструацию связывают с подземными силами, и муж должен тщательно избегать в это время близости с ней, даже прикосновения. В это время женщине запрещено входить в храм и принимать участие в празднествах, быть на рисовом поле, а самое главное — касаться свежесобранного риса.

Если спросить балийца, кто установил такие правила, он ответит: таковы предписания адата. Адат, как уже было сказано, — это древнее доиндуистское неписаное обычное право на индонезийских островах. В противоположность исламизированным и христианизированным областям на Бали оно до сих пор в силе и признается всеми балийцами.

Нет такой сферы жизни, которую не регулировал бы адат. Все — от семейных отношений, земельных вопросов и проблем орошения до сложнейших религиозных обрядов — определяется адатом или, если возникают споры либо разногласия во мнениях, советом под председательством «келиан банджара» или «келиан деса» — главного в группе или деревне — и, разумеется, в духе адата.

Адат — это перенос космического порядка, системы соотносительных понятий каджа и келод вместе со всеми ее религиозными соединениями, на деревню, на семью, на человека. Эта система овладевает жизнью со всеми вытекающими отсюда последствиями, причем балиец не воспринимает ее как строгую письменную форму некоего закона, как воспринимаем закон мы.

Адат касается не только людей, живущих в данной деревне, но и всех, кто вышел из нее. Если балиец оставил свою деревню и переехал (например, много молодых людей из центральных районов сегодня работают в гостиницах на пляжах Санура или Куты), он должен возвращаться домой на каждый семейный праздник и перед каждым храмовым празднеством. То же самое относится к жителям деревни, которые вследствие жепитьбы или замужества переехали в другую деревню или в город.

Семья, «банджар» (жилой квартал) и деревня, в которой родился балиец, остаются по адату центром его жизни до самой смерти. В наши дни это уже не соблюдается так строго, как раньше, иначе работающему на стороне балийцу потребовался бы минимум полугодовой

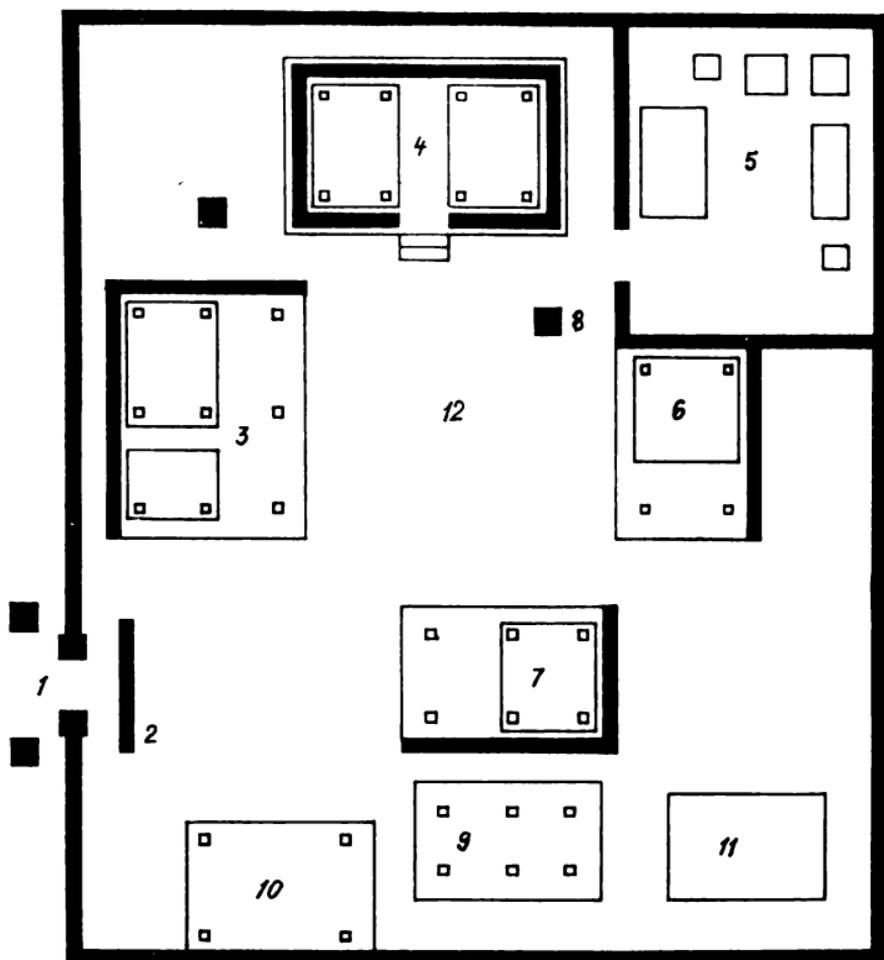

Схема кампунга крестьянина-рисовода

1 — лаванг — вход; 2 — алинг алинг — защитная стенка против злых духов; 3 — бале тинг санга — помещение для гостей на девяти сваях; 4 — ума метен — спальня родителей; 5 — санггах кемулан (памсрджан) — домашняя мольня; 6 — бале сикепат — помещения для детей и других членов семьи на четырех сваях; 7 — бале секенам — помещения для детей и других членов семьи на шести сваях; 8 — пенгидженг — храмик богини земли; 9 — лумбунг — амбар для хранения риса; 10 — паон — кухня; 11 — тонгос небук пади — площадка для обрушивания риса; 12 — натар — двор.

отпуск, чтобы выполнить все обязанности перед семьей и деревней, которые вытекают из праздничного календаря и длительных подготовительных работ перед праздниками. Ведь адат гласит, что каждый женатый балиец в рамках банджара с самого начала должен точно соблюдать все свои обязанности в отношении праздников семьи или рода и многочисленных празднеств деревни. И эти обязанности начинаются уже с церемоний очищения и подготовительных работ к изготовлению жертвоприношений, зачастую за несколько месяцев до самого праздника.

Будни балийской деревни

Согласно адату, основа балийского общества — его меньшие единицы (семья, банджар и деревня), и эта основа базируется на их тесной взаимосвязи. Современное развитие, идущее вразрез с этим порядком, таит в себе серьезную угрозу традиционному балийскому жизненному укладу, без которого совершенно невозможно представить себе балийцев, несмотря на то что многие из них имеют автомобили, мотоциклы или велосипеды. При длительном пребывании на Бали создается впечатление, что балийская жизнь в деревнях, вдали от центров туризма, протекает счастливо и гармонично.

Жизнь в деревне начинается рано, вместе с петушиным криком. С первыми солнечными лучами мужчины отправляются на поля. Один из них несет жердь с флажками. За ним следуют утки, которые целый день будут искать корм на залитых водой рисовых полях, а потом вернуться к жерди, установленной между полями.

Рисовые поля, орошаемые по системе, за сохранением которой следит товарищество по использованию воды («субак»), отделены друг от друга узкими земляными валами. Хорошо шагать по склонам через рисовые поля, хотя это далеко не просто, так как тропинки слишком узки и покрыты водой. Но красота открывающейся взору панорамы стоит того, чтобы взобраться на верхнюю террасу. Вряд ли можно найти более гармоничную картину, чем эти поблескивающие водой и переливающиеся всеми цветами радуги — в зависимости от степени спелости риса — поля.

При этом все кажется таким простым и естественным, что как-то не задумываешься о строгой организа-

ции труда и необыкновенном старании, которых требует возделывание риса на орошаемых землях, тем более что балиец, делая даже самую тяжелую работу, производит впечатление довольного, счастливого человека.

Подготовку полей к севу проводит сам крестьянин деревянными плугами, в которые впряжены волю. Все остальное, что делается после обрядов дароприношений, выполняет мужская община: посадку и пересаживание взошедших ростков риса, наблюдение за орошением и, наконец, сбор урожая, куда допускаются женщины и девушки, хотя работа на полях обычно считается чисто мужской.

Будний день балийки начинается так же рано, как у балийца. Что бы ни было ночью, спектакль ли театра ванг или танцы под национальный оркестр — гамелан, с первыми лучами солнца женщина на ногах. Она готовит мужчинам еду, которую те берут с собой, отправляясь рано утром на свои далекие поля. При этом она не забывает бросить в направлении всех стран света по одному рисовому зернышку и положить рисовые зерна у всех дверей и окон дома, чтобы тем самым восстановить космический порядок, который ночью могли нарушить демоны.

Балийцы верят в то, что даже днем вокруг бродят злые духи, угрожающие дому и здоровью взрослых, но особенно детей. И здесь жертвоприношение зернышек риса может творить чудеса. Каждый день балийка уделяет много времени необходимому воздействию на мир богов и демонов и еще больше думает об этом. Главное заключается в том, чтобы защититься от зла, призвать богов для помощи и благословения, добиться очищения и контакта с предками и богами.

На Бали, наверное, не существует ни одного какого-нибудь обряда, который каким-либо образом нельзя было бы рассматривать в связи с этими представлениями. Они — часы Бали, определяющие ритм дня и тем самым ритм жизни.

Когда балийка идет на рынок — независимо от того, продавать или покупать, эта дорога сопровождается жертвоприношениями, так же как и ежедневное приготовление пищи. Для более крупных дел — посещения гостей и семейных праздников — на определенное время приглашается сельский священник. В этом случае также делаются жертвоприношения, чтобы оказать положительное воздействие на принятие решения.

Вопросы купли и продажи, кроме торговли коровами и лошадьми, находятся на Бали в руках женщины. Ранним утром, когда муж уходит в поле, можно видеть, как она, поставив тяжелую пошу на голову, направляется на рынок, ведя на веревке свинью. На рынке она сливается с толпой торговков, которые продают не только овощи, фрукты и пряности, но и множество вещей, кажущихся нам абсолютно ненужными, но из-за которых балийцы до самого полудня спорят и торгуются.

Бетель (жевательная смесь), завернутые в пальмовые листья мясные блюда с пряностями и рисом — своеобразные балийские предшественники наших полуфабрикатов и кулинарных изделий — пользуются особой популярностью. Кроме того, продаются и охотно покупаются домашние средства против тошноты, носового кровотечения и головной боли. Около полудня бурная жизнь рынка постепенно затихает, и женщины отправляются домой, многие так почти ничего и не продав. Однако балийка не рассматривает это как экономическую трагедию. То, что она не продала, может найти применение в семье, а в следующий рыночный день она снова взвалит все это на плечи и понесет на рынок.

После обеда женщины часто собираются вместе в маленьких беседках, расположенных на усадьбе или в банджаре, готовят жертвоприношения для храмового праздника, либо семейного торжества.

Когда солнце опускается к горизонту, с крестьянских дворов доносятся глухие ритмичные звуки — это обрушивают рис для следующего дня. Потом женщины идут в деревенскую купальню или, если есть возможность, к реке. В то же время в другом месте собираются мужчины и смывают с себя пот и грязь целого дня работы на полях.

Мужчины и женщины купаются отдельно, моют волосы и стирают саронги, обертываются сухим саронгом и отправляются домой, где их ждет приготовленный заранее ужин. Немного позднее, после того как мужчины и женщины поужинают отдельно друг от друга, они так же отдельно выходят на вечернюю семейную прогулку, направляясь по темным деревенским улицам к месту, где уже играет гамелан или кукловод-даланг растянул свой экран для ночного кукольного представления, в котором оживают сказания и легенды тысячелетней давности. Присутствующие мужчины и женщины — и зрители и актеры. В эти часы можно также поговорить о событи-

ях дня, планах на будущее. Мужчины больше всего любят беседовать о подрастающих бойцовых петухах, а женщины, как и во всем мире,— о детях. Это как раз то время, когда мужские товарищества по сбору урожая, группы гамелана, объединения по производству пальмового вина, умельцы, вырезающие маски для праздников, встречаются вместе для делового разговора.

Все мужчины по своим интересам объединены в группы, называемые «сека», которых на Бали бесчисленное множество и которые формируют жизнь мужчин. Эти союзы по интересам существуют наряду с банджаром и регулярно проходящими общими собраниями в соответствии с законом адата, определяющим повседневный жизненный ритм деревни.

Мир гамелана

О музыке гамелана можно было бы написать самостоятельную книгу — о волшебстве его мелодико-ритмического звучания, имеющего своеобразную, неповторимую прелесть. Звуки гамелана незабываемы. Для неподготовленного слушателя, привыкшего лишь к западной музыке, ритмичные мелодии Бали вначале кажутся необычными, возбуждающими и в то же время монотонными. Однако ощущение монотонности проходит, когда вслушаешься. Тогда ощутишь все богатство гамелана, всю его чарующую, волшебную музыку, одну из самых своеобразных на земле.

Говорят, это ее волшебство объясняется не в последнюю очередь тем, что она обычно сопровождает танцы и, даже если никто не танцует, чисто психологически создает образы танцовщиц, тело, ноги, руки, пальцы которых двигаются, подобно деталям тонкого, чудесного механизма, не имеющего ничего общего с беспомощностью и случайностью наших, зачастую неуправляемых жестов.

Услышав гамелан впервые, я понял, что ничего подобного никогда не слышал, почувствовал неповторимое слияние окружающего мира с миром звуков. Тогда я еще не знал, что услышанные мной высокие, чистые, как хрусталь, звуки издавал придворный оркестр «семар пегулинган», балийская разновидность гамелана, которая сейчас встречается очень редко.

Он состоит из двух центральных металлофонов (ген-

дерев), каждый из которых имеет тринадцать бронзовых пластин и на которых играют обеими руками, и двух инструментов с десятью пластинами (гангса и кантиль) для исполнения тем и ритмических арабесок. Особенность музыки состоит в строгом, лишь с трудом замечаемом многообразии ее ритмики. Она достигается протяжной, глубокой мелодией джублага и скандирующими ударами джегота. Приглушенно и дребезжаще, как басовый колокол, звучит музыка, издаваемая подвешенными гонгами, которые по внешнему виду напоминают огромные плоские миски с внутренним ободом.

Гораздо чаще, чем семаг пегулинган, на Бали, особенно во время вечерних прогулок по Денпасару, Клуингунгу, Сингарадже или одной из больших балийских деревень, можно услышать «гонг геде» или очень похожий на семаг пегулинган «гонг кебиджар», звучание которых хотя и громче, но не столь кристально чистое, как у традиционного оркестра. Удивительно, что при слаженной, совершенной игре гамелана, будь то репетиция или выступление на празднике либо сопровождение танца, музыканты почти незаметны, во время игры на их лицах не выражается никаких эмоций, они обходятся без дирижера. В гамелане нет даже какого-нибудь явно солирующего инструмента. Даже сольное исполнение некоторых особенно красивых, звучных мест в пьесах, зачастую исполняющихся без пауз, остается совершенно незамеченным, отступает на второй план на фоне абсолютного совершенства целого.

Мир балийского гамелана описать невозможно. Этот оркестр надо слушать, слушать еще и еще, чтобы понять его чарующую музыку и его значение для космического мироощущения балийца. Гамелан — неотъемлемая часть целого, того, что называется балийской культурой.

«Языком богов» назвал его один брахман, с которым я говорил о том, как воздействует гамелан на ухо иностранца. Как музыка богов, звучит он над вечерними, зачастую слабо освещенными керосиновыми лампами улицами и дворами балийских деревень, представляющих собой ярко выраженный контраст с миром современных отелей, выстроенных на побережье для туристов, миром пляжей, который так мало соответствует духу острова и его обитателей.

Ритм жизни балийца соотнобразуется с природой и с волей управляющих ею богов. Как бы многообразно он ни пронизывал все существование балийца, нигде этот ритм не проявляется так явственно и отчетливо, как в отношении к рису. Один человек, хорошо знающий Бали, сказал однажды: «Рис — это жизнь. Рис — это Бали. Он символизирует как земную жизнь, так и небесное блаженство».

Тот, кто видел балийца, имеющего дело с рисом — на поле, при сборе урожая, на празднике, во время приготовления риса, когда он изготовляет жертвоприношения из риса и когда возлагает их, — тот поймет, что отношение балийца к рису — это не просто отношение человека к своему главному продукту питания.

Рис воспринимается балийцем как нечто божественное, может быть как пуповина, которая в течение всей жизни соединяет человека с богами, а после его смерти остается пищей души. При многочисленных церемониях очищения души, во время ночных трапез живых с душами умерших также подают рис.

С момента высадки саженцев на поля до сбора урожая рис окружен заботой и вниманием. Поскольку это божественное растение — дар божественной земли, все фазы его роста сопровождаются магико-мистическими ритуалами, которым, как почти на всех балийских церемониях, кажется, нет начала и конца. Праздники сбора урожая и священное орошение полей после его сбора, органично сливаясь, ритмично сменяют друг друга. Рис, а также вода присутствуют на всех балийских праздниках и церемониях. Не та вода, которую выделяют полям товарищества по ее распределению, а прежде всего тиртха — святая вода, без которой, согласно балийской вере, ни одно поле не даст урожая, не взойдет ни одно растение.

Еще до того как окончательно будет определен ритм орошения полей для очередного посева, избранные мужчины отправляются по стране, чтобы из священных ключей или ручьев, соединенных со священным озером Батур, взять самой благословенной для полей святой воды и принести ее в храм риса, где ею с торжественными обрядами окропят алтарь. Затем часть святой воды по каплям распределяется на поля, чтобы таким образом использовать все возможности освящения. Вода, взятая

из района озера Батур, считается тиртхой, дарящей воду богини этого озера, у которой, как говорят, существует прямая связь с дарящей плодородие богиней Сри.

Начало работ на рисовых полях устанавливается жрецами и звездочетами, потому что от этого, так же как от правильно найденной и распределенной святой воды, зависят успешное развитие растений и сбор урожая. Когда подходит нужный момент, самые крупные, отборные метелки риса последнего урожая кладут в предварительно политые водой посевные грядки для прорастания зерен, сопровождая эту процедуру молитвами и небольшими жертвоприношениями. Приблизительно через месяц, когда молодые растения достигнут 20 сантиметров, их группами по четыре-шесть саженцев аккуратно пересаживают в почву подготовленных заранее, залитых водой полей. Этой работе также предшествуют сложные ритуалы. Жертвоприношения должны быть приятны богине риса, ибо они призваны способствовать более быстрому росту молодого риса.

Гирлянды цветов и небольшие пирожные из риса, в которые втыкают курительные палочки, предназначены для остальных богов, так как от них также ожидается помощь. Демонам ада дарят пальмовое вино и рисовую водку. Однако, для того чтобы злые духи при этом чувствовали себя в полях не слишком вольготно, на краю поля поджигают скорлупу кокосового ореха, чтобы после алкогольного угощения быстро прогнать дымом гостей из преисподней.

Замечательную картину являют собой поля с рисовыми саженцами, нежная, светлая зелень которых отражается в воде. Теперь поля регулярно очищаются и орошаются, до тех пор пока рис не начинает цвести. Балиец говорит: «Богиня риса беременна».

В полях в это время ставят бамбуковые палки. Сверху они расщеплены, и в расщеп вставляется плетеная тарелка, над которой укрепляется покрытие из черного пальмового волокна. Тарелка предназначена для жертвоприношений богини риса, состоящих из тонких платков, благоухающих эссенций, фруктов, рисовых пирожных, завернутых в банановые листья. Сюда также приносят кушанья, которые особенно любят беременные женщины,—соленые фрукты, фаршированный перец, крабы, сласти. В некоторых селах Бали свадьба богини риса отмечается как праздник. После нее—«ньепи», день отдыха, когда никто не должен выходить на рисовые поля.

Вскоре после свадьбы Деви Сри цветы риса начинают блекнуть и зелень рисовых стеблей переходит в соперничающее по яркости с солнцем золото.

Теперь взор балийца с надеждой блуждает по полям и время от времени со страхом и мольбой поднимается к небу. Не угрожает ли непогода благословию Деви Сри? Снова и снова совершаются жертвоприношения на полях и в храмах с целью воспрепятствовать плохой погоде. Однако, чтобы урожай благополучно созрел и был убран, требуется вмешательство еще более мощных сил.

В деревнях у подножия горы богов Гунунг Агунга, в мире, который почти не тронули технический прогресс и туризм, по вечерам собираются семьи и молятся силам, которые могут помочь созреванию и сбору урожая.

Матери маленьких девочек сидят в своих лучших нарядах перед священнослужителем, который сжигает в котле дурмящие коренья. Позади в набедренных повязках с черно-белым шашечным рисунком сидят отцы. Сами девочки, убранные как богини, движутся под нежные песни своих матерей в легком ритме танца, склоняются над дымом благовоний, вдыхая их пьянящий чад, постепенно приводящий в состояние транса, и в этом состоянии девочки продолжают танцевать. Нежные напевы женщин прерываются неистовыми выкриками мужчин. Танец переходит в судорожные, конвульсивные подергивания, начинается вихревой круговорот, который заканчивается полным изнеможением девочек. Без сил, они ложатся перед жрецом и лежат как мертвые в своих золотых, украшенных цветами венках-коронах в роскошных шелковых нарядах.

Жрец обмахивает их веером. Матери осторожно поднимают своих дочерей. Медленно, еще не открывая глаз, девочки вновь вступают в ритм. Голова при этом неподражаемым образом лежит на плече, пальцы двигаются, как маленькие бабочки, — удивительная картина!

И опять звучат в ночи напевные мелодии женщин, припудривших свои лица рисовой мукой. Вместе с ароматом дорогих пряностей, которые возжигает священник, к небу каждый вечер поднимается их молящий, заклинающий напев. Он звучит как приглашение божественным феям завладеть телами маленьких девочек и пойти вместе с ними к храму, к реке, к полям, чтобы благословить всю местность и приумножить добрые силы, необходимые для хорошего урожая.

Богиня риса любит, когда небесные феи спускаются с

небес на землю и на одну ночь завладевают нежными, грациозными телами маленьких балиек. И вся собравшаяся деревенская община вне себя от счастья, когда происходит момент соединения и дрожь пронизывает тела девочек. Цель долгих ночных стараний теперь достигнута. Мир богов и мир людей чудесным образом соединились, принеся жителям деревни помощь.

Через пять месяцев начинает созревать рис. Поля оставляют сохнуть. Теперь необходимо устранить последние опасности. Они исходят в первую очередь от мышей и саранчи, которые часто уничтожали весь урожай перед самым его сбором. Чтобы удержать мышей и саранчу от их пагубных действий, их символически приглашают в деревню и развлекают танцами «сангхьянг».

В этих танцах человек также погружается в транс, чтобы принять обличье животных и таким образом войти в контакт с животным миром. Танцор надевает на себя панцирь из пальмового волокна. Сопровождаемый монотонным пением мужчин деревни, он бегаёт на четвереньках, изображая дикого кабана, под грубоватые шуточки односельчан с хрюканьем съедает корм для свиней, а затем, все еще находясь в трансе, убегает в кустарник, где его окропляют святой водой и тем самым постепенно возвращают к нормальной жизни.

В сангхьянге выражается безудержная фантазия балийца. Во время больших празднеств, когда являются высочайшие боги, он — само воплощение религиозного благоговения. Теперь же, когда речь идет о сохранении его пищи, балиец становится символом раскованной природы, свирепым или смешным животным, поведение которого веселит публику.

Мужчины в состоянии транса имитируют повадки обезьян, прыгающих, качающихся на ветках, ищущих у себя блох, или лягушек, громким кваканьем заклинающих фауну деревенского пруда, и эхо многократно повторяет эти звуки.

Большой день в ритме риса, когда все опасности удалось благополучно миновать, — это день начала сбора урожая. Специально освященными маленькими бамбуковыми ножами нарезается «нини» — сноп из лучших метелок риса, содержащих по 80—100 зерен. Нини одновременно и семенной фонд для очередного посева, гарантия выживания. Тот, кому доверено принести нини с поля в деревню, считается в этот день неземным существом, ибо находится ближе к богам и добрым духам,

нежели к своим односельчанам, которые, исполненные робкого восторга, смотрят ему вслед.

Обряды, связанные с нини, в разных деревнях различны. Однако много и общего. Например, везде одинаковы двери амбаров для хранения нини, которые украшены и увенчаны особыми навесами, используемыми только в торжественных случаях. Во многих деревнях жертвоприношения выставляются на высоких бамбуковых шестах, что подчеркивает особую значительность события. И в эти дни нередко можно встретить целые сопровождающие нини процессии, молча направляющиеся с полей в деревню, где их встречает жрец, чтобы окропить святой водой.

Об одной особенно впечатляющей встрече с нини рассказывает швейцарский художник Тео Майер, проживший на Бали более двадцати лет: «Однажды в Исехе я последовал за женщиной, которая с нини направлялась домой. Она шла медленно и торжественно. Никто не смел поздороваться или заговорить с ней, но всякий, кто встречался ей на пути, почтительно склонял голову. Перед входом в амбар сидел ее отец. Руки он держал сложенными у лба, приветствуя ее как богиню. Сын встретил ее по старому обычаю: „Рату (повелительница.— *Пер.*), будь к нам милостива. Дай нам, пожалуйста, мерту (сущность жизни.— *Пер.*)“. Держа между пальцами цветок, он также поднес сложенные руки ко лбу. Для духов было выплеснуто на землю пальмовое вино. После этого дочь поставила священный нини в расписанную красками вазу для жертвоприношений. Для богов на столе разложили фрукты, рис, пирожные, жареных кур и поросенка на вертеле. Рядом с богиней риса возвышалась гора платочков из парчи, маленьких чашечек с духами, миниатюрных гребешков, пудры и цветов. Сын стал молиться: „Пожалуйста, возьми наш простой амбар и сделай его своим высоким троном!“ Затем другой член семьи внес богиню риса в сарай и усадил ее на украшенное цветами место. Из пищи, предназначенной для жертвоприношений богам, был приготовлен праздничный обед. Мужчины налили себе из глиняного кувшина изрядное количество пальмового вина. Для девочек бабушка сварила освежающий напиток: в молоко зеленых кокосовых орехов она натерла мякоть фруктов и добавила размельченные семена, фрукты, перец и соль».

Обряды, связанные с нини, имеют такое же многооб-

разие вариантов, как и все на Бали. Однако везде следуют общему традиционному порядку. На каждом празднике обряды состоят из магики-мистического действия, ритуальных жестов и диалогов, а также из простых, земных радостей, которые связаны с жертвоприношениями. Обычно жертвоприношения для богов, состоящие из сладостей, после того как они выполнили свои важные магические функции, в которых боги принимали личное участие, становятся особенно желанными и вкусными для людей.

После праздника начинается большая работа. Перед тем как мужчины отправятся на поля убирать урожай, они подстригают себе волосы. Те же мужчины, у которых есть беременная жена, волосы оставляют нетронутыми, чтобы уберечь от беды и жену, и ожидаемого ребенка.

Рано утром слышится призыв кулула — бамбукового барабана. Его низкие звуки созывают всех жителей деревни — мужчин и женщин. Дома остаются лишь «нечистые» женщины. Веселые, в пестрых одеждах, в широкополых шляпах из пальмовых листьев или соломы, балийцы отправляются на поля. Каждый в правой руке несет небольшой нож для срезания колосьев, причем держит его так, чтобы пронести незаметно мимо богини риса.

Сегодня, как и тысячу лет назад, рис срезают пучками и связывают в снопы, которые потом, как огромные букеты цветов, подвешивают к коромыслам, и молодые люди быстро несут их домой, покачиваясь под тяжестью поши.

Когда последнее поле деревни убрано и снопы внесены во дворы, где их некоторое время оставляют лежать под открытым небом для сушки, можно считать, что наиболее трудная, но в то же время и самая приятная часть работы половины года позади: ведь на Бали в большинстве местностей получают по два урожая в год.

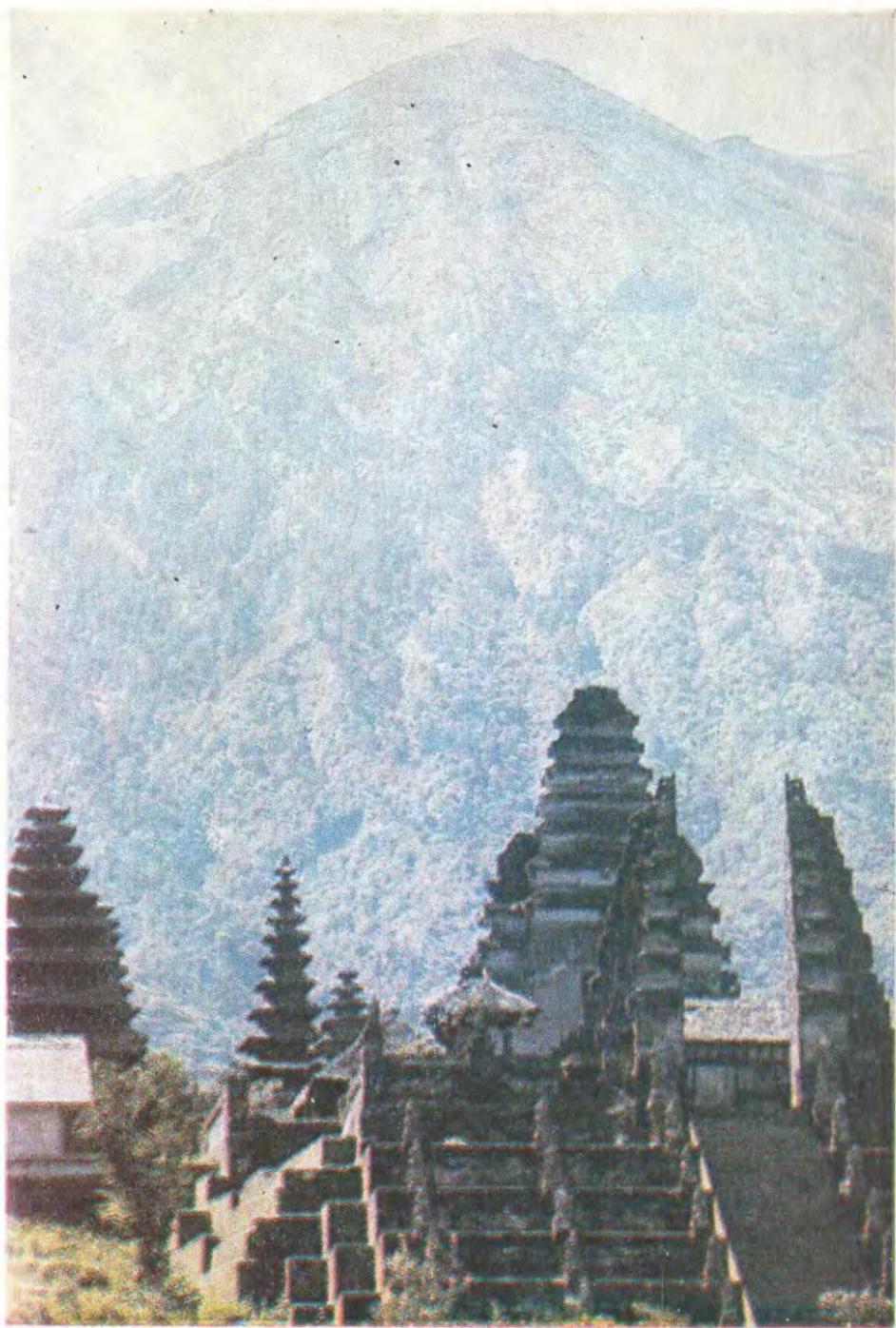
Теперь село готовится к празднику урожая — «бебантенану», который в разных местностях отмечают по-разному. Очень богатую и, возможно, в наибольшей степени уходящую корнями в традиции форму праздника наблюдал в восточнобалийской деревне Селат и подробно описал Тео Майер. Предоставим ему слово:

«В Селате поля расположены по направлениям частей света, и крестьяне-рисоводы в соответствии с этим делятся на четыре группы, называемые „питпит“. Суще-

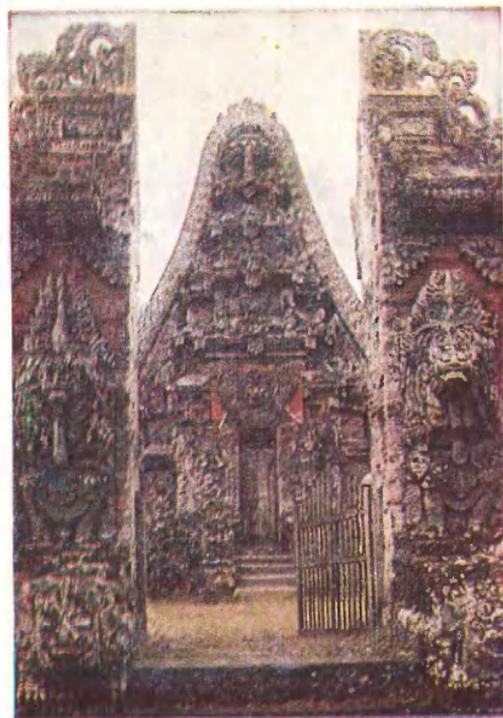
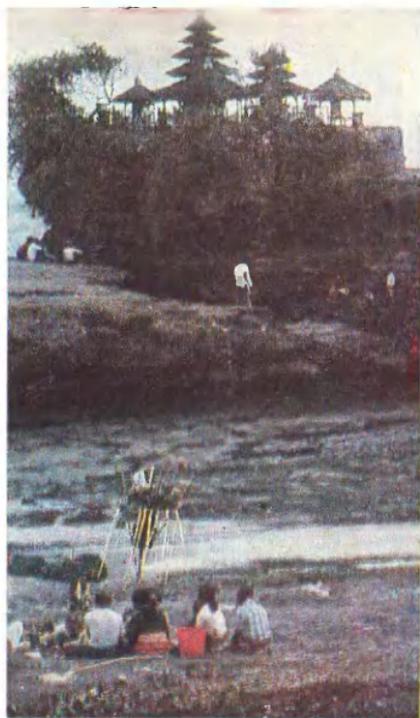
ствуют северо-западные, северо-восточные, юго-западные и юго-восточные группы. Четыре группы обеспечивают пищей свои семьи из относящихся к ним частей. Часть урожая предназначена храму.

Праздник урожая в Селате представляет собой церемонию, продолжающуюся четыре дня. Она начинается в четвертое полнолуние по балийскому календарю. В первый день („пепгамбуан“) ранним утром барабан-кулкул созывает в храм всю деревню. Священнослужитель и старейшина деревни дают появившимся жителям необходимые распоряжения: северо-восточные питпиты должны украсить храмы пальмовыми листьями, северо-западные — подвесить к краям крыш вырезанные из пальмовых крон листья для защиты от обжигающих солнечных лучей, юго-восточные — разложить около храма плоские декоративные плетенки из бамбука и положить на них рисовые пирожные, юго-западные питпиты должны приготовить мясо для „бантена“ (вид жертвоприношений) и священного пира в „бале агунге“ (главном бале). Кроме четырех питпитов существует еще одно объединение — „секеха неруна“ (союз молодых мужчин). Его члены — священнослужители. Под наблюдением жрецов в первый день праздника урожая они приносят инструменты священного оркестра — слундинга. Однако предварительно священнослужитель рассказывает богу о предстоящих торжествах и приглашает его принять в них участие. Священные инструменты состоят из тяжелых железных пластин, а звуки извлекаются из них с помощью молотка. Издалека эта музыка кажется боем курантов. Во время праздника инструменты находятся в особом павильоне, носящем название „бале труна“. Между инструментами можно видеть маленькую черную фигурку на деревянных носилках. Она закутана в красивые платки и окружена цветами. Кроме жреца, занимающегося ее украшением, никто не должен касаться этой фигурки. Именно в ней живет бог слундинга — Батара Рату Багус Панде, величественный и прекрасный кузнец. Музыканты молодежного оркестра украшают инструменты цветами и окропляют их святой водой. При открытии церемонии звучат четыре разные мелодии.

Режут свинью, предназначенную для жертвоприношения. Немного мяса, жира и печени жарится на вертеле над слабо горящим древесным углем. Эти небольшие порции на пальмовых листьях кладут перед алтарями.

Храм Бесаких
у подножия
Гунунг Агунга

Балийский крестьянин
на своем рисовом поле

Семья, пришедшая
к святилищу
для жертвоприношения
богам моря

Пура Далем —
Храм мертвых в Седане

Спектакль «Баронг»

Предводитель обезьян
Хануман
из балста «Рамаяна»

Жрица готовит мальчиков
к церемонии
подпиливания зубов

**Башни на празнике
Балигиа**

Свыше 50 тысяч человек
приходит в храм Бесаких
во время Эка Даса Рудры

Прицессы из Карангасема
несут символы предков
к месту освящения

Один из князей Карангасема
у гамелана

Даланг-кукловод
в спектакле ваянга

Молодежь из деревень
Восточного Бали
спешит на праздник Балигия

Вход в Гоа Гаджа
(Слоновый грот)

Танец барис-геде
перед храмом Бесаких

Одновременно землю поливают рисовой водкой и пальмовым вином. Храм постепенно заполняется жителями Селата и пяти примыкающих к нему деревень. „Крама деса“ — объединение отцов села — собирается позднее в бале агунге. Все женщины приносят с собой рисовые пирожные и цветы. Они втыкают их в бамбуковые циновки алтарей и домов собраний. На некоторых рисовых пирожных нарисованы краской „сили“ — изображения богини риса. Другие пирожные приготовлены из воздушного риса, который способствует тому, чтобы в урожае, собираемом в Селате, всегда были магические (крупные) соцветия риса. Жители Селата рубят свинину на мелкие кусочки, варят их и жарят на вертеле. Одним из главных блюд является „лавар“ — своеобразный балийский бифштекс из сырого мяса. В бале агунге для каждого члена крамы деса подается одна порция на банановых листьях. Храм украшен, дымится рис, жертвоприношения переливаются яркими красками. Старейшины деревни зовут участников праздника к великому меру. Женщины приходят в своих лучших нагрудных и набедренных одеяниях. Мужчины втыкают в пояс крис. В полутьме можно различить украшенный трон бога пура пусех — основателя и покровителя Селата. По обе стороны трона — священные зонты. Жрец приносит к открытым деревянным дверям меру плетенку из бамбука, на которой на свежих банановых листьях разложены рис, лавар, „сате“ — сильно наперченные кусочки мяса, печени и сала, поджаренные на вертеле, кусочки жареной грудинки. Пальмовое вино и рисовую водку выносят в чашечках из листьев. Присутствующие опускаются на колени для молитвы. Эта молитва — и оказание почестей богу, и просьба о милости. Бросив перед собой цветок, означающий приветствие богу, молящиеся подносят сложенные ко лбу руки. Жрец разносит святую воду и каждому льет на ладонь правой руки. Получивший воду трижды отпивает ее, а остатками увлажняет лицо и волосы. Человек делает жертвоприношение — бог дарит ему святую воду.

Жители Селата занимают в бале агунге свое место в соответствии с установленным порядком. Глава собрания обращается с короткой молитвой к богу, в которой просит защитить жителей деревни. Под особую мелодию слундинга бокалы из листьев наполняются пальмовым вином. Напиток трижды с небольшими паузами выливается на землю, а остаток выпивается. Затем съедаются

заранее разделенные на порции рис и мясо. При заходе солнца деревенский священнослужитель в присутствии всех старейшин и жителей деревни выкладывает жертвоприношения в строго определенном, магическом порядке. Они предназначены демонам. Для женщин и детей этим завершается первый день сбора урожая. Женщины забирают домой жертвоприношения — рис, пирожные, кур, уток — и дома готовят из всего этого праздничный обед семьям. В храме остаются лишь священнослужители и сторожа. Когда темнеет, раздаются удары кулкула, приглашающего мужчин на „мекемит“ — встречу с богами. Мужчины стекаются со всех концов деревни, поют хоралы, пьют пальмовое вино и спят в храме у ног богов на принесенных с собой из дома циновках. Время от времени тишину прерывает мелодия. Инструменты могут звучать лишь во время храмовых праздников.

На второй день праздника урожая делается еще больше жертвоприношений богам, духам и демонам. Рано утром кулкул сзывает население деревни на собрание, и, так же как накануне, четырем питпитам, обрабатывавшим рисовые поля, поручается выполнить особые задания. Накануне уже было определено, что должен принести с собой каждый: нож („голок“), который используется для размельчения мяса и приправ, кокосовый орех для священных кушаний и вязанку дров. Юго-восточные питпиты забивают „карбау“ (водяного буйвола). Оркестр играет при этом мелодию „кебо дункул“ (поверженный буйвол). Животное, приготовленное для жертвоприношения, убивают ударом копья в сердце. На его серой шкуре мелом заранее обозначают место, куда должен быть нанесен удар. Когда буйвол падает, звучит мелодия „миса гаганг“ (побежденный буйвол). Убой, варка и разделывание туши осуществляется в соответствии с правилами, передающимися из поколения в поколение. Союз орошения риса, к которому относятся почти все крестьяне из четырех питпитов, дарит для нового жертвоприношения свинью. Ее мясо, предназначенное для богини риса Деви Сри, доставляют из села в пура пусех и там готовят.

Приготовлением ритуальных храмовых кушаний занимаются мужчины. В открытых залах, которые используются в качестве храмовой кухни, работают 60—70 поваров. Приправы, их дозировка точно определены и занесены в книги рецептов, сделанные из пальмовых листь-

ев. На больших медных сковородах поджаривают лук, на толстых досках рубят мясо, над углями костра жарят огромные куски говядины. В рубленое мясо подмешивают тертые кокосовые орехи. Тут же рядом дымятся рагу и соусы. Во множестве каменных ступок толкут приправы. Посторонний человек может подумать, что находится в громадной аптеке.

Женщины могут лишь варить рис. Они варят его в храме и в своих домах под наблюдением священнослужителя и старейшины села. Мужчины посильней непрерывно подносят пальмовое вино в „бале патукан“ (павильон духов во дворе храма), где его наливают в огромные старинные глиняные корыта. Духи ублажают себя вином, напиваются и потом не имеют сил отправиться в священные места.

Женщины и девушки сидят в тени под навесами и изготавливают из пальмовых или банановых листьев тарелки и чаши. Во время торжественных процессий богов окрестных храмов несут на позолоченных носилках в пура пусех, где каждый занимает свое исконное место. Барабаны и другие ударные инструменты исполняют бодрую маршевую музыку. В промежутках звучат хоралы. Затем священнослужитель и деревенский староста со своими помощниками начинают церемонию. Группа крестьян принимает богов из соседних деревень, поскольку они также были приглашены. Одни боги уже невидимо восседают на украшенных тронах, в украшенных молельнях или таятся в старых грамотах из тонкой листовой меди, другие еще прибывают верхом на искусно вырезанных драконах и крылатых львах. Все они окутаны воскурениями ладана. Это древние, тесно связанные со страной и народом божества — величественная и прекрасная богиня Бабакана — города, расположенного к западу от путеводной реки, прекрасная дочь, богиня деревень, находящихся к востоку от путеводной реки, божественная, величественная мать храма в Лусухе, божественный, величественный, прекрасный бойцовый петух из храма в Мунтике, величественный, могучий властелин горы Гунунг Агунг... Божественный, прекрасный кузнец со своими железными музыкальными инструментами уже занял место в слундинге и приветствует прибывающих богов музыкой. Жители села сидят на циновках и поют. Суэта в кухнях храма прекращается. Старейшины деревни собирают все жертвоприношения и готовят праздничный стол. Мужчины отправляются в

купальню. Лишь некоторые из них остаются, чтобы при-смотреть за жертвоприношениями. Около полудня в храме собирается вся община, и появляется богиня риса Деви Сри. Мужчина на голове выносит украшенный цветами трон, на котором восседает сплетенная из свежих пальмовых листьев богиня. Жрец с колокольчиком следует за несущим, а позади него идут все крестьяне деревни Селат со своими жертвоприношениями. Богиню риса ставят перед большой пагодой в пугающую пусеху и поклоняются ей.

Священнослужитель просит собравшихся богов быть милостивыми к людям. Присутствующие преподносят божествам жертвоприношения на увенчанных цветами тарелках из листьев. Потом они садятся на полу и молятся, сложив руки у лба. Тем временем в бале агунге подготовлена торжественная трапеза. Бамбуковая решетка отделяет бога от празднующих. На алтаре — жертвенное вино в старинных китайских фарфоровых чашках, обыкновенное кадило и сложенный белый платок. Рядом стоят два священных свернутых зонта. Присутствующие поклоняются богу святого порядка, хранителю религии. В его присутствии члены совета старейшин („крама пусех“) приступают к трапезе, составленной на основе древних предписаний. Пища укладывается в специальном порядке, образуя символическое древо жизни. Каждому блюду соответствует определенное название. Здесь же находится вода для очищения. После заключительного глотка пальмового вина из фигурной чашечки члены крама пусеха собирают свои вещи и отправляются домой.

Наутро наступает „пермиасан“ — третий день праздника урожая — день украшения. Задолго до восхода солнца один из старейшин деревни начинает бить в кукул. И снова народ спешит подготовить жертвоприношения.

Жители деревень Сукалуих, Тегех, Пересаны и Шербуди, подвластных Селату, приносят пальмовое вино во двор храма. Жертвоприношения стоят перед богами в больших корзинах. Рату Сакти Пусеху принесена в жертву жаренная на вертеле утка, а его преемнику — семьсот маленьких тарелочек из листьев, наполненных рисом и приправами. Часть деревенского оркестра сопровождает богов, сидящих в позолоченных маленьких павильонах, к ритуальному купанию, поскольку и боги хотят освежиться и отдохнуть от сильной жары. Места, где вос-

седают боги, закрыты от солнца образующими тень зонтами. Бог Слундинг со своими музыкальными инструментами отдыхает на крепких плечах членов молодежного союза. Приходит много народу, и женщины несут на голове подкрепляющие съестные жертвоприношения. Источник, в котором должны купаться боги, расположен приблизительно в трех километрах к северу от Селата. Меньше чем через двадцать минут процессия у цели, поскольку балийская процессия не имеет ничего общего с неторопливым шествием. Деревенский священнослужитель поет священные гимны. Он окропляет богов святой водой из источника. Оркестр играет „гендинг вали солас“ — одиннадцать традиционных мелодий, следующих одна за другой. После этого процессия возвращается обратно в деревенский храм Селата. Перед воротами храма небесных властителей ожидают большие жертвоприношения. После приветствия невидимые боги пролетают над жертвоприношениями и через специально для этого праздника оборудованные бамбуковые ворота направляются к подготовленным для них местам. Во дворе храма мужчины из облагаемых данью деревень устраивают танцевальные состязания в сопровождении слундинга. Старейшины деревни торжественно льют пальмовое вино на землю. Члены двух питпитов проводят ночь в храме, развлекая собравшихся богов своими хорами.

Заключительным аккордом четвертого дня и всего праздника урожая является „передханган“ (хоровод). Семьи деревни Селат с незамужними дочерьми выделяют одну из девушек для участия в хороводе. За несколько дней до праздника на определенном бревне храма наносится зарубка, устанавливающая минимальное число участниц. Боги хотят видеть этих девушек в древнем наряде, в поясной одежде из хлопка и шелковой нагрудной повязке. На каждой из красавиц — головной убор из пальмовых листьев, украшенный тысячами лепестков и цветами. Для этого требуется бесчисленное множество часов работы.

Желто-белые лепестки цветов плюмерии сменяются розовыми и желтыми цветами кувшинок. Темно-синие цветы создают цветочные пятна. От нагрудной повязки до бедер свисают шелковые ленты. Нить на конце ленты соединяется с мизинцем следующей девушки. Эти нити символизируют единство деревенской общины и не должны порваться во время танца. Девушки становятся в длинный ряд, более высокие — впереди. Перед хорово-

дом выходят две пожилые женщины. Они показывают девушкам простые движения рук в танце „реджанг“. Девушки начинают танцевать под приятную мелодию слундинга. Хоровод идет вдоль стен во дворе храма и трижды обходит храм. В заключение девушки направляются к своим отцам, которые разделены в храме на четыре группы в соответствии с четырьмя странами света. С красавиц снимают цветочные короны. После этого ангельского танца в лепестках и цветах поселяется небесная сила, и поэтому девушки хотят взять корону домой. Теперь, если эту корону повесить на ткацкий станок, на нем будет легче работать, и дело пойдет быстрее. Если корону бросить во дворе, она защитит кур от болезней.

Дочери четырех деревенских старост остаются перед меру в своих костюмах реджанга. Они имеют право присутствовать во время танца мужчин, завершающего праздник урожая. Деревенские старосты и члены питпита крамы-деса берут листья кунжута и по две монеты. Другие члены четырех питпитов несут листья кунжута и по два банана. Они собираются в бале агунге. В ритме танца питпиты по очереди двигаются в восточном направлении. В заключение поющие жители деревни завершают четвертый и последний день праздника урожая обходом. Процессии вносят богов обратно в меру, и на следующее утро вместе с небольшим жертвоприношением происходит прощание с ними».

Сразу же после того как боги возвращаются в меру, а люди — в будничную обстановку домов, вновь начинается подготовка к следующему севу. Поля очищаются и обрабатываются обыкновенным деревянным плугом, в который впряжены волы. И опять делегация от деревни отправляется в путь за святой водой. Она поможет удачно провести сев и обеспечит ему защиту богов. И снова чувствуется ритм риса — существенная часть ритма балийской жизни.

Тело — кампунг — космос

На Бали все тесно связано друг с другом. Согласно верованиям балийцев, случайностей просто не бывает. Правда, порядок жизни настолько комплексный и сложный, что ни один человек не в состоянии заглянуть в глубину и объяснить абсолютно все. Лишь боги знают

взаимосвязи, лишь им доступно познание целостности жизни. Однако человек, насколько только возможно, обязан действовать в соответствии с этой целостностью и сохранять ее. Отсюда и берет свое начало управляемый священнослужителями божественный порядок, определяющий и направляющий повседневную жизнь, смерть и мир усопших, взаимосвязи, которые, сплетаясь воедино, образуют единство жизни.

Самое малое, известное балийцу единство — это его собственное тело — «бувана алит» (маленький мир), в котором нашло отражение все сущее и который он воспринимает как слепок вселенной. В отличие от большого мира («бувана агунга») мир человеческого тела состоит из образов и символов действительности.

В древнебалийской рукописи «Туртур йукти каки милес», имеющей, вероятно, индийское происхождение, читаем: «Ты должен знать, что твое тело — это мир, космос в малом. Твоя кожа соответствует земной поверхности, волосы тела соответствуют траве, кости — высоким деревьям, кровеносные сосуды — ползучим растениям, рот подобен глубоким впадинам, нос — источникам, уши означают ущелья и пропасти, зубы являются ветвями деревьев, а череп соответствует небесному своду, волосы головы — облакам, мигание глаз — мерцанию звезд, голос — отдаленным раскатам грома, дыхание — ветрам, кашель — удару грома, чихание — непогоде с дождем.

Как в мире существуют три сферы — небо, земля и преисподняя, — так и в человеческом теле они есть. Они различаются здесь точно так же, как и в большом мире.

Мы различаем семь кругов ада (балийцы называют их „сапта патала“.— Г. У.): ягодица, бедро, колено, голень, подошва, носки, копчик.

Над ними располагаются семь миров (по-балийски „сапта бувана“ или „сапта лока“.— Г. У.): живот, печень, грудь, горло, язык, нос, глаза.

В мирах существуют семь морей: моча, кровь, пот, жир, слюна, молоко и слезы. Кости, мясо, волосы, ногти, зубы, кровеносные сосуды составляют семь островов; почки, половые органы, селезенка, легкие, печень, желчный пузырь, сердце образуют семь гор в соответствии с индийским махамеру».

В других балийских источниках говорится только о четырех горах, идентичных четырем главным горам Бали. В этом случае сердце и сонная артерия соответствуют горе Гунунг Агунг.

Части тела сравниваются не только с ландшафтом. Органы человеческого тела, согласно мировоззрению балийца, соответствуют и определенным странам света, и богам, связанным с ними:

Восток — это сердце, место Ишвары;
Юг — это печень, место Брахмы;
Запад — это почка, место Махадевы;
Север — это желчный пузырь, место Вишну;
Юго-восток — это верхушка сердца, место Махешвары;
Юго-запад — это желудок, место Рудры;
Северо-запад — это селезенка, место Сангкары;
Северо-восток — это легкое, место Самбу;
В центре, в середине сердца, находится Шива.

Перечисленные здесь девять богов балийско-индуистского пантеона — это «Дева нава санга», которым, согласно буддийской традиции, соответствуют девять «бхута». Для каждого из девяти богов в соответствии со страной света, властелином которой он является в космосе, в человеческом теле существуют выходы и входы, используемые им для общения с каждым из богов, а именно: для Ишвары — правая ноздря, для Брахмы — рот, для Махадевы — уши, для Рудры — кишечник, для Сангкары — половые органы, для Самбу — задний проход и для Шивы — родничок или взгляд.

С родничком, которому в индуистских и буддийских формах вероисповедания придается большое значение, связан и другой основной принцип переносимого на человека космического порядка — «рува бинеда» (мир дуальных противопоставлений). В человеческом теле этот принцип находит выражение в противопоставлении родничка и пупка и охватывает также все другие мыслимые виды связанных с телом противопоставлений — от мужского-женского до жизни-смерти.

Однако рува бинеда — это не только глубоко символическая система противопоставлений в человеке и в мире. В соответствии с балийским всеобщим соединением это и вход в исключительно сложную систему лечения традиционной балийской медицины, которая сегодня, в условиях вторжения западной медицины, хотя и играет второстепенную роль, все еще, особенно в отдаленных деревнях, имеет убежденных приверженцев.

Если представить себе, насколько в балийской жизни все взаимосвязано, становится ясно, как трудно исключить части из этой общей системы и заменить чем-то

лучшим, что может в данном случае предложить западная цивилизация.

Как бы мало ни понимал простой балиец в космических взаимосвязях, ему ясно одно: его тело, его кампунг и мир, который для него носит название Бали, представляют собой одно целое, сливаются воедино.

Весьма яркое отображение целого представляет собой балийский крестьянский двор. Все, что в нем есть, соответствует человеческому телу. Семейный алтарь считается головой, где мозг — молельня предков. Руки — это жилые комнаты и спальни семьи. Кухня и рисовые амбары соответствуют ногам и ступням. Яма для отбросов — анальное отверстие.

Таким образом, то, что функционирует в повседневной жизни, является отражением всего того, что функционирует в окружающем мире — кампунге, отражением, распространяющимся на деревню, провинцию и, наконец, на весь остров Бали и тем самым на мир с его тремя частями — небом, землей, преисподней — и его обитателями — богами, людьми, демонами.

Человек и боги

Почти каждый глава семейства на Бали имеет землю, на которой его семья не только живет, но и возделывает рис, выращивает овощи, собирает фрукты. Настоящими же владельцами земли являются боги. На собрании деревенского совета мужская община принимает решения, учитывая тех или иных правящих на острове и владеющих землей богов, которые, хотя и остаются невидимыми, воспринимаются и почитаются как присутствующие на всех праздниках высшие живые существа.

То, что боги владеют землей, закреплено в адате. Так, раньше никому не разрешалось оставлять деревню без веских на то причин. Если же причины были уважительными, то и тогда, чтобы переехать в другую деревню, балиец должен был просить совет общины отпустить его. Однако, даже если совет давал согласие на переселение и человек собирался покинуть свою деревню, он не имел права продавать ни землю, ни другое недвижимое имущество. Ему лишь определяли долю из движимой собственности семьи, а недвижимая собственность по-прежнему оставалась за банджаром, или большой семьей.

В наше время продажа земли стала возможной при согласии банджара и деревенского совета. Но отношение жителей деревни к переселенцам все ухудшается. Это особенно отчетливо видно, когда последние приезжают в деревню в качестве гостей, например на ежегодные храмовые праздники или кремации, которые собирают в родительском доме почти всех членов семьи. В этом случае те, кто никуда не уезжал и неделями, даже месяцами готовился к празднику или кремации, дают ясно понять приехавшим, что они уже не принадлежат семье целиком, поскольку — и это выдвигается в качестве аргумента — «не выполнили свои обязанности по отношению к семье или деревне».

В этом проявляется одна из главных проблем современной балийской жизни, поскольку, как и весь мир, Бали в последние годы подвержен известным процессам волновой миграции, что становится одним из характерных феноменов нашего времени во всех частях света. Волей-неволей массы приводятся в движение. Причин тому немало, в частности притяжение больших городов, особенно в развивающихся странах. Материалистическое мышление, стремление к лучшим условиям жизни, у многих неопределенная мечта о земном рае послужили толчком к перемене мест наряду с политическими причинами, которые привели к бегству из тоталитарных государств или от жестких условий жизни, воспринимаемых как нечеловеческие.

Бали долго оставался не тронутым этими проблемами: ведь балиец считал, что он живет в раю. Еще и сегодня соблазн покинуть остров богов для балийца невелик. Однако на Бали достаточно уже передвижения на самом острове, чтобы создать беспокойную обстановку.

Балийский порядок основывается на семье, банджаре и деревне. До сих пор еще ощутимы границы крохотных княжеств, на которые когда-то был разделен остров. Для балийца и его семьи связь с богами и предками сильнее, чем связь с людьми. Изоляция острова внутри враждебного и организованного по-другому и в политическом, и в религиозном отношении мира способствовала этому, точно так же как и собственное, веками сохранявшееся мироощущение, которое всегда было универсальным в узких рамках семьи. В противоположность другим общинам и религиозным группам, у которых общественные связи стоят на первом плане и которым поэтому социальные и политические конфликты кажутся

естественными, мысли балийца направлены не к земле, а к небу. Самыми близкими ему были и остаются не окружающие его люди, а его предки и боги, у которых живут предки.

Эта своеобразная и, вероятно, также единственная в своем роде связь балийца с окружающим миром объясняет одновременно тот факт, что, несмотря на интенсивное научное исследование Бали и на то, что остров открыт для посетителей, до сегодняшнего дня не существует ни истории Бали, ни подробного описания форм жизни и жизненных обычаев балийцев. Они, с одной стороны, различны не только в провинциях, но и в деревнях, а с другой стороны, тесно связаны с вертикальной ориентацией ни на шаг не отступающего от традиций балийца, главную роль в жизни которого наряду с семьей и деревней играют предки, боги, духи и демоны. Он смотрит вверх и вниз, а когда его взор устремлен вдаль, он видит Гунунг Агунг, а весь остальной мир был и остается чуждым ему, поскольку не имеет к нему никакого отношения. И хотя балиец приветливо встречает тех, кто приходит из этого мира (туристов, например) с мирными намерениями, он все равно не любит чужого и даже не пытается его понять. От приходящего извне нового слишком часто исходила угроза, чтобы ему можно было доверять. Поэтому балиец, живя на своем острове, продолжает доверять только богам и предкам. Тот, кто освободится от традиционных отношений, поплатится за это. Его ждет то же самое недоверие, каким обычно встречает семья в деревне все чуждое.

Деса-чатур-вангса

По-разному протекает религиозная жизнь в деревнях Бали. Также различны и социальные структуры, которые находят свое отражение в банджаре и в кастовости. Хотя касты на Бали никогда не играли такой роли, как в Индии, они и здесь представляют собой общественную основу традиционной жизни.

Браки между представителями разных каст, особенно в обеих высших кастах — брахманов и ксатриев, все еще считаются нежелательными. Их осуществлению обычно предшествуют долгие переговоры между семьями и продолжительные религиозные обряды. И хотя представителям высших каст разрешается жениться на девушках из

низших каст, сам этот факт народом воспринимается негативно, поскольку в этом он видит рост власти высших каст, против которого во избежание социального компромисса скорее следовало бы выступить. Таким образом, и здесь действуют силы, берущие свое начало отнюдь не из балийских традиций и, кроме того, свидетельствующие о постепенных переменах, обусловленных прежде всего всеобщим обязательным обучением.

Широко распространенное мнение, что система каст Бали по своей сути намного проще, чем в Индии, верно лишь с известной оговоркой. На Бали три высшие касты (тривангса) — брахманы, ксатрии, весии, хотя и составляют менее десяти процентов населения, в свою очередь, подразделяются на группы, связанные друг с другом и не ограничивающиеся пределами деревни и провинции. Они принадлежат к тому же роду, к той же дадье. Здесь мы имеем дело с одним из соединений групп, выходящих за пределы деревни и делающих балийскую общественную систему весьма сложной, но в то же время стабильной и жизнеспособной. Сильнее связи с деревней семейная связь с родом, с дадье.

В балийских деревнях три высшие касты и судры, представляющие собой четвертую касту на Бали, распределены очень неравномерно. Есть деревни, население которых состоит из одних судр, деревни, где вообще не живут аристократические семьи, а только рисоводы и ремесленники, образ жизни, дворы и жилища которых очень просты.

Известной расточительностью отличается образ жизни представителей тривангсы, хотя и они по сравнению с жизненным уровнем народа не утопают в роскоши. Нам даже встречались представители княжеской касты, которые жили проще и беднее, чем некоторые семьи рисоводов на богатом и плодородном юге острова.

Кастовость деревенского населения важна для поддержания авторитета деревни и роли, которую она играет на острове. Особое значение имеют расположенные главным образом на востоке, в районе Карангасема, деревни «деса-чатур-вангса», в которых представлены все четыре группы населения. Эти деревни считаются привилегированными, поскольку в их жизни нашел свое наиболее яркое выражение балийский общественный порядок со всеми его формами. Имеются отдельные, единственные в своем роде деревни Бали, где еще существуют все три балийских языка (вернее, кастовые диалекты),

которые используются в общении кастами. Представители всех каст деса-чатур-вангса должны одинаково хорошо говорить на всех диалектах, а также на официальном языке страны — бахаса Индонезия. Его влияние на острове ощущается весьма заметно. Балийцы из Карангасема в большинстве случаев духовно превосходят западных или северных балийцев. Южные балийцы, ставшие благодаря иностранному влиянию хитрыми и ловкими, иногда могут дать им фору. В управлении производством Денпасара сегодня можно встретить немало восточных балийцев, отличающихся не только высокой образованностью, но и исключительным умением приспособляться.

Бали ага — аборигены острова

На востоке Бали расположены самые оживленные деревни, к тому же в наибольшей степени, чем где бы то ни было, связанные с древними традициями острова. Это в первую очередь Тенганан, которая всего несколько лет назад была практически обособленной от всего мира. Войти в нее можно было через одни-единственные узкие ворота. И сейчас посещение Тенганана оставляет глубокое впечатление, и не только из-за своеобразия ее архитектуры, но и благодаря особенностям обычаев и быта бали ага — коренных жителей Тенганана, считающих себя избранными любимцами богов. Это тем более удивительно, что совсем рядом находятся деревни, имеющие совершенно иной жизненный уклад. Вообще, будучи в Азии, я часто удивлялся подобному обстоятельству: сосуществованию в непосредственной близости в течение столетий и даже тысячелетий совершенно противоположных жизненных укладов, несмотря на сильные влияния извне. Лишь в наше время вместе с проникновением техники, туризма и норм потребительского общества различия исчезают, жизненные уклады, по крайней мере внешне, становятся похожими друг на друга.

Тенганан — одна из деревень бали ага, которая устояла перед яванизацией и до настоящего времени является собой картину первозданной балийской жизни. В шестидесятые годы я впервые собрался посетить эту деревню, для чего мне потребовалось специальное разрешение, которое позволило проникнуть через узкие деревянные ворота. Когда мы туда прибыли, никто не обратил на нас никакого внимания. Четыреста человек, живущих

в Тенганане, из которых около трехсот здесь и родились, продолжали заниматься своими разнообразными делами.

Нам предоставилась возможность наблюдать, как изготовлялись знаменитые «камбен грингсинг» — церемониальные платки, которые красят так называемым способом двойного иката* и на изготовление которых уходит до пяти лет, побывать в нескольких простых домах и посмотреть, как мужчины старательно ухаживают за дорогими им бойцовыми петухами. Мужчины Тенганана любят праздное времяпрепровождение, самодельное пальмовое вино, традиционные праздники и петушинные бои.

Тенганан — богатая деревня, но, несмотря на это, в ней нет частной собственности. Тот, кто уезжает из деревни, лишается всех своих прав, которые обеспечиваются только деревенской общиной и теряют силу для каждого, кто отделяется от нее.

Деревня расположена по обе стороны полого поднимающегося склона. Посреди двух главных деревенских улиц, которые шире обычных, находятся павильоны и храмы, где протекает общественная и культовая жизнь. При первом посещении деревни нам бросились в глаза огромные, возвышающиеся над рядами крыш и стоящие перед каждым домом ступенчатые качели, сооруженные для больших праздников. Использование их в качестве приспособления для полета в одном из обрядов — такая же особенность Тенганана, как и его праздники, принципиально отличающиеся от праздников остального Бали, ибо своими церемониями они уходят в древнюю, примитивную религию (анимизм), а не в балийский индуизм.

До 1931 года староста Тенганана был автономным главой деревни, независимым от правителей Карангасема, в значительной степени получившим свободу действий от нидерландской колониальной администрации, которой не хотелось заниматься труднодоступными деревнями бали ага и хранящимися в тайне обычаями.

При втором посещении Тенганана, в 1975 году, мы отметили, что внешний вид деревни практически не изменился, хотя деревянные ворота теперь стояли открытыми и каждый мог войти в них. Однако люди, которых мы повстречали, нам показались уже другими. Гордыня

* И к а т — способ крашения пряжи с перевязыванием участков мотка материалом, не пропускающим краситель. — *Примеч. пер.*

равнодушия, некогда обращавшая на себя внимание, уступила место лишенной достоинства хлопотливости, назойливому духу торгашества. Прежние места собраний деревенской общины занимали теперь открытые ларьки, где продавали не только сувениры и дешевый, бросовый товар, но и дорогие платки «камбен» — изделия местного ткачества, некогда считавшиеся священными предметами.

Налицо были перемены, вызванные проникновением технической цивилизации, духа торговли и туризма в еще до недавнего времени четко функционировавшие общины. Насколько глубоко это проникновение, сегодня мы, вероятно, установить еще не можем. Правда, создается впечатление, что элементы старого уклада, опирающегося на традиционный образ жизни, пока меняются только внешне. Такой вывод позволяет сделать Урс Рамсейер в книге «Культура и народное искусство на Бали» о научных исследованиях в Тенганане, проведенных в 1972—1973 годах. Рамсейер в течение восемнадцати с лишним месяцев имел возможность наблюдать жизнь Тенганана, в том числе праздники и ритуалы деревенского населения, которые прежде хранились в тайне. Так, он смог изучить игру и магику-ритуальное значение трех существующих в селе культовых оркестров, в частности «селондинга» — тенгананского гамелана, ударные инструменты которого строго табуированы. Ни один посторонний не имеет права прикоснуться к металлическим пластинам, тем более ударить по ним. О трех наиболее древних пластинах, которые вряд ли кто-либо видел, говорят, что они имеют неземное происхождение. Некоторые из священных мелодий селондинга должны звучать только в Тенганане и не могут быть записаны.

Деревенская община строго придерживается этих древних обычаев, что свидетельствует об извечном представлении тенгананцев о своей божественной избранности, которая ограничила их материальные богатства, чтобы они могли полностью посвятить себя служению богам. Поэтому их поведение по отношению к туристам следует рассматривать как выражение презрительной гордости и ироническое подражание их манерам поведения, а не только как заимствование западных обычаев.

Еще труднее, чем путь к Тенганану, всего несколько лет назад была дорога в другую известную туристам деревню бали ага — Труньян. Окруженная отвесными горными склонами, делающими ее со стороны суши почти

недоступной, деревня расположена на правом берегу озера Батур на фоне огромного, все еще извергающего дым и пламя вулкана Батур. Его гигантский кратер заполняет озеро, через которое еще в шестидесятые годы можно было попасть в деревню только в узком челне.

Жители этой деревни были и все еще остаются наиболее враждебными к чужим, что проявляется не просто в их нежелании отвечать на вопросы туристов. Они прячутся по домам или крадутся за прищельцем, как будто тот совершил кражу со взломом. Мне приходилось видеть, как они кидали камни в группы туристов. И здесь невольно возникает вопрос: что это — действие или противодействие? Я склоняюсь ко второму. Жители Труньяна, которые на протяжении столетий находились как бы в стороне от балийской истории, отличаются робостью, и манеры многих из них кажутся по меньшей мере странными. Обособленность — характерная черта не только деревни, но и живущих в ней людей.

Несмотря на это или именно поэтому Труньяна — одна из наиболее интересных деревень Бали. Представьте себе, что люди живут на узком краю громадного кратера, который за деревней круто поднимается вверх на тысячу метров, образуя непреодолимую преграду. Напротив села, на противоположной стороне озера, находятся остатки некогда крупнейшего и все еще действующего вулкана Батур.

Жители Труньяна, для которых озеро — неотъемлемая часть их жизни и единственный путь в окружающий мир, воздали должное его бушующим водам в своих древних, доиндуистских верованиях. За островерхими домами, стоящими вдоль берега, часть из которых уже покрыта гофрированным листовым железом, в тени могучего баньяна (варингина) и круто взмывающей ввысь горы возвышается мрачный храм Пура Панчер Инг Джагат, где находится статуя бога Батары да Тонта, которому жители Труньяна поклоняются как главному божеству острова и которого они поэтому спрятали от всех взоров, дабы не осквернить его. Высота статуи четыре метра. На один метр она ушла в землю. Лишь единственный раз в году, в октябрьское полнолуние, в связи с большим праздником Труньяна, двери храма открываются, и в течение нескольких часов предоставляется возможность лицезреть властелина озера, вулкана и земли.

Статуя Батары да Тонта, которого народ называет

также Рату Где Панчер Инг Джагат, не имеет аналогов на Бали. Весь облик бога выражает силу и власть. Установлена статуя, очевидно, в период мегалитической культуры на Бали. В этом колоссе как бы сконцентрировано то, что видишь в глазах жителей деревни,— отчужденность и постоянная угроза.

Посетив Труньян несколько лет назад, я записал в своем дневнике: «Кажется, что солнечный свет над деревней проходит через сеть невысказанных представлений, понижающих ритм жизни этих людей недоверием и страхом». Это первое впечатление при каждом новом посещении Труньяна усиливалось. Здесь, на берегу озера Батур, чувствуешь себя особенно далеким от очаровательного дружелюбия Бали. Отличие труньянцев от остальных балийцев и всего труньянского от балийского наиболее ярко проявилось в строгом запрете браков с жителями других деревень.

Своеобразны похоронные ритуалы этих бали ага. В одной из бухт озера Батур, недалеко от Труньяна, расположено деревенское кладбище. С наступлением темноты завернутых в покрывало покойников отвозят туда в лодке и оставляют там под открытым небом в тени баньяна, такого же огромного, какой растет рядом с храмом. Бамбуковый каркас в первые недели разложения трупа должен создавать вокруг него своего рода магическую границу, которая отнюдь не служит преградой для хищников. Таким образом, кладбище Труньяна, куда на лодке может попасть любой, даже посторонний, представляет собой страшную картину всех стадий разложения мертвых тел.

Петушиные бои — страсть балийца

Некоторые широко распространенные и очень популярные на Бали обычаи уходят своими корнями к доиндуистским верованиям. К ним в первую очередь относятся петушиные бои, которые берут свое начало, вероятно, от обрядов жертвоприношений периода мегалитической культуры. И сегодня брызнувшая петушиная кровь считается важным жертвоприношением демонам и называется балийцами «сабах гетих» (кровавый дождь). Они отличаются от петушиных боев на соседних островах, например на Калимантане, своей неумолимой безжалостностью: как правило, один из соперников забивает другого насмерть. В обычный бой петухов балиец вносит

нечто человеческое, или, точнее было бы сказать, нечто бесчеловечное. Он, например, оснащает своих петухов оружием — остро отточенными лезвиями длиной до десяти сантиметров, которые привязывает к петушиным шпорам. Тем самым петушиный бой по-балийски превращается в некое подобие средневекового турнира, только в нем сражаются не люди, а птицы, пестрое оперение которых зачастую мало чем отличается от украшенных перьями рыцарских доспехов.

Впечатляюще выглядят в своих неистовых проявлениях чувств наблюдающие бой балийские зрители. Для них он — не только захватывающее зрелище, но и страсть, которая может привести к разорению, поскольку на балийских петушиных боях заключаются сделки.

Легенда связывает петушиные бои, как, впрочем, и многое другое на Бали, с Явой, где они появились значительно раньше. Рассказывают, что у одного известного яванского жреца был непутевый сын по имени Ида Багус Маник Ангеран, которого отец за его недостойные поступки сослал на Бали. Молодой брахман, любитель и покровитель всех игр и озорных забав, научил балийцев многим утехам, в том числе и петушиным боям, ставшим их национальным видом спорта и самой большой страстью. С тех пор Ида Багус Маник Ангеран считается на Бали богом петушиных боев, и не проходит ни одного поединка, чтобы присутствующий на нем священнослужитель не совершил надлежащего жертвоприношения в его честь.

Уже во времена правления Сукарно индонезийское правительство попыталось ограничить распространение петушиных боев в стране. В 1964 году был издан указ, согласно которому разрешалось проводить петушиные бои только по первым и пятнадцатым числам каждого месяца. Находчивые же балийцы, которые используют для празднования любой повод, дополнительно включили оба дня в программу петушиных боев, определяемую жрецами в соответствии с ритуально установленными сроками. Хотя для каждого петушиного боя должно быть соответствующее разрешение властей, а оно в большинстве случаев выдается лишь на два поединка, весь остров постоянно находится в ожидании зрелища.

Петушиные бои проводятся как на площадках крошечных деревень, так и в больших «вантиланс» — залах для городских собраний, вмещающих несколько тысяч зрителей.

Гул, явственно слышимый довольно далеко от места боя, возвещает о начале состязания. Большое квадратное, открытое со всех сторон помещение, где находятся ринг, границы которого обозначены известью, и места для зрителей, заполнено до отказа. Позади плотными рядами стоят безбилетники. Впереди на корточках сидят владельцы боевых петухов, перед ними — их дорогостоящие питомцы в колоколообразных клетках.

Судьи заняли свои места впереди всех за узким столом и теперь определяют очередность поединков. На столе в ведре плавает половина скорлупы кокосового ореха с просверленным отверстием, через которое медленно просачивается внутрь вода. Когда скорлупа тонет, раунд кончается. Правда, недавно я видел используемый в этих целях секундомер.

На маленькой дощечке с деревянными шариками, наподобие той, которую на Бали употребляют во всех магазинах в качестве счетов, отсчитывается число раундов боя. К устному счету балиец относится так же презрительно, как и вооруженный сегодня микрокалькулятором человек Запада.

И вот представляют первых бойцовых петухов и их гордых владельцев. Присутствующие громко заключают сделки. Десять процентов суммы идет для финансирования обрядов жертвоприношений и на общественные цели. Затраты на проведение боев покрывают деньги, внесенные зрителями за вход.

Петухам, которым предоставлено право вступительного боя, владельцы тщательно привязывают к шпорам лезвия. Тем временем обстановка в зале накаляется до предела. Мужчины (а петушиные бои на Бали только их прерогатива) вскакивают с мест и начинают скандировать, вероятно, имена тех петухов, на которых они сделали ставку, или прогнозы в предстоящем поединке. Хозяева петухов поглаживают питомцев, шепчут им на ухо какие-то слова, которые должны, по-видимому, сделать их сильнее, и, наконец, сдавливают им гребни, чтобы пробудить в них воинственность.

Закljučаются последние пари, по залу проносится звук гонга, затем наступает мертвая тишина, взоры устремляются на петухов, и вот их выпускают на ринг.

Элегантные, со вздыбленными на шее перьями, с гордо поднятой головой, пританцовывая, они начинают приближаться друг к другу. Неожиданно один из них взлетает и пытается достать шпорой другого. Тот ловко

увертывается и сам переходит в атаку. Этим опытным бойцовым петухам уже приходилось вести смертельный бой, в котором они одержали победу. На их фоне заметна неопытность других.

Я видел бои, заканчивавшиеся еще до первого, промежуточного гонга, но были и такие, которые продолжались все четыре раунда — приблизительно шесть минут боевого времени — и не давали результата. В таких случаях обоих петухов сажали в большую клетку, где уже не было возможности увернуться от удара. Бой в этой клетке длится считанные секунды, причем часто решающую роль играет случайность. Демоны получают свою кровавую жертву, поставившие на победителя — деньги. Бывают петушиные бои, которые состоят всего из двух-трех поединков и очень быстро заканчиваются, но чаще всего они длятся час и даже дольше.

А вокруг царит обстановка настоящего народного праздника. В перерыве между раундами оживленно: торгуют с лотков самыми разнообразными товарами — от пальмового вина до медикаментов, играют в карты, разыгрывают лотереи. Но лишь только зазвучит гонг, возвещающий о продолжении боя, мужчины спешат в зал: петушиный бой не сравним ни с чем. А тот, кому достанется немного мяса убитого в поединке петуха, получит магическую силу, особенно ценимую балийцами.

Искусство как форма жизни

В балийском языке нет слова «искусство». И тем не менее кажется, что все на Бали проникнуто желанием сделать своими руками какое-нибудь произведение искусства. Искусство здесь органически вошло в повседневную жизнь, оно определяет и оживляет будни балийца.

Что бы балийская женщина ни делала — ставит ли она утром несколько цветов в корзиночку из пальмового листа, чтобы отнести их в молельню предков, связывает ли стебли риса в снопы, она делает это с большим прилежанием и очень искусно. Все, что делает балиец, подчинено ярко выраженному чувству формы. Поэтому прав Тео Майер, когда пишет, что каждый балиец — художник. Правда, его художественный дар (в отличие от того, как это происходит у нас) не выделяет его среди других людей. Искусство балийца — это не только часть

его жизни, какой, например, может быть та или иная профессия. Искусство наполняет и определяет все его существование, владеет им целиком. То, что дано от природы, не нужно специально подчеркивать, поэтому в балийском языке нет слова для обозначения искусства. Лишь отдельные виды деятельности — живопись, резьба по дереву и кости, раскрашивание масок, изготовление жертвоприношений, театр теней, музыка, пение, танец — имеют на Бали свои, учитывающие малейшие нюансы наименования, позволяющие нам понять, как глубоко проник мир изображений и игры в будни балийца.

Когда сегодня проезжаешь по Бали, испытываешь такое чувство, будто знакомишься с островом, находящимся во власти художественных импульсов. Если мы попробуем продемонстрировать целостность образа на примере отдельных объектов, то увидим, что по нашим меркам мы имеем дело с превосходными декоративными изделиями, высокое же искусство в нашем понимании отсутствует полностью.

Из этого следует, что на Бали, вероятно, никогда не было выдающегося художника, гения в нашем понимании. Нигде там не проявился художник с претензией на неповторимость и особое влияние.

Каждая архитектурная деталь, каждая скульптура или картина, не считая изготовленных на потребу туристам, представляют собой часть чего-то целого, относятся к какому-то храму или дворцу. Они не существуют сами по себе, как произведения искусства, а чему-то служат, что-то символизируют — божество, Будду, демона, князя, небо, преисподнюю, море. Они — части одного, порой даже малозаметного целого, и их суть в большинстве случаев раскрывается только в связи с этим целым — каким-нибудь культовым обрядом, церемонией, праздником. Балийские храмы, даже если их ворота и молельни украшены прекрасными барельефами, кажутся мертвыми и пустыми, если они не подчинены ритму праздника и не оживляются празднично одетыми людьми, несущими жертвоприношения.

Архитектура, архитектурный орнамент, живопись, скульптура, музыка и танец — все это на Бали связано между собой и проявляется по-настоящему лишь в действии, становясь понятным как выражение чувства формы, свойственного балийцам, которое помогает им чтить богов.

В противоположность народному образованию (обязательное школьное обучение было введено лишь несколько лет назад) художественные и религиозные школы составляют часть традиционного образа жизни байльцев. Грудной ребенок, прильнув к телу матери, уже совершает утренние жертвоприношения. Играя, малыш неумелыми ручонками делает первые самодельные фигурки и рисовые шарики для жертвоприношений, участвуя вместе со взрослыми в подготовке к праздникам. И когда девочка учится ходить, она, сама того не сознавая, копирует первые танцевальные шаги и одновременно старается подражать грациозным движениям рук и пальцев старших сестер. Маленькие мальчики отбивают деревянными палочками такт бамбуковых трубок гамелана. Если отец занят вырезанием деревянной фигурки, дети сидят рядом и тоже пробуют что-то вырезать из ненужных кусков древесины или размешивают краски и помогают раскрашивать фигурки.

Существует много удивительных примеров пробуждения художественных интересов. Так, Урс Рамсейер пишет о Кокорде Майун Путре, сыне последнего правителя Клуангкунга, что он по требованию своего умершего отца, как старший (а ему было уже за пятьдесят), начал вырезать маски для царского представления-хроники в масках — топенга: «Божественный Дева Агунг был мертв уже три месяца, когда он во дворце Сарасвати явился группе ремесленников и поручил им передать его сыну Кокорде Майуну модель масок, которые он вырезал сам, когда был в живых».

Сын правителя вспоминает о том, что произошло после того, как внесли две коробки, полные масок: «Я испугался, ведь многие из этих масок я видел впервые. Как я должен вырезать такие маски, когда мне никогда не приходилось делать ничего подобного? Однако, вероятно, это было божье предначертание — с этого часа и по сей день я все время вырезаю маски».

Самым важным и самым трудным в работе является внутреннее озарение. Когда на меня снисходит вдохновение, я могу за один день изготовить целую маску... Техникой я владею гораздо хуже других мастеров. Когда мои маски просто лежат, они ничего собой не представляют, зато в танце, они оживают. Мои маски правителей обладают такой мощной силой, что в Бугбуге и Абанге люди при виде их падали перед ними ниц, впадали в транс и оказывали им почести».

Эта история, в которой причудливо переплелись легенда и действительность, исключительно точно характеризует отношение балийца к творчеству. Ни один балиец не стремится к тому, чтобы стать художником. Никто не чувствует себя гением в нашем понимании этого слова. Однако душа каждого открыта для вдохновения, для галлюцинаций, для внезапных повелений и озарений. Свое художественное действие он всегда понимает как дело, которое совершает по предначертанию богов на благо людей.

Деревни художников

В последние годы на Бали многое изменилось. Балиец понял, что музыкой и танцем, точно так же как рисованием и резьбой, можно зарабатывать деньги. Правда, толчком к такому пониманию послужили не собственные размышления, а повышенный интерес европейцев к их изделиям. Ведь еще задолго до начала туризма на Бали, в двадцатые годы, европейские художники признали волшебный остров своим раем. Его пейзажи и прелесть цветов вдохновляли их на создание экзотических полотен. При этом от их внимания не могло ускользнуть, что балийцы обладают природным даром творчества и техникой комбинирования, чему западным художникам приходилось обучаться в академиях.

Европейские художники, среди которых самым известным был, вероятно, Вальтер Шпис, поняли это в то время, когда традиционная балийская живопись, которая широко представлена во дворцах правителей острова, а наиболее впечатляющие ее образцы украшают потолок знаменитого зала суда в городе Клункунг, оказалась на пороге гибели. Тогда под влиянием голландцев по острову прокатилась первая волна европейской цивилизации. В этой ситуации нашлись влюбленные в Бали и его древнюю культуру европейцы, давшие новый импульс художественному творчеству балийцев и, как видно сегодня, окрылившие его.

Действительно, как мне представляется, никогда раньше не был так развит на Бали кустарный промысел, как в последнее время. При каждой гостинице есть свой магазинчик с соответствующим ассортиментом. Даже на пляже продается масса отполированных до блеска резных изделий. В Денпасаре имеется базарная улица, па-

латки которой переполнены картинами, масками, скульптурами, фигурами ваянга и домоткаными текстильными изделиями. В Убуде возникли настоящие дворцы искусства, где продаются выдающиеся произведения балийского художественного творчества, правда иногда по непомерно завышенным ценам.

Разумеется, массовое изготовление снижает качество, и тем не менее европеец не перестает удивляться тонкости исполнения рисунков на картинах, филигранности и отточенности линий, резных изделий из дерева и кости. Природный талант и радость творчества все еще успешно противостоят стремлению к паживе, которое и сейчас определяется часами работы и следствием которого является изготовление грубо обработанных предметов, хотя и выполненных на высоком художественном уровне, но творимых уже без чувства внутреннего, я бы сказал, религиозного сопереживания, с каким была сделана старая танцевальная маска или фигура в храме Гатуруды прошлого столетия.

Наблюдается перемена в отношении к творчеству, перемена, которая, правда, не коснулась еще мира жертвоприношений, единства музыки и танца, но уже оказала свое влияние на творчество в области резьбы по камню и дереву, а также живописи. Целые деревни занимаются сегодня серийным изготовлением молелен предкам, домашних часовен и деталей больших храмов.

Несколько лет назад в Пенестанане Каджа, деревне рисоводов неподалеку от Убуда, голландский художник Генри Смит видел, как двенадцатилетний мальчик рисовал колоритные сцены из балийской деревенской жизни. Так он открыл первого балийского художника-примитивиста. Смит побудил крестьян-рисоводов, которые, как он заметил, все умеют обращаться с кистями и красками развивать свои удивительные способности. Таким образом возникла школа повобалийского стиля, произведения которой уже давно экспонируются в картинных галереях Европы, Америки, Японии и Австралии и которая сегодня известна больше, чем традиционная балийская живопись с ее основными цветами — черным, красным и желтым, живопись, которая со своими устрашающими сценами и астрологическими календарями отражает как балийские будни, так и мир небесного пантеона богов, фей и нимф, а также преисподней с ее злыми духами и демонами.

БАЛИЙСКАЯ ЖИЗНЬ

Круг смыкается

Для балийца рождение ребенка означает возвращение души предка. Балиец не считает, что на свет появляется новая жизнь. Просто уже неоднократно рождавшееся и умиравшее существо снова входит своей бессмертной частью, душой, в человеческое тело и тем самым в земную жизнь.

Каждые беременность, рождение и смерть для балийца — доказательство бесконечного круговорота: появление, существование и уход. Земля, которая называется Бали, представляет собой лишь место между многими небесами и преисподнями, место для временного пребывания временно воскресших душ. Однако здесь для него важны земные превращения, претерпеваемые телом возродившейся души, поскольку решается вид будущего возрождения, определяемый образом жизни самого человека и количеством жертвоприношений, которые семья и род готовы совершить в честь ожидаемых поворожденных, а также усопших своих членов.

Согласно такому представлению, каждый балиец включен в круговорот превращений, которые никогда не кончатся, и положение каждого в нем существенным образом определяется личным поведением и соответствующими жертвоприношениями его семьи. Это является основанием для строгого соблюдения каждым балийцем правил, предписываемых его религией, и он в течение всей жизни как бы растворяется в ритме этих правил.

О беременной балийке говорят: «Ее саронг остается чистым». Раньше женщины носили только саронг или каин (бесшовную юбку из одного полотнища) повседневно. Лишь в христианской церкви они закрывали грудь платком.

После второй мировой войны президент Сукарно издал закон, запрещающий балийке обнажать грудь, но, несмотря на это, и сегодня можно увидеть на улице женщин, особенно старшего поколения, с обнаженным тор-

сом. А дома этому стародавнему обычаю следуют почти все женщины Бали. Традиционно балийка не знает нижнего белья. Лишь с тех пор как среди молодых девушек появилась европейская одежда, они стали носить белье. Теперь в школе их обучают и элементарным правилам гигиены.

Для большинства балийцев основной гигиенической процедурой было и остается купание в реке, которая, правда, одновременно служит и деревенской уборной. Во многих деревнях есть общественная купальня, где утром и вечером можно помыться, если путь к реке слишком далек.

В период, предшествующий родам, будущая мать чаще, чем обычно, ходит к воде для очищения. В некоторых деревнях она несет при этом в руке нож, на острие которого наколота красная луковица. Запах лука должен отгонять злых духов-«лаяков», чтобы они не причинили зла плоду в чреве матери, а после рождения ребенка не отняли его. В этих же целях за несколько дней до родов каждый в доме особенно внимательно следит за тем, чтобы не произошло чего-нибудь дурного, и совершает как можно больше жертвоприношений.

Существующего еще в многочисленных деревнях «ба-лиан-манака» — священника и акушера в одном лице — предупреждают об ожидающихся родах задолго до них, и он, со своей стороны, до того момента, когда его позовут, делает разные жертвоприношения, которые должны обеспечить безопасность ребенка и облегчить роды.

Если в семье уже есть старшие дочери, другие женщины семьи обучают их искусству изготавливать несложные жертвоприношения для ожидаемого ребенка: рисовые пирожные пяти цветов для высоких богов, рисовую кашу как символическую пищу для ребенка и бамбуковые палочки, из которых отец сооружает первую модельню для жертвоприношения в честь нового гражданина Земли.

Рождение ребенка

Дети в балийских деревнях, как правило, рождаются в кампунге родителей. В дни, предшествующие родам, там уже все подготовлено к приему нового человека. Большинство балийцев рассматривают рождение ребенка как важнейшее событие для семьи, рода и всей деревни. Само представление о том, что можно какими-то

средствами регулировать естественный процесс зачатия, для балийцев по-прежнему остается чуждым и непонятным. Потребуется смена не одного поколения, чтобы перестроилось мышление и соответственно отношение к этому вопросу.

Для родов в доме не предусмотрено определенного места. Часто они происходят под открытым небом, поскольку это в известной степени общественный процесс, и в нем участвует вся семья. Для детей такие события, как рождение и смерть, представляются чем-то само собой разумеющимся, и они, как и каждый член семьи, получают свое вполне определенное задание.

Когда наступает время родов, приглашаются балиан-манак или его жена, также знакомая со всей процедурой. Они не только акушеры, но и своеобразные церемониймейстеры родов. На Бали женщины рожают в полуоткрытом положении на полу, на специально для этой цели сплетенной новой циновке. При этом одна из старших женщин семьи, зачастую сестра роженицы, или ее собственный муж оказывает помощь, стоя позади нее на коленях и обхватив ее руками.

Во время родов балиан-манак окропляет дом или место, где они происходят, святой водой, чтобы кампунг оставался чистым и чтобы духи-лаяки не имели возможности творить зло. Ведь борьба между добром и злом — основа основ балийской веры — начинается в момент рождения человека. Его жизнь является следствием противоречий между светлым и темным, между богами и демонами, противоречий, которые не кончаются даже вместе со смертью, а продолжают действовать на душу, хотя тело уже давно сожжено.

Родители и вся семья не способны в полной мере защитить новорожденного в этой борьбе. Не способны они сделать это и впоследствии, как бы сильно ни любили и ни заботились о детях, не могут в достаточной степени и дети уберечь своих родителей от сил зла. Ни люди, ни даже боги не могут, в соответствии с балийской верой, поддержать человека во всех его невзгодах и защитить его от угрожающих опасностей. Для этого необходимо обладать силой, земные проявления которых рождаются вместе с ребенком, — это кровь, околоплодная жидкость, пуповина и, наконец, самое важное — послед. Балинец называет их «четырьмя старшими сестрами» новорожденного — «канда мпат». Они сделали возможным и защитили рост ребенка в чреве матери. Почему их функ-

ция должна закончиться вместе с его рождением? Ни один балиец не понял бы этого. Как со смертью тела не прекращается жизнь души, так и действие особых, важных сил, дарящих жизнь не родившемуся еще ребенку, не может просто прекратиться вместе с вступлением его в этот открытый и поэтому опасный мир.

С этими дарящими жизнь силами связано не меньше проявлений радости и почитания, чем с самим ребенком. Как только он появляется из чрева матери, этим силам делаются жертвоприношения, чтобы не испортить им настроение, иначе когда-нибудь, в минуту опасности, их помогающее и защищающее действие может быть направлено против человека.

Строгий ритуал определяет, как обращаться и как следует хранить земные проявления «старших сестер», среди которых послед обладает наибольшей силой. Его кладут на банановый лист и вместе с небольшим количеством околоплодной жидкости и политой кровью земли родительского кампунга зарывают в желтой скорлупе кокосового ореха около лестницы спальни — справа от входа, если поворожденный мальчик, и слева, если девочка.

Захоронение пуповины также сопровождается обрядом жертвоприношения. В некоторых деревнях из пуповины делают браслет для ребенка, который должен защитить его от злых сил. Над люлькой вешают первый в его жизни жертвенник, изготовляемый отцом иногда с помощью сестер. В качестве оберега, охраняющего ребенка, над люлькой вешают также вырезанную из дерева фигурку небесной феи.

В течение года на висящий над ребенком жертвенник ежедневно кладут жертвоприношения в виде цветов или фруктов, преимущественно экзотический фрукт с чешуйчатой кожурой — салак. Он должен сделать милостивым Кумару, младшего сына Шивы, бога младенцев, и облегчить путь новорожденного в жизнь. Когда мать дает ребенку грудь, она должна предварительно брызнуть несколько капель в направлении четырех стран света. Это должно означать пищу для «четырех старших сестер».

На двенадцатый день ребенок получает первое имя, которое, впрочем, не остается на всю жизнь, а неоднократно меняется в различных праздничных ситуациях. Наречение именем также связано с жертвоприношениями в честь Кумары и его отца Шивы, чтобы добиться их благосклонности и показать им, что дальнейшая судьба

нового гражданина Земли с полным доверием передается в руки могущественных богов.

Первая большая церемония очищения, которая прежде всего касается матери, ставшей нечистой из-за беременности и родов, происходит через сорок два дня. Вся семья сопровождает мать в торжественной процессии к месту ежедневного омовения, чтобы совершить там жертвоприношение богу воды. В тот же день богу Брахме делается в кухне жертвоприношение рисом, окрашенным в красный цвет, и производится первое очищающее омовение младенца святой водой, которое делается для того, чтобы смыть с него все нечистое, связанное с предродовым периодом, рождением и первыми неделями жизни. Одновременно ребенок получает свое первое украшение, которое может быть очень дешевым, простым, а может быть и дорогим, например тонкий золотой браслет.

Теперь спрашивают у балиан-манака, который способствовал появлению ребенка на свет, кто из предков семьи вновь родился в этом ребенке. В результате долгих, таинственных сеансов, при которых никто не должен присутствовать, священнослужитель пытается приоткрыть завесу тайны. С помощью одурманивающих благовоний он вводит себя в состояние транса, чтобы представить своим внутренним взором прошлое и тем самым предков семьи. Большинство семей не имеет средств для финансирования этих долгих сеансов. Имя вернувшейся души, как утверждает священнослужитель, он узнает лишь после недельных интенсивных усилий, а это дорого обходится семье новорожденного.

Близнецы могут принести несчастье

Если роды прошли нормально и ребенок появился на свет здоровым, то в первые дни ему предстоит перенести ряд испытаний, которые, согласно балийской вере, вполне обоснованны. Так, мать может начать кормить ребенка грудью лишь через два дня. В этот период ребенку дают кокосовое молоко (в последнее время даже начали использовать для этих целей сгущенное молоко) и некую магическую кашу, которая, по мнению врачей, абсолютно не усваивается новорожденным. Поэтому сейчас делаются попытки отменить этот опасный для жизни младенца обычай. Однако на Бали ничего не делается быстро. Если где-то сегодня старые обычаи соблюдаются

не слишком строго, то в других местах, особенно в отдаленных горных деревнях, они все еще соблюдаются неукоснительно, к тому же там нет никакой медицинской помощи.

Особенно плохо приходится ребенку, если его мать умирает во время родов. Хотя в балийских деревнях еще нет мало-мальски приемлемого искусственного питания, кормить ребенка грудью может лишь женщина из его семьи. Мать, потерявшая своего ребенка, не имеет права быть кормилицей, поскольку она считается нечистой.

Много волнений вызывает в деревне появление на свет близнецов. В то время как рождение близнецов одного пола означает благосклонность богов, рождение разнополых близнецов свидетельствует о том, что боги гневаются, а это влечет за собой тяжелые последствия для всей семьи. Раньше близнецов умерщвляли, а семью изгоняли из деревни. Для искупления совершенного греха она должна была жить сорок два дня на определенном месте—в хижине недалеко от кладбища или у перекрестка дорог, посещаемого злыми духами. По истечении этого срока семья могла вернуться в деревню, но должна была осуществить такую массу дорогостоящих церемоний очищения, что зачастую разорялась.

Изгнание несчастных родителей из деревни осталось в прошлом. Церемонии же очищения обязательны и сегодня, поскольку балийцы верят, что иначе будет слишком мало воды для риса и деревню постигнет неурожай или падеж скота.

Поверье, что рождение близнецов разного пола приносит несчастье деревне, основано на предположении, будто в чреве матери близнецы имеют половое сношение, т. е. совершают кровосмешение и тем самым гневят богов. В соответствии с адатом браки между близнецами были разрешены лишь в княжеских и брахманских семьях, поэтому на представителей обеих высших каст не распространяются предписания об очищении при рождении близнецов.

Тиганг сасихин — трехмесячный праздник

В течение трех месяцев после рождения ребенок не может входить в соприкосновение с землей. В это время мать или старшие сестры и братья держат его на руках. Через сто пять дней (три балийских месяца) он впервые

в торжественной обстановке касается земли. Для детей из княжеской касты, ксатриев, табу устанавливается на двести десять дней.

День первого соприкосновения ребенка с землей является одновременно и первым большим праздником в его жизни. В этот день собираются все родственники, чтобы вместе с самым молодым их представителем совершить большое жертвоприношение, к которому ведется длительная подготовка. Женщины в течение многих дней были заняты приготовлением бесчисленных даров для жертвоприношения Шиве и другим богам. Крестьянский двор тщательно убирается, земля очищается, после чего специально приготовленной для церемонии святой водой приглашенный на праздник брахманский священник пандалу совершает культовые обряды очищения, в результате чего ребенок и его четыре магические сестры получают новые имена. Этот праздник балийцы называют «телубуланин», а в литературном языке он носит название «тиганг сасихин».

На этом трехмесячном празднике особенно отчетливо видны три аспекта любого обряда — жреческий, повествовательный, относящийся к мифу, и, наконец, общинный, связанный с коллективом людей, которые его проводят. В то время как действия жрецов, такие, как чтения священных текстов, имеют индо-яванское происхождение, основные элементы обряда коренятся в древних доиндуистских верованиях, о которых мы слишком мало знаем, чтобы сказать что-то определенное.

После того как гости собрались во дворе, священнослужитель занимает свое место в павильоне перед многочисленными дарами, предназначенными для жертвоприношения, чтобы подготовить себя к продолжительной медитации, тихо проговаривая монотонные молитвы и прерывая себя звоном колокольчика, который он держит в руках, но при этом строго соблюдает священное положение рук мудры. Смысл этой медитации, происходящей в стороне от ребенка и гостей, состоит в том, чтобы пригласить на праздник самого Шиву. Жрец предлагает свое тело богу, чтобы тот избрал его местом пребывания, и, только когда он убеждается, что дух Шивы вселился в него, священник начинает приготовление святой воды.

Вновь бормоча заклинания, он переводит руки из одной позы в другую, не давая никаких пояснений относительно заклинаний, этих священных молитв, смысл кото-

рых должен быть сокрыт, иначе они потеряют свое магическое действие. Большую роль в церемонии играют колокольчик с ручкой из четырех стилизованных когтей Гаруды и разложенные перед жрецом цветы.

Все это имеет, помимо прочего, и свою практическую сторону. Поскольку приготовление святой воды, как мы знаем, является монополией брахманских священников и одновременно главным поводом их участия в церемонии, они, естественно, не выдают секреты приготовления святой воды, которая имеет на Бали такое же основополагающее значение, как святое причастие в христианстве. «Без святой воды балиец... потерял бы смысл жизни и чувствовал себя как животное» — так говорил яванский учитель, с которым я познакомился на Бали. Хотя он был мусульманином, но с глубочайшим уважением относился к религии балийцев. «Это единственная религия, — сказал он мне, — которая действительно имеет формирующую жизнь силу. Эта религия не позволяет вести себя шумно, как ведут многие христиане или мусульмане. Она требует человека всего целиком и полностью наполняет его. Я думаю, что без этой религии балийцы погибнут, как рыбы, лишённые самого главного для них — воды».

Недалеко от жреца, в другом павильоне, восседает жрец, который постепенно повышающимся тоном читает древнебалийские тексты. Находящийся тут же переводчик переводит их на язык народа, но народ не слышит его.

Народ тем временем толпится перед домом родителей. Там идет истинно народная игра, которая известна здесь с незапамятных времен, однако и сегодня смотрится с большим интересом. В ней особенно охотно участвуют дети. На место наряженного ребенка, который лежал в своей люльке, кладут одну или несколько так же наряженных кукол с лицами, выкрашенными белой краской. Эти куклы — не что иное, как завернутые в пестрые тряпки фрукты, которые были принесены для жертвоприношений. Жрец для виду даже окропляет их святой водой.

Здесь же совершается обряд по выяснению судьбы ребенка. В сосуд, наполненный водой, кладут маленькие фигурки животных, стебли риса, фруктовые косточки, монеты, амулеты, а также золотые и серебряные украшения. Мать опускает крошечную ручку ребенка в воду — он выдергивает ее из воды. Так повторяется не-

сколько раз. Если при этом ребенок схватит монетку, все дружно пророчат новому гражданину Земли богатство.

Наступает момент, когда жрец должен выполнить свою высокую миссию посредника между людьми и богами. Родители приносят ребенка к павильону с многочисленными жертвоприношениями, среди которых перед сосудом со святой водой сидит священнослужитель. Он несколько раз окропляет ребенка, чтобы смыть с него все нечистое, затем срезает два волоска с головки малыша и обвивает ее широким стеблем травы, которая считается священным растением.

Между тем близкие родственники раздевают фигурки, изображающие детей, и под громкие крики и улюлюканье выбрасывают их на улицу. Теперь люлька свободна для ребенка, и родственники могут разойтись с сознанием того, что все необходимое для счастливого будущего нового жителя Земли сделано.

Однако не все балийские семьи имеют средства, чтобы отпраздновать тиганг сасихин в предписываемый день. Многие отмечают его в деревенской общине, и объектом празднования бывает не только трехмесячный малыш, но и другие, еще не освященные дети, что позволяет сократить расходы.

Часто можно видеть, как семья со своим ребенком и помощником священнослужителя идет к какой-нибудь горе или к морю, где совершает ту же церемонию, но в очень упрощенном варианте, причем присутствует лишь самый узкий круг родственников — родители, бабушки, дедушки, братья и сестры.

Часто для балийцев эта церемония служит одновременно и желанной семейной прогулкой, о которой потом еще долго говорят. Тогда этот праздник связывают с жертвоприношением богам гор или моря, чтобы они были благосклонны к ребенку. После пикника жертвоприношения богам съедаются. Лишь разложенные на земле жертвоприношения для демонов и злых духов нельзя трогать. Они остаются на съедение животным.

Счастливое детство

Если говорить о тепле родного дома, которое делает детей счастливыми, то балийских детей можно отнести к самым счастливым детям на земле. Я редко видел детей,

окруженных большей любовью и заботой, чем на этом острове. Первые три месяца ребенок ощущает тепло тела матери, сестер и братьев, а когда начинает ползать по чисто убранному кампунгу, за ним постоянно следит множество глаз, чтобы уберечь его от опасности.

Балийский ребенок все свое время проводит со взрослыми. Слова, которые мы так часто говорим детям: «Это еще для тебя рановато», здесь немыслимы. Куда бы ни шли мать или сестры, малыш обязательно с ними — на руках, на коленях или за спиной, пока он еще не научился ходить. И позднее вся семья внимательно следит за тем, как это крошечное существо передвигается на своих маленьких ножках, а старшим сестрам доставляет истинное удовольствие качать его на коленях.

Жизнь взрослых тесно связана с жизнью детей, и наоборот. Пока мать кормит малыша грудью (а этот период обычно продолжается на Бали очень долго), он уже прислушивается к звукам гамелана — и не от случая к случаю, а постоянно. Очень рано он знакомится с театром теней и танцами, устраиваемыми в деревнях на каждом празднике. Сидя на коленях у старшей сестры, которая держит ручку малыша в своей руке и делает ритмичные движения в такт музыке, он усваивает танцевальный ритм.

Когда по утрам в домашней молельне мать или сестры совершают ежедневный обряд жертвоприношений в честь богов и предков, ребенок находится рядом. Он видит, как готовятся в доме большие жертвоприношения для храмовых праздников и кремации усопших. И скоро он уже сам в состоянии лепить рисовые шарики и красить их. Очень рано, в три или четыре года, девочка делает свои первые танцевальные па. И когда родители говорят: «Может быть, ты станешь когда-нибудь знаменитой исполнительницей легонга», они говорят это с полной серьезностью.

Родители на Бали почти никогда не бьют своих детей. Они терпеливо объясняют ребенку, что он сделал неправильно, и объясняют, как надо сделать лучше. Взрослые никогда не преуменьшают достижений ребенка, даже если успехи его слишком скромны. Они чаще всего говорят примерно так: «Это было сделано действительно хорошо, но если ты попробуешь сделать еще раз, то получится лучше».

Всего несколько лет назад на Бали почти не было школ и, следовательно, не существовало обязательного обучения. Сегодня большинство детей ходят в школу, где их учат совсем не тому, чему учат в родительском доме. Когда молодое поколение вырастет, это противоречие может привести к конфликтам.

Дети носят школьную форму западного образца: девочки — юбки и блузки, мальчики — шорты и рубашки. Это дает основание полагать, что они в дальнейшем будут жить иначе, чем их родители.

Балийская школа в отличие от родительского дома не является школой религиозной. Она получает директивы и учебные планы из Джакарты. А там прежде всего заинтересованы в развитии и углублении национального индонезийского духа. И это особенно отчетливо проявляется в различии между балийскими и общенациональными праздниками.

17 августа 1978 года я присутствовал на праздновании Дня независимости в Денпасаре. Для всего индонезийского народа 17 августа — большой национальный праздник — день, когда (в 1945 году) Сукарно объявил о независимости страны, которую затем в течение четырех лет пришлось отстаивать в упорной борьбе с голландцами. С тех пор 17 августа повсеместно, в том числе и на большой площади перед губернаторским дворцом в Денпасаре, устраиваются парады. В то время как в дни балийских праздников лицо улицы определяют традиционные наряды, в День независимости преобладает военная форма.

Большой праздник должен отмечаться высокими спортивными достижениями молодежи. В День независимости перед нею ставят весьма конкретные задачи: младшие школьники должны пройти маршем восемь, старшие — семнадцать, а студенты — сорок пять километров.

Поэтому перед праздником улицы Бали ежедневно после полудня буквально переполняют марширующие колонны. Лица ребят очень серьезны. Мягкие, нежные улыбки юных балийцев сменило выражение решимости, переходящее в фанатизм. Ведь дело касается чествования, призов и наград.

Но вот мальчик или девочка, которые в колонне шагали в ногу с остальными представителями индонезий-

ской национальной молодежи, возвращаются в родительский дом, где господствуют свои традиции и где они то и дело слышат о богах, готовых прийти им на помощь, и о демонах, от которых исходят опасность и зло. И здесь, дома, они, эти дети, уже подчинены действию не всеобщего закона Индонезии, а адата, древнебалийского порядка жизни и общины, а он так же строг и беспощаден, как и всеобщий. Долго ли еще продлится действие этих противоречащих друг другу законов, сейчас еще трудно сказать.

Школа и религиозная традиция

Уровень образования на Бали среди населения до сих пор слишком неравномерен. Между множеством неграмотных, которые составляют нижний слой общества, и балийцами, принадлежащими двум высшим кастам и говорящими (а часть из них даже читает) на трех балийских языках*, пролегла огромная пропасть, мост через которую нельзя перекинуть только с помощью начальной школы. Ведь всему тому, что формирует и определяет балийская жизнь вплоть до сегодняшнего дня, школа не учит. Таким образом, основное различие между «наукой», получаемой детьми в родительском доме, сводящейся к посвящению в религиозные и культовые тайны, и школьными знаниями будет существовать и дальше. В решении этой проблемы пытается оказать помощь Хинду-Дхарма — институт в Денпасаре — своеобразное высшее религиозное ведомство на Бали.

Балийский учитель, которого я спросил относительно уровня образования и знаний балийцев в религиозных вопросах, сказал:

— Эту проблему, как и все на Бали, следует рассматривать с разных точек зрения. Уровень образования балийца в смысле того, что он должен знать и понимать, зависит от его касты и от уровня образования его семьи. Ребенок, дед которого был брахманским священником, естественным образом вырастет в магики-мифическую среду своей семьи и научится многому, что позволит ему в один прекрасный день самому стать священником. Однако то, что было ему завещано в семье, это, собственно

* Речь идет о трех балийских социальных диалектах.— *Примеч. ред.*

говоря, не знания, а мировоззрение. Таким образом, у него формируется мировоззрение, подобное тому, которое было у его деда, его родителей и родных, то есть между поколениями не существует различий. Знания ребенка, полученные им в школе,— это осведомленность, не имеющая ничего общего с его будущими задачами брахманского священника. Поэтому, если мы говорим о молодом балийце сегодняшнего дня, мы должны различать его внутренний и внешний мир. Его внешний мир во многом идентичен внешнему миру его однокашников, в то время как его внутренний мир базируется на знаниях семьи и поэтому уходит корнями в далекое прошлое. Говоря откровенно, большинство простых балийцев не понимают многое из того, что они делают в религиозном плане. Участвуя в обрядах, они совершают то же самое, что делали их родители, потому что им говорят: ты должен это делать! Однако они делают так не потому, что поняли и осознали это, а из-за боязни, что с ними произойдет нечто ужасное, если они не будут совершать обряды жертвоприношений так же, как это делали их предки. Поверьте мне, вся жизнь балийца проходит на фоне страха, и причина его — невежество. Лишь в том случае, если балиец строго соблюдает все предписанные ему правила, он преодолевает страх и на его лице появляется улыбка, которую на Бали можно видеть повсюду. В борьбе с этим страхом институт Хинду-Дхарма пытается что-то предпринять. Например, объясняет школьникам, как, впрочем, и взрослым, многообразные взаимосвязи балийского индуизма, смысл окропления святой водой, обрядов жертвоприношений и очищения — этих трех главных аспектов в религиозной жизни балийца.

— И вы считаете, что это поможет побороть страх?— спросил я скептически.

— Знаете, в этом деле определенных успехов за последние годы достигли на Бали христианские миссионеры. Они развернули кампанию по изменению мышления под девизом «Борьба со страхом». Насколько же легче было бы брахману победить страх с помощью ясного, однозначного толкования своей сложной, но исполненной смысла религиозной системы.

— Следовательно, разъяснение необходимо в интересах религии, а не против нее,— заметил я.

Именно это я и имею в виду,— подтвердил он.— Ведь разоблачение религии, подобно христианской мис-

сионерской деятельности, приведет к новым конфликтам. Думаю, главное не то, что человек верит, а то, что в своей вере он чувствует себя как бы дома, уютно. Балийская вера могла бы передать сокровенность и правильное понимание мира лишь тому, кто знает и правильно понимает ее смысл и ее законы.

Когда он говорил о настоящей, глубокой вере балийца, я вспомнил о некоторых ее жестоких предписаниях, например в отношении рождения разнополых близнецов, но возражать не стал. На Бали не стоит дискутировать по вопросам веры, тем более что собеседник убежден в ее непоколебимости.

Совершеннолетие и церемония подпиливания зубов

Наступление совершеннолетия было и остается важнейшим событием в жизни молодого балийца. Заканчивается счастливое, хотя уже и обремененное обязанностями детство, и делается первый шаг в мир ответственности, в мир, где царят боги и демоны. В это время отмечается второй большой праздник в жизни человека — церемония подравнивания зубов путем подпиливания. Самый благоприятный момент для этого, как и все важные сроки, определяется на Бали жрецом с помощью астрологического календаря.

Правда, для девушек высших каст существовал, а кое-где существует и сегодня праздник, время которого определяется не по астрологическому календарю. Его устанавливает природа: конец первой менструации. Приглашается жрец, и происходит праздничная церемония очищения.

Приведу описание этого торжественного события из знаменитой книги Мигуэля Коваррубиаса «Остров Бали», вышедшей в 1937 году. «Мы были приглашены в Белалуан на церемонию очищения Маде Рай, одной из танцовщиц легонга, как раз достигшей совершеннолетия. Когда мы прибыли в дом Маде Рай, ее одевали во внутренних покоях. Вокруг нее хлопотало множество женщин, которые украшали ее платками, драгоценностями и цветами. Почетная трибуна гостиного зала была заполнена жертвоприношениями — гирляндами из пальмовых листьев, фруктов и цветов. В павильоне священнослужитель высокого сана — педанда — сидел скрестив

ноги и ждал начала церемонии очищения. На его лице лежала печать подчеркнутого превосходства по отношению к тем, кто стоял вокруг него и проявлял любопытство к лежащим перед ним ритуальным принадлежностям. Выход Маде Рай был поистине триумфальным: она восседала на плечах местного силача Регога, ее приветствовали взрывы хлопушек фейерверка. На ней был торжественный наряд ее касты — расшитая аппликациями из золотых пластинок юбка, парчовый платок прикрывал ее юную грудь, в ушах блестели золотые серьги, а на голове красовалась корона из золотых лепестков. Девушку опустили на циновку перед жрецом, который встретил ее магическими заклинаниями и ритуальными жестами рук. Затем он окропил ее святой водой и осыпал цветами. Перед ней положили различные жертвоприношения, луну из пальмовых листьев, кропило и сексуальные символы, в то время как она обмахивалась веером грациозными движениями рук, присущими только танцовщицам. Затем освященную жрецом святую воду вылили девушке на ладони через решето для риса. Она выпила воду со священным трепетом и вытерла влажные ладони о свой лоб. На этом церемония очищения закончилась, и Маде Рай отправилась в пура-дадья, семейный храм предков, чтобы там помолиться. Целая процессия несла ее на кресле-троне, впереди которого шагали молодые люди с флагами и копьями. Когда процессия дошла до храма, Маде Рай опустилась на колени на подушку перед главной молельней и начала молиться вместе с другими членами своей семьи, в то время как старые люди произносили „кекави“ — стихи, воспевавшие красоту „дедари“ — небесных русалок. Затем процессия вернулась в дом, где гостей стали развлекать играми и танцами, празднуя день, когда маленькая девочка Маде Рай, которая еще вчера ходила по деревне и никто не обращал на нее внимания, в свои четырнадцать лет стала вдруг прекрасной молодой женщиной».

В то время как здесь совершенно определенно идет речь об одном празднике в длинной цепи церемоний очищения, то есть о празднике, который, несомненно, берет свое начало из традиций балийского индуизма, церемония подпиливания зубов относится, вероятно, к более древнему, доиндуистскому времени. Мы знаем, что этот обычай существовал у некоторых африканских, а также индонезийских племен, для которых обряд подпиливания зубов являлся составной частью религии племени.

На Бали, насколько мы можем проследить историю этого обычая, подпиливались лишь четыре резца и оба клыка верхней челюсти. В последние два года подпиливание зачастую производится чисто символически, поскольку стоматология не рекомендует этого делать. Однако никто еще не пытался отменить праздник из-за советов врачей. Сегодня среди балийцев принято считать, что этот обряд имеет гуманное значение и полностью вписывается в мир этических представлений балийского индуизма. Подпиливание шести верхних передних зубов должно сдерживать молодого, темпераментного мужчину от безрассудного проявления своих страстей. Нижние зубы, напротив, остаются нетронутыми, чтобы полностью не убивать чувственную жизнь. Речь идет о том, как сказал мне один священник, чтобы найти золотую середину между страстью и аскетизмом, между чувством и разумом.

Церемония подпиливания зубов со всеми ее жертвоприношениями, приглашением священнослужителей и многочисленных гостей представляет собой довольно дорогое удовольствие, которое, если включить и приготовления, продолжается, как правило, больше недели. Поэтому священный обряд совершается чаще всего сразу над несколькими мальчиками и девочками.

Летом 1975 года я присутствовал на церемонии подпиливания зубов на одной из главных улиц Денпасара. Праздник начался принесением в жертву животного. Был убит молодой бык, его голову положили перед домом. На белой ткани разложили другие жертвоприношения для злых духов и демонов. Семья несколько раз прошла торжественной процессией справа налево вокруг квартала. Оживленное движение столичного транспорта застопорилось, однако никто не проявлял по этому поводу признаков раздражения. Боги и те люди, которые в данный момент общаются с богами, все еще имеют на Бали право первоочередности.

Когда процессия проходила по белой простыне, на которой были разложены бычья голова и другие жертвоприношения, жрица окропила проходящих святой водой, чтобы защитить участников праздника от действий злых демонов. Тем временем педанда занял место в специально сооруженной для него справа от входа в дом башне из бамбуковых жердей, чтобы он мог приготовить там святую воду для юношей и девушек, которые, обуреваемые разными чувствами, сидели на скамье и ждали

того великого момента, когда они, невзирая на сильную боль, должны будут показать себя храбрыми и мужественными. Как мальчики, так и девочки были одеты в дорогую одежду из шелка и парчи. На головах красовались шапочки с золотым ободком — традиционный головной убор балийца, принадлежащего к определенной касте.

В полдень первые трое юношей вошли в специально оборудованный павильон, где около одного из углов, выложенного дорогими платками и покрывалами, старая жрица расположила многочисленные жертвоприношения, принесенные родственниками виновников торжества. Сидя, они выслушали молитвы жрицы и, держа цветок между указательным и средним пальцами, придали рукам позу мудры, означающую поклонение и почитание. После этого мальчики положили голову на белые подушки, и жрица потерла им десну слабым обезболивающим средством. Затем она взяла напильник и начала производить священный обряд над первым юношей. По его перекошенному лицу можно было понять, что процедура проводилась по-старому и подпиливание делалось отнюдь не символически. Каждый по окончании обряда поднимался как будто оглушенный. Глядя на девочек, можно было предположить, что они переносили боль легче, чем юноши. А может быть, жрица обращалась с ними не столь сурово?

Когда подпиливание было закончено, дети, уже ставшие взрослыми, предстали перед священнослужителем, который спустился с башни со святой водой, чтобы окропить их. Они встали перед ним на колени и приняли благословение, положив руки ему на голову. В это время старейшина рода ушел в домашний храм, чтобы сообщить предкам, что обряд подпиливания зубов свершился. На этом официальная часть праздника закончилась.

Однако для многих, прибывших сюда издалека, праздник только начинался. Для гостей в доме и в саду была расставлена изысканная еда. Приглашенный кукольник-даланг должен был занимать гостей пьесой из «Рамаяны» всю ночь, поскольку, по старому обычаю, никто не должен спать, пока виновники торжества, которые не имеют права покидать дом в течение трех дней, не пойдут в составе процессии к берегу моря или к реке, чтобы принять там первое очищение уже как взрослые.

Процессия отправилась в путь рано утром. Она про-

шла от Денпасара через Куту к морю, где после молитвы в честь предков и нового окропления святой водой, произведенного священником, было завершено первое очищение молодых людей, которые отныне стали полноправными членами семьи, рода и общины.

Любовь по-балийски

После обряда подпиливания зубов молодые люди, прежде занимавшие места в первых рядах во время представлений ваянга, танцев или ночного гамелана, перебираются в задние ряды. Это они делают отнюдь не потому, что хотят уступить место младшим, а из личных побуждений. Полутьма задних рядов, куда не доходит свет ламп и факелов, создает благоприятные условия для первого флирта. И если вначале это лишь беспомощные, безобидные прикосновения рук, то уже очень скоро балиец и балийка начинают понимать, как наилучшим образом воздействовать на противоположный пол.

Предположение многих туристов, что распространенное хождение юношей «рука об руку» свидетельствует о росте гомосексуализма, — не что иное, как заблуждение. Во время таких прогулок приятели делятся своими победами над слабым полом. На Бали вообще принято откровенно рассказывать друг другу об интимных делах. И тем не менее демонстрация чувств балийцам несвойственна. Если на берегу моря вы увидите обнявшуюся индонезийскую парочку, то можно с уверенностью сказать, что они с Явы, а точнее, из Джакарты, где атмосфера большого города способствует распространению западных нравов. А если рассказать балийскому другу, что балийская девушка предложила европейцу провести с ней ночь, он будет убежденно доказывать, что это неправда, подкрепляя свои слова устойчивым оборотом: «Это все плохие люди с Явы».

Отрицание всего, что связано с Явой, на Бали очень распространено. И тем не менее любой княжеский род Бали, если он ведет свое начало от древнеяванского рода, гордится этим. До сегодняшнего дня многое в традиционной религии и культуре Бали является древнеяванским. Правда, народ об этом ничего не знает. Его отрицание направлено против шумных, крикливо одетых яванских туристов, которые по большим праздникам приезжают на Бали и с помощью громких транзисторов

демонстрируют прогресс и высокий технический уровень.

Балиец — это тихий, но эмоциональный и гордый человек. Однако он не романтик, что угадывается по весьма деловой форме, в которой он выполняет свои религиозные обязанности, по отношению людей, особенно молодых, друг к другу.

Приехавший на Бали будет поражен тем, что в языках этого острова нет ни одного слова, обозначающего любовь, хотя играемая повсюду с успехом в самых разных вариантах пьеса, составленная по мотивам «Рамаяны», представляет собой высокую песню любви. Однако, если присмотреться, это древнее сказание индийского эпоса скорее не о любви, а о супружеской верности. Именно сомнение героя Рамы в верности своей похищенной жены Ситы доказывает, что недоверие и подозрительность оказываются зачастую сильнее, чем любовь, и здесь даже счастливый конец не спасает положения.

В любви для балийца важны не романтизм, а простое обладание друг другом. Он не знает ни поцелуев, ни подготавливающих слов, знает лишь ощущение теплоты и нежности, которые возникают при трении лиц и ведут к все большей близости.

Романтика любви, как разъясняет Коваррубиас в своей книге о Бали,— это путь к желанной цели в обществах, которые возвели между полами строгие моральные барьеры. Там, где секс считается грехом, романтические грезы должны облагородить и прославить любовь. В большом дифференцированном словаре балийца с его совершенно естественным отношением к телу и его функциям нет слов для платонической любви. Его призывные вопросы всегда весьма конкретны: «Хочешь?» или: «Хочешь спать со мной?»

В большинстве случаев девушка заранее, до того как услышала вопрос, приняла решение. Глаза ее вспыхивают, и она убегает, позволяя ему быстро догнать себя. Любовная игра напоминает скорее игру зверей, чем влюбленных людей. Они быстро сходятся и наслаждаются радостью жизни. У них есть время друг для друга, много времени. И существует только одно табу. Это дни менструации. В это время женщина считается нечистой, и ни один мужчина не рискнет дотронуться до нее.

Легкость, с которой они находят друг друга, и несложные отношения полов делают любовную тоску на Бали редким явлением. Если девушка не хочет быть с молодым человеком, он быстро находит утешение с дру-

гой. А если он нашел ту, которую искал, то он не мешкает с браком, поскольку целью совместной жизни балиец, как и прежде, считает рождение ребенка, особенно сына.

Однако еще и сегодня для женитьбы решение партнеров не является главным. Главное — одобрение семьи. Правда, и здесь намечаются перемены. Молодежь становится самостоятельнее. Если и раньше она пользовалась добрачной свободой, которую в семье молчаливо и терпеливо сносили, то сегодня молодые люди требуют все большей свободы, в частности свободы самим выбрать партнера для совместной жизни.

Свадьба и брак

Раньше существовала единственная возможность настоять на своем, пойти против воли родителей — это украть невесту. Разумеется, у молодых людей возникали определенные трудности, ибо все на Бали определялось (да и сейчас определяется) традиционным законом семьи и рода — адатом. Кстати, ни один балиец не захочет порвать семейный союз, иначе его ждет одиночество.

Со временем развились и усовершенствовались формы сватовства и похищения невесты. Последнее сегодня, хотя полностью и не принимается родителями, встречает определенное понимание.

Это особенно характерно для южной части Бали, где под влиянием туризма деревенский союз не функционирует больше в унаследованной от предыдущих поколений строгой форме замкнутого общества рисоводов. Многие молодые люди, работая служащими в отелях, получили незнакомую до сих пор самостоятельность и финансовую независимость, и их свободному выбору партнерши не оказывается больше никакого значительного противодействия. К тому же похищение, зачастую на такси или мотоцикле, это не больше чем шалость, в которой охотно участвует жизнерадостная деревенская молодежь. Ведь у каждой пары, решившей пожениться и выступающей против воли родителей, есть свои тайные помощники, которые предоставляют ей убежище и выступают перед родителями девушки в качестве посредников.

В отдаленных горных деревнях похищение невесты и сейчас сопровождается многими традиционными семейными обычаями. Часто вследствие брака молодых лю-

дей, принадлежащих к разным кастам или к враждебным друг другу семьям, начинаются споры, которые длятся неделями. До того, что произошло с Ромео и Джульеттой, на Бали, правда, не доходит, поскольку балийцы благоразумнее и на жизнь смотрят реалистичнее, чем народы с непоколебимым кодексом чести. В случае, если до брака ожидается ребенок, его будущее имеет большее значение, чем связанное с традициями желание родителей, поэтому чаще всего семья молодого человека сдается, и свадьба проводится в доме жениха.

Как все праздники на Бали, свадьба по своему размаху и расходам зависит от предоставленных родителями средств. Чем больше родителям невесты нравится жених, иными словами, чем состоятельнее он, тем сильнее их стремление сделать все возможное, чтобы свадьба стала событием, о котором потом долго можно вспоминать.

Уже рано утром на свадьбу прибывают первые гости, и вскоре они и их подарки заполняют весь двор. Гостей угощают кофе или чаем и сладостями; над празднично украшенным двором непрерывно плывут звуки гамелана.

Жениха и невесты еще не видно. В одном из павильонов профессиональный рассказчик (с переводчиком) читает различные отрывки из «Арджуна Виваха», великого классического повествования древнего Бали.

Тем временем заканчивается торжественная процедура одевания невесты. Сопровождаемая женихом, она выходит к гостям, которые должным образом восторгаются ею. Теперь в соответствии с древним обычаем жених с невестой готовят небольшое блюдо из риса и листьев акации. Затем они занимают место на мягких подушках среди жертвоприношений: она — стоя на коленях, он — сидя в позе лотоса. Они торжественно приветствуют друг друга, поднимают вверх руки, в которых держат цветы, и кланяются друг другу, что доставляет много радости гостям, наблюдающим за этой церемонией, говорящей о том, что супруги всегда будут делать друг для друга все, что в их силах. Потом появляется педанда (у простых людей это может быть и его помощник), чтобы провести ритуал очищения святой водой. Молодые становятся на колени вплотную друг к другу, выполняют мудру поклонения, держа цветы между указательным и средним пальцами и подняв руки над склоненной головой. Священник окропляет их приготовленной святой

водой из золотого или серебряного сосуда, украшенного тонкой чеканкой.

Этой продолжительной церемонией официальная часть свадьбы заканчивается. Однако гамелан продолжает звучать. Подруги невесты исполняют традиционные танцы. Поздно вечером, когда молодая пара уже ушла, даланг со своими помощниками устанавливает сцену для ваянга, чтобы позабавить тех, кто неутомимо будет праздновать до рассвета, и своим несравненным искусством кукольника увести их фантазию далеко-далеко, в стародавние времена «Рамаяны» — истории счастливой и одновременно несчастной четы — Рамы и Ситы.

Когда брак заключен, жизнь, по балийским понятиям, приобрела свой смысл. Теперь нет необходимости в каком-то особом обряде посвящения или освящения. Ход жизни теперь определен ритмом работы и праздников общины, рода и деревни.

Мужчина как член банджара имеет право обсуждать все вопросы, касающиеся жизни деревни. Поскольку он рисовод, он должен вместе со своими старшими родственниками-мужчинами обрабатывать рисовые поля и ухаживать за ними, ведь на Бали этим занимаются только мужчины.

Лишь во время сбора урожая на поле могут появиться и женщины, чтобы помогать срезать стебли риса с помощью традиционных маленьких бамбуковых ножей. И здесь во время менструации строго соблюдается табу, нарушение которого ведет за собой божью кару и опасность для урожая. Согласно древнему поверью, которое существует у многих народов Индии и Юго-Восточной Азии, от месячных исходит роковая, даже смертоносная волшебная сила, поэтому страх перед женщиной в этот период настолько велик, что с ней стараются по возможности даже не встречаться. На Бали верят, что мужчина, который коснулся хотя бы капли крови в период менструации, станет нечистым, неизлечимо заболевает, а затем вследствие этого загрязнения умрет.

Не исключено, что в этих древних представлениях о временной нечистоте женщины следует искать и причину того, что на Бали не существует супружеских отношений в том смысле, в каком мы их себе представляем. Супругов разделяет рабочий день, да и во всем остальном у них действительно очень мало общего.

В балийских домах, куда меня приглашали, женщина ни разу не сидела с нами за одним столом. Зачастую

она вообще не появлялась или же появлялась только для того, чтобы поставить на стол еду, приготовленную ею на кухне. Даже во время вечернего танца или представления ваянга мужчины и женщины сидят отдельно. На этот счет всегда существовала традиция, согласно которой на спектакле ваянга мужчины сидят перед ширмой кукольника, а женщины — за ней. Лишь молодое поколение из понятных соображений держится парами; впрочем, после свадьбы все сразу же меняется.

Жизнь балийца в значительно меньшей степени определяется семейными отношениями и в большей — общинными, связанными с общиной. Деревенские собрания, банджар и сека, с их многообразными действиями определяют жизнь женатого человека неизмеримо больше, чем повседневная домашняя жизнь, важнейшие запросы которой также связаны с общиной.

Даже с возрастом балиец не становится более привязанным к дому. Пожилой балиец — обычно член существующих в деревне групп, к совету которого с уважением прислушиваются, даже если он сам, после того как его сыновья женятся, уже выходит из состава деревенского совета мужчин, поскольку в случае женитьбы сыновья становятся преемниками отцов в совете. Однако это, разумеется, не означает, что опыт стариков уже никому не нужен.

Смерть — промежуточная форма существования

Как рождение человека не означает для балийца вступление в незнакомый мир, так и смерть не значит окончательного прощания с этим миром. Рождение и смерть лишь промежутки бесконечного существования, бесконечного бытия, в котором имеются высоты и глубины, но нет конца. Даже церемонии последнего очищения душ, согласно балийской вере, не являются чем-то окончательным, поскольку в миллионлетиях все повторяется и ничто в действительности не исчезает и не пропадает.

Поэтому балиец не боится смерти. Бессмертная душа оставляет «джеро» — тело, смертную оболочку человека, чтобы перейти в другую форму жизни, которая может быть разной, однако на нее могут в известной степени повлиять образ жизни самого человека и определенные духовные обряды после его смерти.

Когда балиец умирает, собираются его семья, друзья и родственники, чтобы проститься с усопшим, оплакать его смерть и высказать соболезнование самым близким. Женщины, как предписывает обычай, приносят рис, фрукты и кур.

Если усопший не князь и не брахман, то после обряда священного омовения и церемонии освящения его жрецом, во время которой ему кладут в рот кусочек золота или драгоценный камень, означающие символическую еду для начала нового пути, его заворачивают в простыни и несут на кладбище, где он должен быть похоронен уже в день смерти, чтобы не вызывать гнева богини усопших или злых духов. Душа умершего в это время находится в освященном лампione — цветном фонарике, который вешают перед домом на высоком бамбуковом шесте.

Дом, в котором кто-то умирает, с момента наступления смерти считается нечистым. Те, кто посетит этот дом, также становятся нечистыми и могут снова прийти в храм лишь после того, как пройдут церемонию очищения.

Смерть балийца в деревне на некоторое время меняет ход жизни в ней и в банджарé. Деревенский храм должен быть закрыт. Покрытые шипами листья пандануса перед его воротами показывают, что в деревне царит нечистота. Намеченные праздники независимо от их предназначения отменяются или переносятся. Деревенское собрание обсуждает возникшие в деревне проблемы не только религиозного, но и практического характера. Эти вопросы продолжают оставаться насущными для семьи и деревни и после того, как покойник давно уже похоронен. Устанавливается время его кремации, определяется, как будут проходить торжества, предусмотренные в связи с этим событием, даже если все это будет проведено спустя месяцы или даже годы.

Брахманы и князья, посвященные в жрецы, не предаются земле. Их кладут в гроб, который устанавливается в самом красивом павильоне их двора, и там они находятся до тех пор, пока не придет определенный жрецами и астрологами наиболее благоприятный день для кремации. До этого момента они пребывают в священном сне в кругу своих самых близких, которые ежедневно приносят им еду и напитки, как будто они действительно еще живы.

В соответствии с балийской верой, жизнь и смерть,

как любая двойственность человеческого существования, относятся к «рува бинеда», к противоположностям, причем в качестве третьего элемента, связующего звена обеих крайностей выступает сон.

Балийское учение о противоположностях основывается на извечном противоречии мужского и женского начал, точнее говоря, отца и матери. Балиец действительно верит, что отражение собственного «я» в глазах другого — не отражение в зеркале, а, напротив, существование настоящих маленьких людей, а именно отца и матери.

В глазах каждого человека, как считает балиец, живут души его родителей: в правом глазу — душа отца как символ луны, в левом — душа матери как символ солнца.

Эти символы душ отца и матери балийцы называют «атма» и верят, что они, подобно мужу и жене в действительной жизни, стремятся к соединению, которое находится в середине, между бровей. Благодаря соприкосновению с «мртой» — соком жизни, они также соединяются в живое единство. Однако во сне этой общности нет, и атмы отца и матери могут соединяться или разъединяться.

Поскольку атма во сне после отделения от мрты свободна, то есть не соединена ни с телом, ни с атмой другого пола, она может оставить человека и блуждать вне его тела. При этом она встречается с другими атмами, принадлежащими другим умершим, которые еще не родились заново, но и не нашли путь к одному из небес, открытому человеческим душам.

При таких странствиях атмы душа может не найти вновь своего тела. Тогда человек во сне умрет. Самой распространенной причиной смерти, как верят балийцы, является неправильная встреча в человеческом теле сил отца и матери, воды и огня.

Эта вера основывается на следующем представлении. Мать символизирует божество огня и тем самым солнца, отец же олицетворяет божество воды, которая считается экстрактом огня. Пока вода входит в солнце и вновь выходит, подобно тому как крик (короткий балийский меч) входит в ножны и выходит из них, жизнь пульсирует по своему внутреннему закону: мужчина — женщина, отец — мать. Однако, если огонь попадает в воду, он гаснет — жизнь заканчивается. Поэтому, когда «ножны вхо-

дят в крис», как представляют балийцы, наступает смерть.

Знание этого закона о смертельном исходе зачатия, создании нового, является для образованного балийца вспомогательным средством регулирования смерти и самоопределения дальнейшего пути души. Намеренно объединяя души отца и матери, причем допуская, что душа матери вошла в душу отца, посвященный в тайну балиец по собственному желанию может положить конец своей земной жизни, сделав так, чтобы душа через родничок покинула тело и таким образом попала прямо на небеса и приобщилась к спасенным душам. Тот, кто знает это учение и умеет применять его, может, как сообщил мне брахман тоном, не допускающим ни тени сомнения, достичь высшего блаженства, даже если он был на земле грешником и злодеем.

ПРАЗДНИЧНАЯ ЖИЗНЬ ОСТРОВА

Тысяча праздников в году

Если во время вашего пребывания на Бали, чаще всего короткого, не произошло ни одного храмового праздника или церемонии кремации, считайте, что вам сильно не повезло.

В официальном календаре торжественных событий 1978 года на Бали значатся 230 праздников, восемь из которых отмечаются одновременно во многих местах острова. Поэтому без всякого преувеличения можно говорить о тысяче с лишним празднеств, проводимых ежегодно на Бали. При этом праздники семьи и рода, а их тысячи, в наших подсчетах не учитываются, хотя некоторые из них, как, например, проводившийся в 1978 году праздник Балигиа — правителей Карангасема, относятся к числу самых роскошных и редких праздничных событий острова.

Праздники на Бали — это зримое выражение и одновременно высшая точка космической системы отношений, на основании которой можно понять балийскую жизнь. Как будни балийцев разделены жертвоприношениями, этими, с нашей точки зрения, миниатюрными праздниками, так и весь год строится в соответствии с ритмом больших праздников, начиная с Одалана, ежегодно отмечаемого дня основания деревенского храма, праздника урожая и общебалийского праздника Галунган, устраиваемого раз в 210 дней в ознаменование победы богов воинства Индры над демонами, и до больших церемоний очищения страны в главном индуистском храме Бали — Бесаких. Важнейшие из праздников проводятся с промежутками в несколько лет, иногда даже один раз в течение балийского столетия — промежутка больше человеческой жизни.

Все это элементы всесторонней связи балийца с полным опасностью окружающим миром, где властвуют боги и демоны, миром, который балийцы надеются изменить во время этих праздников с помощью жертвоприноше-

ний, святой воды и достигаемого таким образом очищения и тем самым сделать его более пригодным для жизни. Все, что делает балиец и что символически отражается в его праздниках, направлено на уравнивание бытия и должно способствовать победе добра над постоянно угрожающим злом.

В этом заключается глубочайший смысл бесчисленных праздников, хотя он наверняка неизвестен большинству балийцев. Ведь и здесь, как везде в мире, при религиозных действиях большинства людей на первом плане стоят поверхностные мотивы, чаще всего чистая радость по поводу праздника.

Тайны балийского календаря

Даты балийских праздников подвижны, так же как и даты Пасхи или Троицы в Европе. Однако они находятся в зависимости не от одного, а от двух календарей, которые существуют на Бали наряду с христианским и мусульманским. Год одного календаря может не совпадать с годом другого. Кроме того, у календарей различная последовательность дней и недель. Пересечение недель, насчитывающих различное количество дней, также имеет свое значение, поскольку одни дни считаются особенно благоприятными, а другие, наоборот, крайне опасными.

Сложная система подсчетов, которой владеют лишь брахманы и некоторые специализирующиеся на этом деле астрологи, дает в конечном счете балийский год («уку»), состоящий из 30 недель по 7 дней в каждой. Однако в эти 210 дней года включается все, что должен содержать явано-балийский календарь: Галунган, большой праздник, отмечаемый каждый год на всем острове, праздник главного храма, привлекающий паломников из разных стран света, и, наконец, храмовые праздники городов и деревень, в которых должны принимать участие все жители.

Кроме того, по календарю определяются годовщины создания различных видов оружия и орудий труда, праздники различных ремесел, торжественные дни богини риса и рисоводов, художников, писателей и ученых.

По календарю устанавливаются дни, когда начинается сбор урожая риса, когда снопы должны быть внесены в амбары, когда лучше всего продавать скот или покупать хорошего бойцового петуха.

Эта балийская математика исключительно сложна и требует соблюдения множества правил, а одно освоение и изложение систем календарей с их благоприятными и неблагоприятными пересечениями требует специального курса обучения. Тот же, кто оканчивает этот курс и овладевает искусством расчета и комбинаций, имеет большое преимущество по сравнению с основной массой народа.

Наряду с уку, имеющим яванские истоки, существует еще солнечно-лунный год, называемый «кака» и состоящий из двенадцати месяцев по 29—30 дней. Это индуистско-балийский год, возникновение которого восходит к временам, предшествовавшим яванизации Бали. Его месяцем считается отрезок от новолуния до новолуния. Разница во времени по отношению к астрономическому солнечному году каждые 30 месяцев компенсируется за счет включения дополнительного месяца.

Кака — это год, по которому устанавливается Ньепи — балийский Новый год (в буквальном переводе — «день отдыха»), день покоя и поста, в который раньше никто не выходил из дома. И сегодня Ньепи в деревнях — самый спокойный день года.

Предшествующий ему день новолуния сопровождается шумными обрядами очищения, в которых народный обычай — очищение от грязи прошедшего года — сливается с развлечениями, имеющими религиозный оттенок и встречающимися на Бали почти на всех празднествах, даже на церемониях кремации умерших. Иностранцы часто спрашивают, почему здесь мучаются с двумя сложными календарями, вместо того чтобы оставить один из них, а еще лучше — ввести «такой простой григорианский» календарь.

Мне кажется, что, исходя из сути балийского мышления, просто необходимо было бы изобрести второй календарь, если бы яванские эмигранты не привезли его с собой. Ведь как все в доме, деревне и храме взаимосвязано, как последовательность праздников и церемоний имеет свой неизменный порядок, так и ход времени, хотя и должен согласовываться с ритмом жизни балийца как общий принцип порядка, вместе с тем обязан в каждом случае оставлять свободу действий для толкования и регулирования, от которых так сильно зависит балийское ощущение жизни и прежде всего балийское понимание счастья. Однозначность, не допускающая влияния богов, солнца, луны и звезд, — простое арифметическое дейст-

вие 1×1 — не соответствовала бы представлению балийца о многообразной действительности нашего бытия и в конечном итоге о непознаваемом взаимодействии всех сил, к которому он, однако, снова и снова надеется приблизиться именно с помощью своих календарей.

День освящения храма

В соответствии с 210-дневным циклом балийского календаря ежегодно определяется день основания каждого балийского храма, отмечаемый пышно и торжественно. Хотя у этих праздников, как и у всех балийских ритуалов и церемоний, в разных деревнях и разных местностях имеются определенные различия, существует основная схема, которая по своему духу и своим задачам является общей для всех праздников.

Одалан, день освящения деревенского храма, считается днем рождения деревенского храма. Для любого балийца он намного важнее и значительнее, чем его собственный день рождения. Наряду с Галунганом, который отмечается на всем острове как выражение благодарения богам, Одалан считается главным праздником деревенской общины. При этом в соответствии с ритуалом балийцы вспоминают события, связанные с основанием деревни и храма, о предках и говорят о необходимом обновлении связи с богами.

Уже задолго до начала ежегодного храмового праздника о нем много говорят на собраниях деревенской общины, хотя ход его всегда неизменен. Однако нужно решить и объявить, какие задания поручаются тому или иному банджару и когда нужно начать подготовку к празднику. Здесь впервые поднимается вопрос о сроках, который является проблемой не времени, а ритуала. Лишь брахман на основе тщательной проверки всех обстоятельств в состоянии сказать, в какой день можно начать подготовку жертвоприношений и из каких семей должны быть принесены разнообразные дары.

Для Одалана устанавливаются три дня, когда благодаря трем вспомогательным средствам — тиртхе, жертвоприношениям и их освящению — должны быть достигнуты три цели — прием богов, очищение деревни и изгнание злых духов. Основными моментами праздника являются приглашение богов и их прием на священных тронах или в символических фигурках храма. Уже за

три дня до пачала праздника все домашние работы, как правило, закончены, и каждая семья может послать своего представителя в храм для участия в подготовке торжественного приема богов.

Вначале храм, который до этого долгое время не использовался, очищается и окропляется святой водой, поскольку здесь необходимо не только внешнее, но и ритуальное очищение: место должно быть достойно ожидаемых богов.

На бамбуковых жердях водружают помост, предназначенный для семейных жертвоприношений. Из банановых листьев и полос пальмовых листьев, а также из бамбуковых палочек изготавливаются искусные картины для украшения дверей храма, павильонов и бамбуковых помостов. Столбы павильонов обертываются разноцветными тканями. Скульптуры духов и стражей, которых мы встречаем во многих храмах, одеты в каин, нешитый кусок ткани, повязываемый на бедра.

Невероятная масса маленьких и больших фигур, резных или слепленных из клейкого риса, зачастую украшенных старинными китайскими монетами с отверстиями посередине, должны символизировать мир в малом и устанавливать связь с предками жителей деревни. Разнообразны вырезанные из дерева или выполненные техникой плетения картинки «чили», изображающие жертвоприношения богине риса Девы Сри. Сегодняшний балиец воспринимает их как символы плодородия и счастья. Чем больше таких чили в храме, тем больше плодородия и счастья будет ниспослано балийцу, тем больше радости в жизни ждет жителей деревни. Кажется, создавая эти бесчисленные чили — символы счастья, они хотят получить гарантии не только хорошего праздника, но и счастливого года.

Привыкшему к восточному декоративному богатству туристу большинство храмов на Бали кажутся слишком скромными и простыми, если он приходит к ним в будни. В праздник же он видит поистине роскошную картину красок и форм. Возможно, балиец в соответствии с законами своего переменчивого существования выше ставит преходящую роскошь, чем стабильность древних архитектурных и скульптурных ценностей, которые в последнее время стараются сохранить, хотя реставрация ведется еще не слишком интенсивно. Здесь охотнее занимаются подновлением, которое зачастую производится со значительно меньшим художественным вдохновени-

ем, чем требуется, но это не беспокоит балийца. Создается впечатление, что его отношение к прекрасному замыкается в мгновении творчества.

В ходе празднования Одалана наступает час, когда невидимые боги спускаются с небес на великолепие, созданное с большим старанием и любовью. Этот час — самый счастливый в жизни балийца: космос для него полон совершенства и он абсолютно сливается с ним.

Однако этому моменту предшествует множество хлопот. По обе стороны храмовых ворот устанавливаются высокие бамбуковые жерди — «пенджоры», на которые подвешивают искусно выполненные плетеные изделия. У основания пенджоров ставят простые бамбуковые алтари с подвесками из пальмовых листьев. Нижняя часть бамбуковых жердей также украшается и увешивается метелками риса и фруктами. Сюда же вешают два кокосовых ореха, придающих пенджору фаллическое значение. Алтарь перед пенджором является местом жертвоприношений Шиве как богу-творцу и Махадеве, которого чтут здесь и как властелина горы Гунунг Агунг.

Ранним утром первого дня праздника забивают свинью, мясо которой предназначено для принесения в жертву демонам и духам преисподней. Когда, таким образом, внутренняя часть храма подготовлена для приема богов, когда те, кто может помешать празднику, накормлены и тем самым успокоены, священнослужитель храма, облаченный в белые одежды, извлекает из «гедонга», маленького домика в храме, фигурки из сандалового дерева, называемые «пратима» и «арка лингга». Они лежали там в течение года, лишенные души, и теперь их приносят в павильон «бале паруман», где окропляют тиртхой, одевают, украшают и опрыскивают духами. Зачастую их предварительно в сопровождении священной процессии относят к реке, к морю или к источнику святой воды, где они принимают священное очищение. Бале паруман также было предварительно очищено от воздействия злых духов с помощью так называемого земного жертвоприношения — «кару».

Теперь все готово к приему приглашенных богов. Звучит гонг, установленный перед башней храма. Священнослужитель держит кадило, в котором курится фиам, и обращается к богам с просьбой использовать поднимающуюся струйку дыма как лестницу на землю и на все время праздника поселиться в приготовленных

фигурках из сандалового дерева. Звучание гонга усиливается, люди, охваченные священным благоговением, замолкают. Боги приближаются — наступает самый священный час Одалана, час, когда каждый балиец чувствует связь со своим пантеоном богов и предков. Тем временем пошла вторая половина дня. Деревенские улицы все больше заполняются празднично одетыми людьми, спешащими к храму. Женщины несут на голове красочные башни с жертвоприношениями. Высота многих из них больше метра. В храме помощники жреца снимают эти жертвоприношения и устанавливают их рядами. Дары ставят на бамбуковые подставки, и храм постепенно превращается в мир пестрых, причудливых форм, имеющих лишь один смысл и одно назначение — приветствовать, чтить, радовать и восхвалять богов.

Начинает говорить священнослужитель. Он благодарит богов и просит у них прощения за случайные ошибки в ритуале, из-за которых, возможно, не дошла до них духовная субстанция жертвоприношений, а также за то, что материальную оболочку этих жертвоприношений забрали домой те, кто их принес.

Для восхваления богов жители деревни занимают места перед священнослужителем, и по поручению богов он окропляет их святой водой, после чего выплескивает немного этой воды на ладони собравшимся, которые очищают ею рот и пальцы.

Теперь верующие готовы восславить спустившихся с небес богов. Они берут цветы из чаш и держат их между кончиками пальцев, затем протягивают вперед сложенные ладонями руки, поднимают их ко лбу, сгибаются в поклоне и отпускают цветок, так что он падает вниз. Это повторяется трижды. Затем жрец выливает святую воду в протянутые к нему и сложенные чашечкой ладони. Каждый выпивает три крошечных глотка, трижды проводит ладонями по волосам и, наконец, совершает символическое омовение лица и верхней части тела. На этом встреча с богами заканчивается, и праздник принимает более светский характер.

В павильоне перед храмом проводятся петушинные бои. На внутренней стене внешнего двора помощники кукольника-даланга укрепляют ствол банана, что свидетельствует о подготовке к кукольному спектаклю театра теней — ваянгу. Еще совсем светло, и экран, который обычно устанавливается для этого театра, пока не выносят. Однако, судя по тому, что у банана собрались дети,

представление должно скоро начаться. Действительно, даланг уже занимает место за своей зеленой ширмой, открывает ящик с куклами ваянга и разделяет их на мягкой поверхности ствола на две группы — направо и налево, в зависимости от того, добрые это персонажи или злые.

Само по себе представление ваянга напоминает европейский театр марионеток. Не тени кукол, а сами фигуры ваянга оживают и начинают играть в ловких руках даланга, голос которого разносится теперь по всему храму. Спектакль красив благодаря совершенству форм и сверкающему в лучах заходящего солнца золоту фигурок, волшебным образом переносящих события индийской истории из прошлого в настоящее. Все это вызывает неистовый восторг у деревенских детей.

Когда солнце склонилось к закату и на двор храма упали длинные тени, служители храма ставят на маленькие носилки богато украшенные фигурки из сандалового дерева, в которых все еще находятся боги, и несут их к ближайшей реке. Там вместе с жителями деревни боги совершают вечернее символическое омовение.

Иностранцу может показаться, что все происходящее во второй и в третий день праздника почти не отличается от событий первого дня. Во внутренней части храма в течение всего праздника с утра до вечера совершаются обряды очищения и жертвоприношения. Те, кто их уже совершил, просто наслаждаются праздником — беседуют друг с другом, прислушиваются к голосу жреца, наблюдают выступления самодеятельных артистов, танцоров, слушают гамелан.

В последнюю ночь праздника в храме происходит прощание с богами. Их вновь просят подняться в свое небесное царство, потом фигурки из сандалового дерева раздевают и аккуратно укладывают в ящик, где они будут лежать до следующего праздника. И вот все ценные атрибуты убраны, внутренние двери храма закрыты, и даже площадка перед храмом погружена в тишину и покой, после того как отзвучали последние звуки гамелана. Одалан закончился. Пройдет совсем немного времени, и лишь увядшие цветы да высохшие на солнце плетеные изделия во дворе храма напомнят о праздничных днях встречи балийцев со своими богами.

Танец на Бали — отражение жизни, а значит, и отражение истории. Ни один из видов искусства не пропикал в жизнь балийцев так глубоко, как этот, включающий в себя все другие виды — музыку, театр, живопись, архитектуру, костюмы, маски...

Они живут в разнообразных формах танца, выражая ощущение жизни каждого балийца, независимо от того, выступает ли он сам как танцор или критически следит за ритмом и движениями танцоров как придирчивый и знающий в этом толк зритель. Когда в балийских школах танца четырех-пятiletние девочки начинают познавать азы искусства шагов, движений рук и пальцев, замечаешь, что здесь проявляется основная особенность жителей острова — их врожденная способность к танцам. Маленьких танцовщиц не надо заново учить танцевать, учителя танцев лишь помогают раскрыть те секреты движения и ритма, которыми владеют их ученицы с самого рождения.

Многие приезжающие на Бали иностранцы думают, что танцы, которые они видят на фоне декораций фасадов храмов, сооруженных в их отелях или на специально сделанных для туристов площадках, имеют очень древние традиции. Это справедливо только для отдельных танцев, например для легонга или для танца как такового вообще, как составляющей части балийского образа жизни. Конкретные же танцы, которые сегодня можно увидеть на Бали, созданы лишь за последние десятилетия, и они постоянно изменяются, приобретая все новые и новые формы, превращаясь в мутации образцов.

В этом Бали существеннейшим образом отличается от Явы, где, например, в кратоне султанов Джокьякарты гамелан и танцевальный репертуар придворных праздников за последние столетия не изменились. Напротив, создается впечатление, что на Бали после жестокого вторжения голландцев в начале нашего столетия традиционная культура танца умерла.

Казалось, господство колониализма разрушило сами корни древней балийской культуры. Музыка и танец исчезли из княжеских дворцов. Однако они — и это свидетельствует о жизнеспособности Бали — вновь появились и получили дальнейшее развитие в деревнях острова, вследствие чего мы видим сегодня на Бали живой и в то же время стилизованный характер музыки и танца,

далеко отошедший от придворных форм, которые еще распространены на Центральной Яве.

Частью древней изысканной традиции придворного танца является легонг, который вначале исполняли лишь принцессы. В 1978 году мы смогли увидеть легонг на празднике Балигга правителей Карангасема. Со временем он стал постоянным номером танцевальных представлений для туристов и поэтому считается многими из тех, кто посетил остров, прототипом танца балийских девушек.

Происхождение легонга, как и почти всех балийских танцев, связано с массой легенд, окутывающих остров. Танцовщицы легонга — а каждая балийская девочка мечтает о том, чтобы стать танцовщицей, — по традиции считаются исполнительницами небесного танца божественных нимф. В танце, согласно балийской вере, происходит вхождение божества в человеческое тело.

Раньше танец девушек предваряла мелодраматическая легенда, составлявшая канву танцевального спектакля, о принцессе Рангкесари, которая потерялась в лесу и которую нашел и заточил в каменный дворец правитель Ласема. Брат девушки принц Даха обратился к нему с просьбой освободить сестру, угрожая войной. Правитель Ласема предпочел войну и выступил со своим войском против принца. На этом повествование заканчивалось.

Танец начинается как продолжение сна, испугавшего жену правителя Ласема. Ей приснилось, что ее муж погиб в сражении с принцем Даха. Утром правительница всеми силами пытается удержать своего супруга от войны, но безуспешно. Первая сцена легонга заканчивается трогательными прощальными объятиями. За ней следует сцена расставания правителя с принцессой Рангкесари, которая отражает все попытки обольстить ее и даже ударяет правителя веером.

В некоторых вариантах легонга жена правителя является своему супругу во время похода в образе птицы, чтобы еще раз попытаться удержать его от войны. Однако правитель, ничего не подозревая, убивает птицу и идет на войну. На этом легонг заканчивается.

По-иному, чем в этом, основанном на легенде танце, предстающем перед сегодняшним зрителем как образец танцевальной эстетики, проявляется во многих танцах гораздо более ярко выраженный элемент повествования. Это относится в первую очередь к созданному на основе

ваянга балету «Рамаяна», который сегодня в туристских центрах почти ежедневно воскрешает в танце древнюю легенду о Раме и Сите.

К наиболее впечатляющим примерам танцевального экстаза относится балийский кечак, скорее даже не танец, а спектакль со своим сценарием, действие которого, не сопровождаемое оркестром, происходит в кругу сидящих мужчин, одетых лишь в пабедренные повязки с черно-белым шашечным рисунком. С трудом верится, что из круга мужчин, как бы собравшихся на совет общины, может исходить такая неукротимая мощь.

Вначале кечак, как и большинство балийских ритуальных танцев, представлял собой обряд заклинания. Он считался одним из важнейших элементов церемоний очищения, проводившихся в период эпидемий с целью изгнания демонов, приносивших болезни. Скандируя хором «чак-чак», мужчины голосом имитируют гамелан. С тех пор как кечак вошел в репертуар танцев для туристов, к нему добавилась дополнительная часть, состоящая из сцен «Рамаяны», где танцоры изображают обезьянье войско. Это послужило причиной тому, что кечак с недавнего времени стал именоваться «обезьяньим танцем».

Сегодня еще существуют танцы, не относящиеся к туристской программе, например реджанг — непременная составная часть главных храмовых обрядов во время больших праздников и одновременно, как и прежде, священный ритуал. Таким мы и увидели его на празднике Балигна в Карагасеме.

Рангда и Баронг

Когда в балийском театре сливаются воедино музыка, танец и сценическое действие и сам сюжет взят из балийской легенды или истории, то театр этот являет собой настоящее произведение искусства. Легенда и история здесь чаще всего тесно переплетены. Особенно это касается спектаклей «Баронг», танцевальной драмы, которую сегодня ежедневно в утренние часы можно видеть на многих площадях острова и которая раньше, исполняемая в другой форме, имела чисто ритуальный характер. В образах Баронга и Рангды олицетворяются две главные противоположности — добро и зло. Таким образом, театр является здесь символическим отображением жизни.

В балийской истории Рангды имеется свой прообраз — владеющая черной магией мать балийского раджи Эрлангги, царица Махендрадатта, мнорукое рельефное изображение которой находится высоко в горах в Кутри на юге Бали. Баронг — это фантастическое существо в виде льва. По представлениям балийцев, человек может быть очень плохим и очень хорошим, но он никогда не станет символом добра, потому что в нем присутствуют обе противоположности — добро и зло, причем зло часто бывает таким сильным, что полностью подавляет добро. Такой силы добра, которая победила бы зло, в человеке нет, поэтому символ добра всегда заключен в нечеловеческом существе.

Рангда считается на острове воплощением демонической силы. Каменный рельеф в Кутри изображает ее в образе Дурги, ночной супруги Шивы, которой боятся на Бали, поскольку считают ее ненасытной богиней смерти и пробудившейся силой стихийных бедствий, требующих человеческих жертв. Рангда живет рядом с каждой деревней в специально сооруженном для нее павильоне в Пура Далем — Храме мертвых. Ее вырезанное из камня или дерева лицо всегда закрыто белым покрывалом, чтобы кто-нибудь случайно не увидел это воплощение зла и не навлек на себя несчастье. Кроме главного священнослужителя в Храме мертвых есть другой служитель, который во время танцев Рангды надевает маску ведьмы.

Маски Рангды с выпученными, наводящими ужас глазами, четырьмя длинными клыками и высунутым красным языком, охваченным символическим огнем, считаются приносящими несчастье и поэтому находятся в особом помещении Храма мертвых под замком.

Дорогая маска Баронга с имитацией львиной шкуры, напротив, хранится в деревенском храме как символ божественного благословения, воплощение надежды на помощь в случае необходимости, поскольку Баронг-кекет (таково полное имя этого существа из народной легенды) — дух, не только оберегающий деревню, но и охраняющий леса, поля и кладбища, где он пытается предотвратить губительные действия Рангды.

Когда наступает день Баронга или приходит несчастье в деревню, двое мужчин, хорошо знающих, что представляет собой это сказочное существо и что оно должно делать, надевают соответствующий костюм и становятся Баронгом. Один из актеров изображает пе-

редние ноги и надевает огромную маску с мощной нижней челюстью, другой — туловище и задние ноги. Оба актера должны действовать синхронно, чтобы выполнять ожидаемые от Баронга дикие движения и прыжки.

Если больной коснется шкуры Баронга, он может надеяться на выздоровление. Прикосновение же к белому покрывалу Рангды вызывает тошноту и может даже принести человеку смертельную болезнь.

Однако сегодня, когда Баронг со своей изначальной функцией приносит людям деревни здоровье и кое-где стал источником звонкой монеты, истинная вера в его силу, равно как и в силу Рангды, весьма поубавилась. Тем не менее один смысленный юноша из южнобалийской деревни, живущий сегодня показом «Баронга», сказал мне: «Что, собственно говоря, хотят люди, которые упрекают нас в продаже нашей древней культуры по заниженным ценам? В конце концов они хотят видеть то, что мы им и собираемся показывать. А если к тому же мы еще и заработаем, это будет лучшее благословение, которое мы можем ждать от Баронга. Ведь если бы он сердился на нас, то не дал бы нам заработать этих долларов». Здесь выражена типичная особенность балийского мышления: хорошо то, что приносит человеку пользу.

Кто наделен способностью видеть и понимать, за час узнает в Баронге о Бали больше, чем за все время дальней поездок по острову. Ведь спектакли «Баронга» — это в первую очередь часть истории, хотя многие из приезжих считают их лишь «чисто туристским аттракционом».

В сегодняшних представлениях «Баронга» вначале показывается главный персонаж, имя которого дало название этому зрелищу. Затем следует танец легонг, после чего разворачивается основное действие, сопровождающееся ритмичными звуками гамелана.

На сцене двое придворных жалуются на горькую судьбу своего повелителя, принца Садевы, который сегодня же должен быть принесен в жертву богине смерти Дурге. Они сообщают об этом первому министру государства, появившемуся на сцене вместе с царицей, которая глубоко опечалена по случаю намеченного жертвоприношения сына, требуемого силами преисподней, и которая по религиозным причинам не может воспрепятствовать этому, поскольку сама находится во власти повелительницы преисподней Дурги.

Дурга тем не менее боится, что царица может не

дать согласия на принесение в жертву собственного сына, и направляет мысли царицы в нужное ей русло, в результате чего царица бьет сына и приказывает министру отвести его на кладбище, где властвует Дурга. Министр отказывается выполнить приказ, однако его самого подвергают колдовству, и он в конце концов отводит Садеву на кладбище, где привязывает к дереву перед домом богини смерти. В тот момент, когда кажется, что зло, олицетворяемое зловещей Дургой, побеждает, появляется Шива в образе жреца. Он проникается сочувствием к юному принцу Садеве и дарит ему бессмертие, поскольку не может просто освободить его от злых чар Дурги, которая в соответствии с ритуалом жертвоприношения хочет сразу же убить Садеву, но, поняв, что принц бессмертен, признает себя побежденной и просит Садеву убить ее и тем самым избавить от выполнения своего демонического замысла. Однако Садева отказывается выполнить эту просьбу. Но тут появляется Калека, страшная пособница Дурги, и обращается к принцу с тем же требованием, но Садева остается непоколебимым.

Желание смерти превращается у Калеки в лютую ненависть, и она прилагает все свои магические силы, чтобы все-таки уничтожить Садеву. Вначале она превращается в дикого кабана, однако Садева убивает его. Превратившись в громадную птицу, она тоже не может победить Садеву. И здесь наступает самый ужасный момент, когда обычно во время деревенских представлений «Баронга» в толпе каждый раз пробегает боязливый рокот. Калека превращается в символ власти зла — черную ведьму Рангду. Против нее бессилен даже бессмертный принц Садева.

Рангда — это воплощение беспредельного зла, выходящего за рамки всех человеческих представлений. Бессмертному принцу остается лишь один выход: с помощью Шивы он превращается в Баронга. Теперь друг другу противостоят уже не люди, боги и демоны, а символы абсолютного добра и абсолютного зла. Они не могут побороть друг друга, ибо символизируют абсолютные крайности поведения человека.

Даже когда Баронг призывает к себе вооруженных крисами помощников, они не в состоянии что-либо сделать. Рангда запутывает их так, что те обращают свое смертоносное оружие против самих себя. Однако, когда эти помощники, которые к тому же были ослеплены

Рангдой, пытаются убить себя собственным оружием, судьба в последний раз приходит им на помощь: решительно вмешавшись, Баронг прекращает действие злых чар Рангды. Помощники Баронга постепенно пробуждаются от транса невредимыми. Жрец окропляет их святой водой, и они приходят в себя. Звуки гамелана, сопровождающего все действие, в последний раз нарастают, и символическое представление заканчивается. В этом исполняемом в разных вариантах народном спектакле показывается все, содержащееся в балийской религии и в балийском представлении о жизни. Принесение людей в жертву богине смерти относится к древнейшим обычаям дояванских балийских верований. Этот обряд, вероятно, имел место еще до появления на острове первых индийских брахманов. Уже при жизни Махендрадатты — прообраза Рангды — этот обычай отошел в область преданий, тем не менее в индо-балийской религии до сих пор сохраняется вера в ненасытность богини смерти, и ее одну считают ответственной за многие беды, в том числе и за извержение вулкана Гунунг Агунга, повлекшее за собой многие человеческие жертвы.

Ее царство продолжает существовать, поскольку мир людей полон зла и скверны. Любовь, ненависть, интриги, борьба, преодоление трудностей — все это не что иное, как составные части нашей жизни, и все это присутствует в спектакле «Баронг». Ни зло, ни добро, как показывают его последние сцены, не могут претендовать на исключительное господство среди людей. Земля — это ни преисподняя, ни небеса, она объединяет в себе и то и другое. И то и другое живет в каждом из нас. Лишь тогда, когда человек, по мнению балийцев, живет в соответствии с предписаниями своей религии, делая все, что требуется от него для подавления и задабривания зла, у него есть надежда на счастливую жизнь. Лишь вмешательство жреца, как показывает заключительная сцена «Баронга», охраняет человека от заблуждений, безумия, самоуничтожения и безвременной смерти.

Культ мертвых

Для читателя, не знакомого с балийским образом жизни, может показаться странным, что культ мертвых принял на острове праздничные формы. И тем не менее праздники этого культа не только получили широкое

признание на Бали, но и с точки зрения затрат и строения являются праздниками, отмечаемыми на широкую ногу. Конечно, их объектами становится не сама смерть как нечто непредвиденное, но в большинстве случаев все же проистекающее из астрологических действий жрецов. И даже если кто-то считает, хотя и без основания, что обладает магической силой над собственной или — с помощью черной магии — чужой смертью, он вряд ли станет утверждать это публично.

Следовательно, смерть есть нечто личное, касающееся только семьи. Для последующих ритуалов, связанных со смертью, не играет никакой роли, предшествовало ли кремации умершего захоронение, или покойник (брахман либо князь) находился до кремации в гробу в собственном доме. Для всех балийцев индо-яванской веры (исключение составляют лишь бали ага) важно, чтобы тело умершего в конце концов было кремировано. Поскольку церемония кремации относится к самым дорогим на Бали, далеко не каждая семья в состоянии кремировать своих умерших сразу или в ближайшее время. Поэтому балийские кладбища заполнены временно захороненными.

В деревенских семьях часто ждут той поры, когда какой-нибудь платежеспособный родственник объявит о большой кремации, к которой могут присоединиться более бедные члены рода и кремировать своих покойников. Зачастую к этому моменту остаются лишь кости умершего, которые тем не менее выкапывают, заворачивают в белую ткань и предают огню. В тех случаях, когда останков не сохранилось, из сандалового дерева и пальмовых листьев изготавливаются символические фигурки, которые сжигаются вместо костей. Решающим остается одно: акт кремации в конце концов состоялся, поскольку лишь кремированный балиец может продолжить предначертанный ему путь в круговороте форм существования и в соответствии со своим желанием когда-то родиться снова.

Вопрос, почему же кремация должна быть столь дорогой, если она представляет собой понятную и предписываемую верой цель всех балийцев, заслуживает более внимательного рассмотрения. Речь здесь идет не просто о кремации, как, например, в Европе, а о важнейшем шаге человека в круговороте форм его существования. При этом неважно, когда он будет сделан, важно, чтобы это когда-нибудь произошло и чтобы ни один из много-

численных, относящихся к этой процедуре ритуалов, часть из которых обходится очень дорого, не был пропущен.

Почти все отмечаемые очень пышно праздники кремации — это праздники, устраиваемые представителями высших каст, хотя разбогатевшие сегодня балийцы более низких слоев тоже иногда могут позволить себе богатую обрядность и придают большое значение импозантности праздника мертвых.

Когда балиец умирает, первая мысль его ближайших родственников связана с дальнейшим путем его души. Вопрос, будет ли до кремации захоронение, или тело оставят лежать в доме, не играет главной роли. Решающим является вопрос о кремации умершего, поскольку лишь после нее душа полностью освобождается от земной оболочки и одновременно получает первое важное очищение огнем.

Между смертью и кремацией должно пройти не меньше сорока двух дней. Однако случаи кремации сразу по прошествии этого срока крайне редки, обычно так кремируют зажиточных брахманов. И дело не в том, что лишь немногие семьи могут за несколько недель собрать необходимые деньги. Здесь важно определение наиболее благоприятного дня для кремации. Балийская система календарей знает для праздника мертвых неблагоприятные не только дни, но и целые месяцы, когда проводить его не следует, поэтому кремации тех, кто умер в течение целого года, зачастую проводятся за несколько недель.

День кремации значительного лица определяется брахманским жрецом по календарю, и подготовка к этому празднику идет на двух уровнях. Главное действие разворачивается вокруг тела покойника, лежащего дома в гробу. Для него сооружают специальную башню, по величине и убранству соответствующую его положению, а также саркофаг — громадное изваяние в виде животного (быка, коровы или крылатого льва) для сожжения.

За несколько дней до кремации готовые «небесные корабли» уже стоят в зале рядом с домом, в котором находится покойник, и своими украшениями из золотой фольги, изображениями духов, могучих змей-нагов и символическими орнаментами возвещают о большом празднике, в котором, как в Одалане, примет участие вся деревня.

Кроме того, накануне кремации идет подготовка на

кладбище, где выкапываются кости тех покойников, которые будут сожжены вместе с умершим. Раньше для этого существовало строгое предписание, согласно которому выкопанные из земли кости нельзя было вносить в дом, а все обряды очищения проводились с символическими фигурами. Однако сегодня кости очищают, заворачивают в белую материю и вносят в дом, откуда в день кремации их понесут к месту сожжения одновременно с «главным» покойником.

В обряде кремации в соответствии с балийскими обычаями существуют два разных уровня. Один касается останков тела, другой — гораздо более важный — душ умерших. Во второй половине дня накануне кремации богато одетые женщины и девушки, нередко в украшениях с золотой символикой, направляются к кладбищу, где с помощью священных песнопений пытаются пробудить души умерших, чтобы дать им возможность перейти в приготовленные символические фигурки, представляющие собой своеобразные «повозки» для путешествия на небеса. После жертвоприношений богам, а также угрожающим благополучию злым духам, собравшиеся отправляются домой вместе с фигурками, в которых теперь находятся души умерших, чтобы вечером совершить над ними «пембресихан», первое очищение, которое состоит из очень долгого и дорогостоящего ритуала, включающего в себя множество деталей, а на следующий день предать их очищающему огню.

Особенно важной частью подготовки к церемонии сжигания является ритуал доставки святой воды, для которой приготовлены сосуды с разной степенью святости для различных ритуалов очищения.

В последнее время от многих из этих дорогостоящих церемоний, требующих очень высоких гонораров для жрецов, стали отказываться. Члены верных традициям семей брахманов и другой аристократии этой небрежностью в соблюдении ритуалов объясняют рост бед и несчастий, которые постигли не только Бали, но и всю землю.

В день кремации в деревне и особенно в кампунге умершего царит оживление. Для сотен гостей заранее приготовлен завтрак. Отовсюду прибывают родные и друзья умершего, чтобы принять участие в праздновании его самого прекрасного дня, который считается своеобразным балийским праздником вознесения. Гамеланы исполняют спокойную, нежную музыку. Жрецы поют

тексты на старояванском языке (кави) в честь усопшего. Вокруг покойника, лежащего в гробу и покрытого дорогим покрывалом, возвышаются горы жертвоприношений — пища, рассчитанная на долгую дорогу в рай. Во дворе кампунга натягивают нити и разжигают жертвенный огонь, чтобы держать злых духов на расстоянии и после кремации закрыть духу мертвых обратную дорогу в дом, иначе он станет «ляяком», мучителем семьи.

Перед кампунгом собирается сотня, а то и более молодых людей, которые понесут башню с покойным и саркофагом в виде животного к месту кремации. В полдень через узкие ворота кампунга выходят родственники покойника, которые несут длинное белое полотнище — символ чистоты. Процессию завершают молодые люди, которые вносят в башню мертвых также завернутого в белую материю покойника, подняв его над головами. По бамбуковой лестнице они поднимают его наверх и укладывают для последнего пути. Когда колонна с башней, отливающей на солнце золотом, приходит в движение, начинается серия возбуждающих сцен, которые можно видеть только на балийском празднике. Под перезвон гамелана и распалаяющие ритмы сигнальных деревенских барабанов носильщики с бамбуковой платформой, на которой установлена башня, буквально срываются с места и несутся вперед по улицам как угорелые. На перекрестках они внезапно поворачиваются, кружатся на месте, чтобы затруднить покойнику ориентировку и одновременно отпугнуть демонов, а чтобы окончательно отогнать злых духов от покойника, между деревней и кладбищем по улице пускают воду, в которой носильщики начинают топтаться как безумные, так что во все стороны летят каскады брызг. Поскольку, согласно балийской вере, духи и демоны боятся воды, они окончательно обращаются в бегство и оставляют процессию в покое.

Достигнув места кремации, носильщики трижды обносят башню вокруг него, а в это время из клеток выпускаются птицы, которые скоро вознесут на небеса освобожденные с помощью огня души. Едва бамбуковый помост с башней поставлен на землю, молодые люди с громким криком взбегают по бамбуковой лестнице наверх, чтобы спустить тело покойника вниз и уложить его в стоящий рядом саркофаг.

Заранее подготовленные дрова подтаскивают к саркофагам, жрец еще раз окропляет их тиртхой. Затем с помощью факела поджигается костер, и человеческое

тело или то, что осталось от него за годы после погребения, растворяется в дыму и исчезает вместе с саркофагом-животным, его последним земным пристанищем. Треск горящего в огне бамбука напоминает порой разрывы снарядов, что придает акту кремации особое магическое звучание.

Огонь перекидывается на высокую башню. Башня загорается и пылает, как гигантский факел, а затем с треском разваливается. Однако души умерших, согласно балийской вере, поднимаются к листьям громадных баньянов, окружающих место кремации, и принимают позу лотоса, в которой отправляются в путь на небеса, в райские поля.

Хотя процедура кремации проходила без особой суеты, она оставила впечатление шумного и радостного события. Все члены семей других покойников были счастливы, что наконец настал день, который освободил души давно умерших родственников от бранных останков, а их самих — от необходимости экономить, зачастую испытывая большие лишения, чтобы собрать средства для этого дня.

Тем временем на земле среди обуглившихся обломков саркофагов осталось не так уж много от покойников. Родственники собирают останки, заворачивают их в белую материю и спокойной процессией относят к морю, где предают пепел волнам. Звучит еще одна молитва, самые молядые купаются в пенящейся воде, и вот последний акт похорон совершен.

Первое звено в длинной цепи дальнейших очищений начинается двенадцатью днями позже «муркуром», первым освящением души, за ним следуют другие — через сорок два дня, затем спустя годы, и так до бесконечности, потому что жизнь — это круговорот, у которого нет ни начала, ни конца, а есть лишь промежуточные остановки, часть из которых находится на земле.

БАЛИГИА — ПРАЗДНИК ЗОЛОТЫХ БАШЕН

Очищение душ

После того как тело умершего или то, что остается от него через несколько лет после погребения, сжигают, а пепел передают воде реки или моря, балиец еще долго заботится о покойнике. Правда, все, что он делает, относится уже не к бранным останкам, поскольку после захоронения, сожжения и затопления пепла они полностью растворяются в безбрежном мировом пространстве. Речь идет о душе и ее месте в небесах балийского космоса.

Так называемые праздники душ обычно устраиваются не для одного и даже не для группы одновременно сожженных, но не имевших отношения друг к другу людей, они организуются для семьи или рода. На этом празднике, как и на всех других балийских семейных праздниках, количество участников и масштаб торжеств определяются общественным и прежде всего экономическим положением семьи. Простой человек отмечает этот праздник скромно в семье или в деревенской общине, однако отказаться от него не может ни один верующий балиец, и от того, проведен ли он в соответствии с установленным порядком, зависят очищение душ, погрязших в земной скверне, и тем самым их вознесение на небеса индуистского рая.

Вершиной этих празднеств душ служит праздник Балигиа, или Малигиа,— большое собрание предков семьи и последняя из всех балийских церемоний очищения душ. Этот праздник устраивается исключительно княжескими семьями Бали. Они организуют его лишь спустя десятилетия после похорон, ибо Балигиа стоит целого небольшого состояния. Для некоторых княжеских семей, лишившихся в 1949 году власти, а частично и собственности, устройство его повлекло за собой разорение.

После тридцатых годов праздники Балигиа устраивались лишь дважды: в 1971 году князем Убуда в честь ста пятидесяти душ его предков и в 1978-м — сыновьями последнего раджи Карангасема для отца и предков.

Князь Убуда мог позволить себе такой праздник, поскольку, когда на Бали хлынул поток туристов, он превратил часть своего дворца в гостиницу под девизом: «За пять долларов в день вы можете стать гостем правителя Убуда». Когда князь планировал проведение этого дорогостоящего праздника, он, вероятно, уже чувствовал приближение своего конца и, будучи верен традициям, корни которых уходят в глубину балийской веры, хотел подчеркнуть необходимость соблюдения установленного порядка независимо от изменения политических и экономических условий. Он умер в июле 1978 года, и, согласно традиции, до кремации, состоявшейся 31 января 1979 года, его тело находилось во дворце. Это был последний правитель Бали.

Потомки умершего в 1967 году последнего раджи Карангасема (на Восточном Бали) решили устроить праздник Балигиа для своих предков, к которым они относили и бывших правителей Западного Ломбока. Центральным моментом праздника должна была стать встреча с душой умершего князя Анак Агунг Агунг Багус Джелантик Карангасема, который в августе 1937 года сам устраивал последний праздник Балигиа в своем доме.

Тогда праздник, по расходам предусмотренный на шесть дней, закончился досрочно, через два дня, и конец его изрядно напугал присутствовавших. Американская танцовщица Кэтрин Е. Мерсон, принимавшая участие в празднике как гостья князя, рассказывает, что ночью 5 августа 1937 года она проснулась от боя барабанов, возвещавших тревогу, и увидела бежавшего священнослужителя. Мужчины пригнали пожарную машину, но второпях забыли насос. Когда Мерсон добралась до праздничной площади, на которой возник пожар и теперь быстро распространялся, сам князь был уже здесь и отдавал приказы. Чудом удалось преградить путь огню, который едва не перекинулся на легковоспламеняющиеся бамбуковые, обернутые золотой фольгой башни, предназначенные для большой заключительной процессии.

Теперь, спустя более сорока лет, сыновья последнего князя решили устроить для отца, одного из значительнейших князей Бали позднего периода, тот же праздник Балигиа — праздник последнего большого очищения.

Правда, вначале не было ясности относительно финансирования праздника, который должен был стоить минимум 30 миллионов рупий. В конце концов глава

княжеской семьи — сегодняшний мэр Амлапуры, административной столицы провинции Карангасем, продал правительству гектар земли для сооружения давно запланированного футбольного поля. Эту сделку многие осудили. Скандал дошел до центрального правительства в Джакарте, однако, когда стала известна причина продажи земли, злые языки на Бали притихли, поскольку Балигиа в сознании балийца — это настолько святой и возвышенный праздник, что хороши все средства для его проведения. И он состоялся.

Наиболее благоприятным временем для богов и духов предков оказалось, в соответствии с календарем, начало сентября 1978 года. Однако точный день жрецы не называли до последнего момента. И наконец бюро путешествий расположенного довольно далеко от туристского центра Кута объявило, что в пятницу, 1 сентября состоится автобусная экскурсия в Карангасем на «праздник очищения». Однако поездку пришлось срочно отменить, поскольку именно эту пятницу жрецы объявили днем отдыха между праздниками. Новый срок туристской поездки на этот праздник так и не был назван.

Лишь немногие из посторонних присутствовали на трехдневных торжествах Балигиа, да и то не более двух часов, поскольку гостиниц в Амлапуре пока нет, хотя это довольно большой город, столица округа. Единственный же постоялый двор представляет собой лишь несколько помещений без каких-либо удобств.

Ранний телефонный звонок утром 31 августа принес нам неопределенную информацию, что, по непроверенным сведениям, главная церемония праздника должна начаться уже сегодня. Несмотря на сомнения, мы изменили нашу дневную программу и срочно отправились в Амлапуру. По дороге мы отказывались от остановок, хотя чудесный балийский пейзаж то и дело звал задержаться. У нас была лишь одна цель, и даже попавшаяся нам на пути длинная процессия с высокой башней, свидетельствующая о предстоящей кремации брахмана, само по себе редкое зрелище, не могла нас остановить.

Встреча с предками

В обычно тихой Амлапуре собралось много народа. То, что сегодняшней день особенный, можно было видеть по сияющим глазам балийцев, торопившихся к дворцу, высокую башню которого видно уже издалека.

Амлапура утопала в лучах солнца, что само по себе было удивительно. Дело в том, что на реке Сануре всю ночь шел дождь, который, как и следовало ожидать, не прекратился и утром. До самой границы провинции Карангасем нас сопровождали низкие облака и ливни. Затем тучи неожиданно рассеялись, и засияло солнце. Сопровождавший нас балиец сказал:

— Не может быть такого, чтобы во время Балигиа шел дождь, жрецы несколько дней подряд умоляют бога погоды разогнать тучи. Как бог может не уважить их просьбу? Ведь он сам приглашен на этот редкий праздник.

Позднее, в разговоре с одним из принцев Карангасема, у которого мы в перерыве между церемониями оказались в гостях, я услышал то же самое:

— Прекрасная погода во время Балигиа — не случайность, это вклад богов в праздник.

Это говорил обучавшийся в европейских университетах принц дома Карангасемов 3 сентября 1978 года непосредственно перед большой заключительной процессией всех членов княжеской семьи на побережье Уджунга, находящегося в четырех километрах от Амлапуры.

Между нашим прибытием в Амлапуру и этой процессией мы несколько дней наслаждались захватывающим зрелищем. Даже не верилось, что может происходить сегодня такое. Я попытаюсь описать этот один из удивительнейших религиозных феноменов, сохранившихся на земле до настоящего времени, основной чертой которого стали умеренность и рассудочность.

Едва мы прибыли в Амлапуру, как увидели шедшую из долины процессию девушек, одетых в белые и светло-желтые одежды, в сопровождении монотонной музыки, напоминающей приглушенный перезвон колоколов. Под зонтиками платинового цвета, которые можно увидеть лишь на особо торжественных церемониях, девушки несли на голове закутанные в белую ткань символы душ — обычно вырезанные из сандалового дерева маленькие фигурки или особо отобранные кусочки бамбука. Нельзя было не обратить внимание на величественную осанку девушек и полное достоинства выражение их лиц.

На великолепном фоне уходящих вверх по склонам рисовых террас и безоблачного, залитого солнцем голубого неба процессия производила впечатление шествия ангелов, медленно поднимающегося к княжескому двор-

по улице, уставленной высокими бамбуковыми жерями и украшенной гирляндами из листьев.

Две шедшие в центре девушки несли на головах блюда для жертвоприношений. На одном лежала золотая корона, на другом — маленький темно-красный бархатный пиджак — символы, которые должны были служить приглашенной на праздник душе последнего правителя Карангасема достойными ее одеждой и регалиями.

Праздник Балигия — это подготавливающаяся в течение длительного времени и проходящая несколько дней новая встреча живых с душами умерших в княжеской семье. Души умерших, как считают балийцы, участвуют в роскошном, дорогостоящем празднике живых. Они знают, что праздник проводится в их честь, и если символы их душ, которые сейчас торжественно несут к месту проведения праздника, в последнюю ночь после святой трапезы будут сожжены, а на следующий день преданы морским волнам, то путь на самое высокое небо для них будет открыт. Ведь они подверглись полному очищению от остатков всего земного — высшее и последнее, что может быть сделано живыми для мертвых.

Как и все на Бали, эта церемония встречи с умершими и очищение их душ не является чем-то односторонним по своей идее и действию. Живые, которые в состоянии устроить для мертвых праздник Балигия, сами благодаря этому получают определенное освящение и очищение, что должно пойти им на пользу в дальнейшей жизни и после смерти, на пути их собственной души на небеса Бали. Поэтому Балигия — это не альтруистический праздник для мертвых, в котором поневоле участвуют живые, а праздник предполагаемого самоочищения для живых, а также повод лишний раз показать себя и подчеркнуть свое положение.

Однако вернемся к процессии девушек в белом, желтом и золотом — цветах, символизирующих чистоту. Минував ворота дворца, они поднимаются по улице к самой высокой точке Карангасема — большой площади, на которой будет проводиться праздник. Девушки пришли от священного источника, где происходило очищение символов душ при помощи «пуспы» — двух перекрещенных кусочков бамбука, обвитых цветами.

На площадь падает отблеск от шести огромных золотых башен. Сюда в последний день праздника должны внести пепел символических душ. Молодые женщины и девушки, которые несут их под звуки гамелана, не дохо-

дя до праздничной площади, останавливаются, чтобы расстелить у своих ног белую материю и положить на нее жертвоприношения для злых духов и демонов.

Старая жрица окропляет пришедших святой водой. Только после этого процессия может войти внутрь большого, ограниченного со всех сторон квадрата, предназначенного для праздничных дней.

Перед высокой задней стеной строения из бамбука с шестью золотыми башнями, к которым ведут наверх крутые лестницы, находятся четыре больших павильона. В одном из них (позади слева) располагается гамелан — его никто не должен видеть. В центре — павильон с жертвоприношениями душам мертвых предков; в нем же в последнюю ночь готовят еду, которую души должны взять с собой. Слева и справа от входа на площадь, где процессия останавливается на несколько мгновений, на высоких сваях стоят два самых важных, закрытых снаружи павильона. В правый вносят символы душ. После того как ритуал жертвоприношений для защиты от всех препятствующих воздействий духов и демонов закончен, молодые балийки поднимаются по крутой лестнице. Наверху жрец снимает у них с головы груз душ предков. Пять гамеланов звучат одновременно — слева перед центральной частью праздничной площади и рядом с ней. Теперь церемония достигает одной из своих высших точек.

Тем временем на расположенной справа празднично украшенной площадке, оборудованной для танцев и театра теней, собираются сотни жителей Амлапуры и деревень Карангасема — гости дома правителя. Они ждут общей трапезы. Многие из них выполняют на празднике те или иные функции. Больше тысячи мужчин, например, понесут золотые башни в Уджунг, к берегу моря.

Подходят все новые гости, среди них сотни девушек и молодых людей из южных деревень Карангасема в традиционных нарядах. На поясе у мужчин крисы; раньше каждый балиец носил с собой это оружие. У девушек нарядные головные уборы в виде высоких, переплетенных цветами корон. После трапезы, в которой участвуют три тысячи человек, роскошно одетые гости из южных деревень выстраиваются для ритуального танца — реджанга.

Реджанг, который относится, вероятно, к древнейшим танцевальным формам на Бали, предназначен для восхваления богов и предков. Традиционные красно-золотые костюмы должны напомнить о блестящих временах ба-

лийской истории. Кроме кованых золотых диадем, украшенных драгоценными камнями, юные танцовщицы надевают короны, сплетенные из сотен цветов и листьев, в которых представлено все многообразие красок балийской флоры. Вереница слаженно идущих девушек, делающих плавные движения руками, символизирует связь между вчерашним и сегодняшним днем, между умершими и живыми, которые собрались здесь, чтобы почтить своих предков.

В противоположность большинству балийских танцев реджанг не отличается особой сложностью движений ног и рук. В нем нет также никакой драматической направленности, а отражается ход жизни, поэтому он очень подходит для начала праздника, который соединяет земное существование с миром иным.

Что означает слово «балигиа»!

Мы приехали на праздник вместе с принцем Бангли, который связан родственными узами с домом Карангасемов. Моя жена была в длинном белом платье, подобном тому, какие обычно надевают принцессы на праздник очищения душ. Балийцы ценят, когда иностранные гости приспособляются к здешним правилам и не нарушают своими прихотями в области моды гармонии, к которой стремится балиец.

Наш сопровождающий познакомил нас с членами княжеской семьи, которые передали мне программу праздника в розовом переплете, украшенном изображением башни княжеского дворца и стилизованным изображением Гаруды. В заголовке написано: «Карья Агунг Малигиа», «Княжеское жертвоприношение очищения». Балийское слово «Балигиа» заменено здесь для иностранных гостей соответствующим словом государственного языка бахаса Индонезия — «Малигиа». Вся программа напечатана также на бахаса Индонезия, однако обращают на себя внимание многие не поддающиеся переводу древнебалийские понятия из балийско-индуистской мифологии.

Для небалийцев, приехавших на праздник с Явы и Ломбока (часть из них — мусульмане) и понимающих неспамного больше иностранцев, что такое Балигиа, в программе дается короткое вступление, которое я хотел бы привести:

Карья сучи балигиа. Цель жизни, которая в индуистской религии названа словом «мокса», определяется формулой: «Моксертам Джагатхита йа ча пти дхарма». Это значит, что спасение, избавление, освобождение состоит в соединении с абсолютным божеством, обитающим в Ачинтйа Лока. Чтобы достичь этого соединения, нужно вести примерную, честную и добросовестную жизнь, владеть своими склонностями и стремлениями, серьезно заниматься «тапа брата» — медитацией — и с помощью «йога самади» сконцентрироваться на почитании Сангхьянг Видхи Вача.

Однако оставшиеся в этом мире потомки благородного происхождения должны не только стараться быть добрыми и безгрешными. На них лежит еще святая обязанность молиться за своих предков, чтобы они благодаря соблюдению «питра ренам» смогли освободиться.

Питра ренам. Питра ренам — это священный долг потомков благородного происхождения проявлять постоянно по отношению к своим предкам в подношении им проникнутых безграничной любовью жертвоприношений и оказании других услуг. Такими же безграничными являются ожидания и вера в честность и порядочность потомков. Сознывая священные заслуги предков, благодарные дети и дети детей должны помимо прочего стремиться к следующему:

1. Творить добро, чтобы высоко держать имя предков («гуру рупака»).

2. Пока родители еще живы, заботиться о них и ухаживать за ними, основой чему должны быть верная любовь и выполнение долга.

3. Проводить церемонии кремации для очищения тела и души покойного, чтобы он смог найти вход в вечность в душе божьей. Эта церемония носит название «нгабен».

Такой же безграничной, как заслуги и жертвоприношения предков на благо их потомков, должна быть благодарность потомков по отношению к своим предкам. Для проявления этой благодарности кроме церемонии кремации существует еще одна важная священная церемония, которая должна добросовестно выполняться потомками, — «тилеман» — очищение душ.

Эта церемония происходит в день, который носит название «сасих-каро» («день темной луны») или «сасих-утара-яна» («день северной луны»). О том, что церемония очищения душ является священной, помимо прочего,

свидетельствуют древние повествования об Итихасе (Аста Дасе), запечатленные на пальмовых листьях, о том, как Сри Дрестарастра — отец высокочтимого балийского героя Паманда Багаван Бисмы, движимый чувством долга, осуществил церемонию «тилеман», чтобы очистить душу героя, павшего в жестокой борьбе, причем ему помогал один из святых пандавов. Деви Купти, жена Патибрата, тоже провела душу своего мертвого супруга через священную церемонию очищения. Сри Панду кроме «тапа брата» устроил и «йога самеди» во имя чистоты мертвой души умершего.

К священной церемонии тилеман помимо прочего относятся церемонии Балигиа — «пгерорас», «дева-яд-пйа», «нгелувер» и др.

Значение слова «балигиа» можно объяснить, разделив его на две части — «бали» и «гиа». «Бали» означает благородный, чистый, а «гиа» — непосредственный или быстрый. Так и получилось название «балигиа» — тщательно организуемый и проводимый священный ритуал очищения душ предков, чтобы они смогли соединиться в «пшскале» (балийское обозначение пирваны) с Сангхьянгом Видхи Вача — высшим божественным существом.

Цели Балигиа

Старые балийские надписи на пальмовых листьях были сделаны отшельником Пара Реси с помощью йоги, медитации и умения владеть своими страстями, благодаря чему эти надписи стали священными, подобно «янма-праверти», «сиватма», «яднейа-карйа» и многим другим священным надписям.

Цель церемонии «Балигиа» состоит в очищении душ предков, чтобы они смогли получить счастье вечной жизни и «ачиптйа лока». Это жертвоприношение неоднократно повторяется знатными потомками. Поскольку Балигиа считается священной, на ней необходимо присутствие души одного мудрого человека, который в этой церемонии носит название «лингга». Для княжеской фамилии Пури Агунг Карангасем уже несколько поколений устраивают праздник «карйа Балигиа», который на этот раз должен был состояться в день тилем, сасих-каро в 1978 году, а по христианскому летосчислению 31 августа 1978 года, в Пендем Амлапура с особенно святым брах-

маном по имени Анак Агунг Где Каранг в качестве мангала-карйа.

Содержание приведенного описания Балигиа свидетельствует о том, что эта церемония связана с массой других церемоний, глубоко уходящих корнями в историю и традиции балийского индуизма. Оказавшись гостями Балигиа в Карапгасеме, мы стали невольными участниками бесконечной вереницы ритуалов, определяющих все существование балийцев и убеждающих их в том, что эта цепочка ведет через смерть к новым рождениям, давая им ощущение бесконечности, что представляет собой прямую противоположность нашему существованию.

Даже при беглом ознакомлении с программой, следующей за общим вступлением, становится ясно, что для участия во всех церемониях праздника нам нужно было приехать на восемь месяцев раньше, поскольку уже 19 января 1978 года состоялось очищение местности, определенной для главной церемонии праздника.

Эта первая церемония очищения была посвящена изгнанию злого великана Бхуто Кала, который, согласно балийской вере, с незапамятных времен пытается помешать проведению Балигиа и препятствует единству предков и живых во время праздника. Поэтому задача этой ранней церемонии состоит в том, чтобы успокоить злого духа и изгнать его с места проведения праздника.

22 марта, после того как злой дух был изгнан, состоялась закладка здания праздничного павильона — высокого дома золотых башен. Праздничные церемонии начались 5 июля. В этот день после окончания всех строительных работ было произведено очищение площадки для подготовки жертвоприношений; в нем участвовали сотни людей. Они не только изготовляли жертвоприношения, но и строили золотые башни, предназначенные для сожжения, и были заняты многими другими ритуальными приготовлениями, без которых невозможно успешное проведение праздника. При этом все это делалось только в дневное время, ибо жертвоприношения нельзя готовить после захода солнца.

Место для приготовления жертвоприношений («песучиан»), так же как и место проведения Балигиа («паядньян»), является священным. Там могут находиться лишь чистые люди, и лишь чистым людям разрешается участвовать в приготовлении жертвоприношений. Люди, подозреваемые в преступных действиях или обладающие

сварливым характером, не могут находиться здесь, так же как и женщины во время менструации.

Очищение самого места празднования состоялось 25 августа. Это был день, когда должны были быть закончены все приготовления к приему предков. 28 августа в качестве вступления к празднику состоялась своеобразная протокольная процедура — написание и подтверждение имен душ предков, которые должны были точно совпадать с именами, принадлежавшими этим предкам при жизни. В тот же день в священном ритуале происходит воплощение душ предков, для которых проводится Балигиа и к которым относятся как к членам княжеской семьи.

Ночная трапеза с предками

В пятницу общение с предками проводится в семьях. В субботу принцы и принцессы трех или четырех поколений приходят на праздничную площадь и остаются здесь до самой ночи. Еще позавчера они были разделены, а сегодня собрались вместе для жертвоприношений и молитвы.

Они сидят полукругом перед двумя павильонами, где находятся символы предков и где духи предков с нетерпением ждут ночной трапезы, поскольку эта суббота является днем большого церемониала, продолжающегося двадцать четыре часа. Участникам празднества в течение этого времени запрещается спать.

И все двадцать четыре часа одновременно в нескольких местах демонстрируется программа, отражающая жизнь: прошлую — предков, настоящую — живущих и будущую — на небесах.

Место празднества становится миром, вселенной, которая носит название Бали. Этот мир мы видим в рельефе из подкрашенных в розовый цвет зернышек риса, выставленном в качестве жертвоприношения в одном из павильонов. Люди, животные и боги согласованно движутся в этом сказочном мире, который ко всему прочему дает представление о высоком мастерстве балийцев, умеющих использовать самые различные материалы (в данном случае рис) и владеющих сложнейшими техническими приемами.

Путь от изображения вселенной к символическому местопребыванию богов, иными словами, путь на небо,

на то самое, которое простирается над островом, педальек. Всего два шага — и мы стоим перед башней для высшего жертвоприношения, «панггуньян», в честь троицы богов — Шивы, Брахмы и Вишну, приглашенных на праздник и, в представлении балийцев, присутствующих на нем. Теперь они находятся рядом с главами молящегося семейства, хотя и нет их изображений — ни скульптурных, ни живописных. Лишь три шелковых священных зонта наверху, над башней, свидетельствуют об их присутствии: красный зонт — символ Брахмы, черный — Вишну, белый — Шивы.

В хижинах за праздничной площадью — обычная, будничная картина балийской деревни. Женщины отбирают и чистят овощи и перебирают рис: для предков все должно быть самым лучшим — ни одного раздробленного зернышка, ни одного порченого плода. Все компоненты священной трапезы вечером попадут в большой черный котел совершенно чистыми. В этом котле старая жрица в соответствии со строгим ритуалом будет готовить еду для предков.

У нее есть и другие обязанности. Перед высокой постройкой в углу участка висит лампа, предназначенная для душ предков. Жрица должна опустить ее и зажечь в яичной скорлупе огонь (та же процедура, которую мы уже видели перед кремацией). Потом лампу надо поднять на прежнее место — теперь души предков присутствуют на празднике.

В течение часа княжеская семья (более ста человек) сидит, теперь уже образовав круг. При этом ведут себя они не так серьезно, как, казалось бы, следовало вести на храмовом празднике. Кто-то из принцев беседует на темы, не имеющие никакого отношения к предкам, кто-то вовсе зевает.

Затем по громкоговорителю звучат молитвы на старобалийском — языке древней цивилизации острова, непонятном присутствующему народу. Появляются жрецы в белых одеждах, в красных, похожих на тиары головных уборах. Они поднимаются к предкам.

Община внизу получает цветы и благовонные палочки. Люди держат их между ладонями, благоговейно поднимают над головой, повторяя этот жест не менее двенадцати раз. Старая жрица окропляет собравшихся святой водой. На этом ритуал жертвоприношения, час соединения с предками заканчивается. Круг размыкается.

Всегда, когда кажется, что балийский праздник за-

копчен, начинается что-то такое, что служит его продолжением. Так и сейчас. В зале рядом с праздничной площадью музыканты гамелана расставляют инструменты. За старым фиолетовым, расшитым золотом занавесом одеваются и надевают украшения танцовщицы. В тесном помещении происходит маленькое чудо превращения, которое длится потом часами. Бесконечно звучит гамелан, но все ждут легонг, которым начинаются танцы.

У большого гамелана занимает свое место самый старый член княжеской семьи. Он получает возможность сыграть на ударном инструменте гамелана, и это для него большая честь. Звучит великолепное вступление к танцу, который будут исполнять принцессы княжеского дома.

В танцах отчетливо просматривается осознание танцовщицами предполагаемого присутствия душ предков. Их увлеченность и самоотдача непередаваемы. Они будто пребывают в невесомости, и зрители на время забывают, что перед ними представление. Девушки не танцуют, они живут в танце, хотя и дают понять, что танец мимолетен, преходящ, как и сама жизнь. Прекрасно лишь то, что касается предков и последнего очищения их душ. Прекрасны золотые башни, таинственно мерцающие в свете факелов, прекрасна сцена, которая разыгрывается сейчас в глубине праздничной площади: женщина несет на голове золотую, благородных очертаний чашу, а мужчины идут за ней, держа над ее головой златотканые священные зонты. Размеренным шагом маленькая процессия, сопровождаемая звуками гонга, покидает площадь и, пройдя между колышущимися огнями факелов, исчезает во тьме.

— Они пошли за святой водой для трапезы душ предков,— шепчет мне принц Бангли, который на празднике не отходит от меня ни на шаг.

Ярко освещен и средний павильон со всеми драгоценными жертвоприношениями — короной и бархатным одеянием в центре. У его основания садится жрица — старая (ей не меньше семидесяти лет), но стройная, как тополь, балийка. Теперь она будет готовить пищу для предков. Помощницы приносят ей старательно подготовленные продукты. Тем временем на площадь возвращается процессия со святой водой, взятой из освященного источника. Раздувается огонь, и жрица приступает к своей почной работе.

Следуя строгому, соблюдаемому столетиями ритуалу,

она готовит рис в черном котле. Более молодые женщины наблюдают за ее священнодействием, сидя на корточках перед павильоном и на высоких ступеньках бамбуковой башни. По-прежнему, как и целый день до этого, звучат гамеланы. Над площадью воцаряется таинственная напряженность, хотя кажется, что ничего существенного не происходит.

Уже полночь, однако часы на Бали следуют ритму, который не имеет ничего общего с нашим. Туристы из неазиатских стран, приезжающие на Бали, даже жалуются иногда, что местные праздники, танцы и театральные представления слишком затянуты. Естественно, ведь они предназначены для того, кто наблюдает за ними полный ожидания и готовности к постоянной смене впечатлений.

Пришедший на праздник балиец — это не зритель, а участник. Для него весь сценарий — отрезок жизни, происходящий на земле между рождением и смертью и одновременно позволяющий увидеть, что происходит с душой по ту сторону земного существования, когда она не связана земной оболочкой. Кажется, что в глазах жрицы, не утратившей бодрости, хотя она в непрерывной работе с самого утра, уже отражается нечто, связанное с пониманием потустороннего мира, от которого она сама уже недалеко. Сознание того, что она делает нечто решающее для последнего очищения душ давно умерших людей, придает ей силы, ибо она уверена, что после ее смерти потомки сделают для нее то же самое.

Последний из сидящих на краю праздничной площади бедняков, как ни далек он от блеска церемонии очищения, чувствует себя принадлежащим к этому кругу судьбы, в котором и ему, если он будет вести соответствующий образ жизни, может быть, доведется когда-нибудь побывать.

Как ни велико различие социального и общественного положения на Бали разных слоев населения, все балийцы, даже 95 процентов принадлежащих к низшей касте судр, которых часто по ошибке не причисляют ни к какой касте, испытывают чувство сопричастности, принадлежности к космосу, называемому Бали. В этом Бали прямо противоположен Индии, где изгои или люди, не относящиеся ни к одной из каст, еще сегодня, несмотря на все законы, призванные положить конец их униженному положению, были и остаются отверженными.

Внезапно вспыхивает открытый огонь, на котором

варится рис для предков, и весь павильон освещается ярко-красным светом, в котором сидящая возле котла жрица напоминает своей горделивой осанкой богиню, существо из другого мира, что еще больше подчеркивает ее отрешенный взгляд. Но уже в следующую минуту она возвращается к действительности — опускает большой черпак в котел и начинает раскладывать дымящийся рис в приготовленные миски. После того как миски наполнены, процессия несет еду для душ предков к павильону, где в свете факелов отчетливо видны высокие, красные, с козырьками, защищающими глаза от света, головные уборы жрецов.

В то время как приготовление трапезы для душ предков шло на глазах у всех, кормление происходит лишь в кругу княжеского рода. Это интимный процесс, последняя прощальная трапеза живущих вместе с мертвыми. Теперь, как надеются и верят потомки, души усопших отправятся на небо, откуда уже нет возврата; на этом круговорот возрождения заканчивается, поэтому процедура трапезы продолжается не быстро. Она сопровождается чтением священных текстов на древнебалийском языке. Члены княжеского рода, похоже, знают этот язык, но вряд ли вслушиваются в текст.

Несмотря на то что уже поздняя ночь, праздник продолжается. На том месте, где вечером обычно устраиваются танцы, на бамбуковых кольях натягивают экран, который снизу прижимается стволом банана, и кукловод-даланг зажигает за экраном обычную керосиновую лампу, служащую единственным источником света для театра теней, этого имеющего более чем тысячелетний возраст предшественника нашего телевидения.

Непосвященный, вероятно, спросит: «Что должен означать кукольный театр теперь, когда наступает час прощания с предками?» Наверное, это новый, открывающийся мир в малом, мир, в котором, согласно древним легендам из известных нам индийских эпосов «Махабхарата» и «Рамаяна», изображается борьба добра со злом, такая же, какая происходит в действительности, и здесь, на празднике Балигиа, она должна найти свое окончательное завершение для душ умерших.

В этом многоплановом празднике нет ничего случайного. Все взаимосвязано и взаимообусловлено и имеет свое точное назначение в ритуале. Здесь в «ваянг-кулите» перед прощанием с душами предков открывается новый мир — мир древнего прошлого, но одновременно и

зеркало настоящего и будущего. Экран изображает небо, ствол банана — землю. Он заполняется искусно вырезанными из кожи фигурками подобно тому, как Земля заселяется людьми. Керосиновая лампа олицетворяет солнце, даланг — всемогущее божество, которое управляет всем.

Рядом с далангом его помощники, позади — маленькая музыкальная группа — «гендер-ваянг». Вначале даланг, в лице которого соединяются режиссер-постановщик, кукловод, музыкальный аранжировщик и чтец всех ролей, делает жертвоприношение присутствующим богам: ведь помимо того, что даланг — представитель столь разностороннего искусства, на освоение которого потребовался целый год, он еще и жрец.

Вступительному жертвоприношению в этом спектакле (а его можно рассматривать как своеобразное жертвоприношение в большом многодневном жертвенном ритуале в честь предков) уделяется особое внимание. После того как жертвоприношение состоялось, даланг трижды бьет в большой ящик, где хранятся фигурки ваянга. Эти удары служат одновременно и сигналом к началу давно ожидаемого представления, и пробуждением кукол к жизни. Теперь они больше не куклы — они боги и люди, благородные и злодеи, священники, волшебники, убийцы — живые существа, находящиеся на земле и на небесах. Даланг достает их из ящика и с помощью ассистентов раскладывает на стволе банана: добрых — направо, злых — налево. В центре бананового ствола имеется искусно вырезанный в виде листа символ начала и пауз, представляющий собой одновременно древо жизни, символ начала и конца.

Представление — широко известный эпизод из «Махабхараты». Он является подготовкой к тому, что и составляет основу праздника Балигна, — сожжению символов душ, которое производится священниками после окончания трапезы и повторного, уже последнего окропления святой водой под нарастающие звуки гамелана. Пламя ненадолго вспыхивает и гаснет. Конец по сравнению со всем остальным праздником довольно бесцветен.

— Он подобен концу многих важных дел в нашей жизни, — замечает принц Бангли.

После сожжения пепел символов душ сыпают в «секах» — редко встречающиеся желтые внутри кокосовые орехи, которые хранятся в павильоне духов предков. Завтра утром их торжественно отнесут к золотым баш-

ням, символам последнего очищения, после которого в действительности не останется уже ничего, кроме горстки белой золы.

Процессия золотых башен

Утром в воскресенье в Амлапуре оживленно. В этот день в город устремляется больше людей, чем во все предыдущие дни, — верующие, любопытные, но в основном участники большой процессии к морю, те, кто понесет золотые башни, мужчины и женщины, убирающие части бамбукового помоста и лестницы, которые до этого закрывали основную часть башен, а теперь будут мешать их транспортировке.

Пока отнесли в сторону бамбуковые стойки, носильщики собрались в большом зале рядом с праздничной площадью, там, где до рассвета даланг манипулировал куклами ваянга, которые сейчас снова спят в своем ящике, ожидая нового оживления. Наблюдатели, ответственные за порядок проведения процессии, раздают куски белой ткани молодым мужчинам, для которых наступает знаменательный час. Традиция предписывает, чтобы на голове каждого носильщика был белый головной убор — символ чистоты, — поэтому мужчины помогают друг другу повязать его.

С раннего утра звучат пять гамеланов. Музыканты, которые будут сопровождать процессию, тщательно подготавливают инструменты. На праздничной площади поднят флаг князей Карангасема — его понесут впереди процессии.

Один из принцев Карангасема пригласил нас во дворец и рассказал о трудностях в подготовке и проведении Балигиа. От него мы узнали о росте сопротивления части молодежи Индонезии дорогостоящим традиционным праздникам. Принц намекает на то, что этот Балигиа для его семьи последний. Неподалеку принцессы готовятся к процессии. Вновь, как и в первый день, все они в белых и нежно-желтых одеждах. Черные волосы, уложенные в строгую прическу, украшены золотыми диадемами. Вместо завернутых в белую материю символов душ они несут на голове жертвенные чаши с цветами.

Проходит час за часом, и, когда наступает полдень, процессия длиною в километр с праздничной площади трогается в путь. Впереди идут принцы Карангасема.

Далее в автомобиле седая старуха, вдова последнего князя. За машиной несут первую из золотых башен, башню для богов, выполненную в виде гигантского верера, листа или дерева. Сопровождающая ее звонкая, похожая на треньканье колокольчика музыка воспринимается как небесные звуки. Как волшебная картина из золотой филиграни, сверкающая на солнце башня богов поднимается на фоне темно-синего безоблачного неба. Мужчины в белом стоят на помосте у основания башни. Передвижение носильщиков создает иллюзию, будто башня скользит по легким волнам. Все вместе напоминает сцену из какой-то древней сказки, и в этот сказочный мир настойчиво и отрезвляюще вторгается двадцатый век с его телеграфными проводами и автомобильными гудками.

Башни следуют вереницей на надлежащем расстоянии друг от друга: башня в честь душ жрецов, три башни в честь душ предков княжеского дома Карангасемов, одна, самая маленькая по размерам — для душ женщин. Ее несут мусульмане, что служит знаком взаимопонимания всех религий.

Процессия со своим высоким, устремившимся в небо золотым наконечником медленно движется по улицам старого княжеского города, который в 1963 году был частично разрушен во время извержения Гунунг Агунга. Сегодня совсем немного осталось следов, напоминающих об этом извержении, даже рисовые поля, когда-то сплошь залитые лавой, вновь покрылись растительностью. Зеленые, коричневые или желтые, в зависимости от стадии роста риса, поля террасами поднимаются по склонам гор.

Подобно извивающейся громадной белой змее с красными пятнами (группы музыкантов) и золотыми наростами (башни), процессия спускается к берегу моря. Издалека доносится перезвон колокольчиков и гонгов. Все это вместе создает впечатляющую картину единства людей и природы, в которой прошлое сливается с настоящим, с достижениями сегодняшнего дня.

Внизу, у моря, башни ставят на песок — одну рядом с другой, и все вместе они смотрятся как золотой замок на фоне бушующих морских волн. Члены княжеского семейства занимают свои места, чтобы в молитве и медитации провести последние часы общения с предками, что кажется неестественным, ибо символы их душ давно сожжены. Однако здесь находятся золотые башни, слу-

жащие (хотя и в другой форме) символами того, что уже превратилось в пепел, и скоро сами превратятся в пепел, который, как в свое время пепел сожженных предков, наконец будет предан морским волнам.

А день уже клонится к вечеру. Солнце постепенно заходит за горизонт, растворяясь в нежных алых красках. Тысячи людей стоят, сидят, лежат на склоне и смотрят вниз на редкую и вместе с тем знакомую картину: на золотые башни и сидящих перед ними, погруженных в благоговейное раздумье людей, таких же, как они, балийцев и вместе с тем как бы отрешенных от мира, поскольку для них наступают последние мгновения исключительного события. Сейчас, когда зайдет солнце, им принесут факелы, и за считанные минуты они превратят золотую действительность искусно изготовленных башен в то, чем все мы были, есть и будем,— в пепел.

Это последний, заключительный аккорд праздника Балигиа — последний акт всех повторяющихся событий жизни и смерти, как сказал бы балиец. Ведь после того как золотые башни растают в багровом пламени, после того как их прекрасная форма перейдет в бесформенную массу, низвергнется в ночь и их остатки будут преданы морским волнам, воцарятся тишина и покой — покой, который передает равномерное движение волн.

ПО ИСТОРИЧЕСКИМ И СВЯЩЕННЫМ МЕСТАМ

Вечность преходящего

Священный праздник такого высокого уровня, как Балигиа, проводится не на каком-то особом месте, отличающемся знаменитым прошлым или уникальной архитектурой,— для него отводится временное место, и уже через несколько дней даже не верится, что здесь проходила значительная религиозная церемония. Это очень характерно для балийского мышления. Тем самым балиец подчеркивает не только неповторимость события, но и его преходящий характер. Возможно, столь необычное мышление связано, с одной стороны, с геологической структурой острова, который постоянно находится под угрозой извержения вулканов, ведь почти все на Бали несет на себе следы катастроф, а с другой стороны, с религиозным значением церемонии очищения душ, производимой во время Балигиа, поскольку в итоге оно не опирается ни на что постоянное и не создает ничего сущного.

А может быть, этот глубокий смысл скрыт в чертах балийской архитектуры? Кроме стен, ворот, башен и пьедесталов для богов, столетиями многое (например, залы для собраний и молельни) здесь создавалось из материала, не отличавшегося долговечностью.

Для балийца была бы непонятна идея точного воспроизведения храма после его разрушения, как, например, реконструкция многих церквей и соборов, проводившаяся в Европе после второй мировой войны. Ведь балиец придает значение не самому храму, а происходящему в нем священному ритуалу. Здесь речь идет не о материальных или архитектурных ценностях, ставших религиозными символами, а о духовных взаимосвязях, о мире религиозных представлений, которые находят свое великолепное, но весьма недолговечное выражение в богатстве красок и разнообразии форм жертвоприношений.

Каменные свидетели далекого прошлого встречаются на острове крайне редко. Мы можем посетить важнейшие из них во время однодневной поездки — ведь все они сконцентрированы в довольно небольшом районе южной части Бали, там, где свыше тысячи лет назад появилась и получила свое развитие древнейшая культура острова. Однако, когда мы говорим об этих свидетелях давно минувших времен, речь идет не о строениях, а о моголитах, о пещерном и рельефном искусстве. Свящать все эти произведения с точными именами и датами просто невозможно, поскольку на Бали в отличие от Китая не существует какой-либо хронологической основы и изображения исторически датированного. И в этом проявляется главная черта существования — отсутствие связи со временем, что и сегодня определяет ритм балийской жизни. Даты, которые балийцы устанавливают для своих праздников, отмечаемых ежегодно или раз в столетие, следует воспринимать лишь как следствие ритмических, а не хронологических факторов. В связи с этим о балийской культуре как культуре религиозной, вероятно, можно сказать, что она возникла из представления о вечности преходящего. Это касается жизни человека в ритме его земных рождений, круговорота сева и урожая, что приобретает особый смысл в отношении к главному продукту питания — рису. Это касается и последовательности праздников, а также связанного со всем предыдущим чередования загрязнения и культового очищения, что стало закономерностью балийской жизни.

Пещера Гоа Гаджа

Путь от Денпасара к историческим достопримечательностям юга острова — это одновременно путь в горы, в мир все круче поднимающихся вверх рисовых и фруктовых террас, представляющих собой впечатляющую картину интенсивного сельскохозяйственного использования земли даже там, где ее крайне трудно обработать.

За Денпасаром вдоль дороги, ведущей на северо-восток, отделенные лишь звеньями небольших кустарных предприятий деревни выстроились одна за другой в сплошную цепочку. С древних времен на Бали в каждой деревне имеется свое, присущее только ей традиционное ремесло, передающееся из поколения в поколение.

Так, в Батубулане, уже известном нам своим древним храмом Пура Пусех, украшенным статуями Будды, мы встретились с искусством каменотесов. Перед каждым домом сложены уже готовые изделия — множество рельефных украшений для храмов, фигур стражей и демонов, медитирующих будд — все, что балийцы охотно ставят в своих кампунгах. Недавно в Батубулане появилось второе ремесло — текстильное, а именно прядильное и ткацкое производство. В деревне изготавливаются прекрасные ткани для праздничной одежды, саронги, набедренные повязки, которые носят на всех праздниках, платки, шали.

Всего в трех километрах от Батубулана находится Челук, деревня, где обрабатывают золото, серебро и другие металлы и где с помощью самых примитивных инструментов из листа и проволоки создаются тончайшие металлические изделия, доставляющие радость не только туристам, но и равнодушным к украшениям балийкам.

За Челуком дорога круто поднимается вверх и через высокий мост пересекает речку Петану, проделавшую себе путь в глубоком ущелье сквозь нагромождение скал. Для балийцев Петану — это река, на которую наложено проклятие. Долгое время воду из нее даже не отводили на рисовые поля, ибо считалось, что она способна погубить урожай.

Это поверье берет начало от древних индуистских преданий. Еще сегодня на Бали рассказывают о войне между богами и демонами, в ходе которой князь демонов Майя Данави отравил воду Петану. После битвы мучимые жаждой боги выпили воды из реки и умерли. Лишь главный бог Индра, заподозрив недоброе, не стал пить и уцелел. Он вывел из земли священный ключ, воскресивший богов, и тем самым подарил им бессмертие. Можно предположить, что так возникла идея святой воды.

Потом вновь разгорелась битва, и предводитель демонов был ранен. Его кровь окрасила воду Петану в красный цвет. С тех пор река считается отравленной и заколдованной. Но могуществу демонов пришел конец. Еще и сегодня балийцы каждый год празднуют в честь этого события праздник Галуган. Несмотря на проклятие, наложенное на реку, этот район между Петану и текущей дальше на восток рекой Пакрисан начиная с XI века интенсивно заселялся. Здесь возник центр пер-

ного балийского княжества, оставившего письменные документы.

В плодородной местности между обеими реками развилась не только мирская жизнь. В долинах рек селились индуистские и буддийские монахи, которые использовали здешние пещеры для монастырей и отшельнических пустыней. До нашего времени остатки от них сохранились в районе Бедулу, в 30 километрах от Денпасара.

Прямо над одной из излучин Петану, намного ниже уровня сегодняшней дороги, в 1923 году была обнаружена пещера Гоа Гаджа (Слоновый грот), относящаяся к наиболее впечатляющим древностям, с которыми знакомит нас Бали. Т-образной формы, она углубляется в скалистые берега реки и имеет много ниш. Над входом висит свою сторожевую вахту до сих пор не опознанная голова какого-то чудовища с огромной пастью, мощной челюстью и широко расставленными глазами под выпуклыми дугами бровей. Вся фронтальная часть пещеры покрыта барельефом, символизирующим мировой хаос.

Если спросить простого балийца о возникновении и значении пещеры, он расскажет легенду о великане Кбо Ибо, который вырыл грот прямо в скале своими мощными ногтями, а затем создал голову демона, взяв за образец самого себя. Другие балийцы считают, что эта устрашающая маска принадлежит не демону, а ведьме, и думают при этом о вездесущей Рангде.

Голландский ученый Б. М. Гослингс связал барельеф с древнеиндийским сказанием. Он считает, что это голова Пасупати — божества вулканов, разрушительной эманации Шивы, который взорвал индийскую гору богов Махамеру и перенес на Бали обе ее части, ставшие Гунунг Агунгом и Гунунг Батуром.

Пещера с самого начала, несомненно, была шиваитским святилищем. В правой части ее на каменном алтаре находится тройственная фигура Шивы-Лингама, символизирующая духовное триединство индуистских богов — Брахмы, Шивы и Вишну. Слева восседает на троне Ганеша (сын Шивы и богини Умы) с головой слона.

Может быть, это изображение в пещере и дало ей название, а возможно, оно связано с более ранним названием Петану — Лва Гаджа, что означает Слоновая река. Однако, поскольку на Бали никогда не было слонов, это название еще раз свидетельствует об индийском

влиянии, и тем самым мы в конце концов возвращаемся к могущественному сыну Шивы — Ганеше.

В 1954 году напротив Гоа Гаджа было обнаружено святилище воды с шестью стоящими женскими фигурами. Каждая из них держит в руках сосуд, из которого вытекает струя воды. Объяснить значение этих фигур размером выше человеческого роста, изготовленных из туфа, вероятно божественных нимф, дарящих святую воду, весьма нелегко. Очевидно лишь, что это — древнее место священного омовения и жертвоприношения, которое со временем было забыто.

На противоположной стороне реки можно видеть уже упоминавшиеся остатки буддийских святилищ. Они являются доказательством того, что обе религии — буддизм и индуизм — долгое время мирно сосуществовали. Фигурам Будды, как и изображениям Шивы-Лингама и Ганеши, поклоняются и сегодня.

Недалеко отсюда, окруженный рисовыми полями, находится рельефный фриз Йех Пулу длиной 27 метров, обнаруженный в 1925 году при раскопках и датируемый значительно более поздним временем, чем Гоа Гаджа. Его относят к XIII столетию, что свидетельствует о непрерывности культурной традиции в этой части острова.

Большой барельеф Йех Пулу, как и Гоа Гаджа, имеет изображение Ганеши и, подобно многим индийским и яванским барельефам, несомненно, рассказывает нам какую-то историю. Но какую? В основе сюжета лежит сцена охоты на дикого кабана, выполненная с большим реализмом. Есть еще несколько сюжетов из балийской жизни.

Недалеко от Йех Пулу, в Кутри, высоко в горах, можно увидеть многорукое изображение матери князя Эрлангги — Махендрадатты, послужившей прообразом Рангды. В этих краях правил первый князь, который упоминается в надписях-указах. Так, из надписи на каменном столбе в Беланджонге вблизи Санура известно, что он из династии Кесари и имя его Вармадева. Относится надпись к 917 году. Можно предположить, что он был основателем балийской династии, из которой вышел правитель Дхармадаяна, более известный под именем Удаяна. Благодаря браку с восточнояванской принцессой Махендрадаттой, историческим прототипом Рангды, он установил связи Бали с Восточной Явой или по меньшей мере углубил их. Ответ на вопрос, вызвал ли начатый и проводимый им процесс яванизации, а также пре-

ращение прищессы в ведьму (пусть даже в легенде) недовольство в народе, вы вряд ли получите от людей, для которых история и легенда слишком тесно переплелись. Так или иначе, известно, что в период правления Дхармадаяны и Махендрадатты яванизация балийского двора усиливалась, что способствовало его отдалению от народа. С того времени при дворе все более утвердился совершенно непонятный простым балийцам старояванский язык — кави.

Магические ритуалы, заимствованные от индийского тантризма и с давних пор существовавшие на Яве, появились тогда и на Бали. И многие балийские народные обычаи, отражающиеся сегодня в религиозных церемониях, возникли именно в то время, если они не относятся к ритуалам каменного века.

Луна Бали

Барельеф Йех Пулу восходит, вероятно, к эпохе относительной независимости Бали от Явы, достигнутой благодаря правлению балийского князя Эрлангги, о котором известно, что в свои последние годы он переселился на Бали. Однако в XII веке правители династии Педженгов, имевшие свою резиденцию немного севернее Гоа Гаджи, воспользовались волнениями на Яве, чтобы еще раз выступить против яванского засилья. До 1284 года они правили сравнительно спокойно. Для Бали и его культуры это было весьма продуктивное время, что нашло свое отражение в первую очередь в успешном строительстве.

В 1284 году правителю княжества Сингасари на Восточной Яве — Кертанагаре — удается совершить поход против Бали и взять в плен раджу Педженга, после чего остров на некоторое время подпадает под власть Явы. Вскоре после этого на Бали вновь появились надписи-указы местных правителей, в которых отсутствуют какие-либо следы зависимости от Явы. В 1343 году подчинить Бали удалось княжеству Маджапахит благодаря действиям его военачальника и министра Гаджи Мады. То, что мы уже слышали как легенду о князе Педженга Беда Улу, имевшем голову дикого кабана, получает здесь историческую основу. Педженг — это место, где Бали потерял свою независимость от Явы, но в то же самое время и место, где родилась явано-балийская культура,

которая вскоре широко распространилась. В это время в Педженге было построено сорок храмов. Многие сейчас находятся в плачевном состоянии, что не слишком беспокоит живущих здесь балийцев. Состояние бронзового барабана, ценнейшего и, вероятно, древнейшего памятника балийской истории, который к тому же считается священным, хранящегося в храме Пура Панатаран Сасих в деревне Педженг, свидетельствует о небрежном отношении балийцев к своему прошлому, как и вообще ко всему преходящему.

Никого на Бали не интересуют возраст и художественная ценность этого уникального барабана, относящегося, по мнению некоторых ученых, к бронзовому веку, точнее, к донг-шонгской культуре. Но каждый балиец знает легенду о нем. Поскольку никто не может сказать, где был выплавлен барабан и как он попал на остров, балийцы рассказывают предание о том, что барабан — это упавшая на землю луна, которая в результате человеческого святотатства превратилась в барабан, называемый и по сей день Луна Бали. Когда-то было тринадцать лун вместо теперешних двенадцати и они управляли месяцами. Упав на землю, одна из лун повисла на высоком дереве. Она светила так ярко, что люди подумали: не иначе, как дерево загорелось. В эту ночь на всем острове было светло как днем. Свет мешал ворам делать темные дела. Тогда один из них взобрался на дерево и хотел помочиться на луну, но та взорвалась, убила нечестивца и, превратившись в барабан, упала на землю.

Этот гигантский барабан (или гонг) высотой выше двух метров и диаметром 1,6 метра снабжен тремя большими ручками. Его звучащая поверхность украшена орнаментом со звездой и «тимбаком» — символом копья. На барабане есть также изображения человеческих лиц с большими, широко открытыми глазами и с оттянутыми серьгами мочками. Стоит этот барабан на высокой решетчатой гробнице. Бронзовые барабаны-гонги встречаются на территории Индонезии не так уж редко. На острове Алор всего несколько десятилетий назад барабаны меньших размеров использовались в качестве валюты. Правда, другого барабана, равного педженгскому, на Бали нет.

Как древним балийцам он, вероятно, казался чудом, когда они рассматривали толстое литье, выполненное в технике «утраченной модели», и его великолепную фи-

турную и орнаментальную обработку, так и сегодняшним жителям Бали он представляется не меньшим чудом.

Вблизи храма Пура Пенатаран Сасих, куда люди приходят, чтобы почтить барабан, несколько лет назад нашли остатки формы из туфа, предназначенной, по всей видимости, для аналогичного барабана, хотя и меньших размеров. Это дает возможность предполагать, но ни в коем случае не утверждать, что Луна Бали был отлит на самом острове.

Гробницы Гунунг Кави

К северу от Пендженга мы вновь встречаем памятники XI века. Наряду с Гоа Гаджа они являются наиболее значительными на острове. От дороги, проходящей высоко над рисовыми террасами, спускается узкая, местами ступенчатая тропа, ведущая к каменным, вырезанным прямо в скале гробницам раджи Удаяны и его семейства, которые говорят о тысячелетнем влиянии яванской культуры на Бали. Никогда больше в истории острова не вырезали каменных памятников прямо в скалах, и не потому, что не умели — просто не хотели. В монолитных башнях, напоминающих восточнояванские чанди — святилища в честь усопших из династий Сингасари и Маджапахит, проявляется главенствующий дух правительницы Махендрадатты, происходившей из яванского рода.

На гробницах-чанди имеется надпись: «Оба моих сына». Можно ли предполагать, что один из них — Эрлангга? Балийцы рассказывают об этих гробницах легенду, похожую на ту, что относится к Гоа Гадже. Здесь также фигурирует великан Кбо Ибо, ногтями сотворивший гробницы прямо в скалах. Этот мир близок представлениям балийцев в отличие от явано-индуистского каменного мира, попавшего на его остров.

Справа от чанди находится лабиринтообразное святилище, видимо более древнее, чем чанди. Может быть, здесь жили монахи, охранявшие гробницы, поэтому правители после смерти охотно доверялись их попечению.

Недалеко от чанди Гунунг Кави находятся священные источники Тиртха Эмпул, которые извлек из земли бог Индра, после того как его противник, демон Майя Данава отравил реку Петану. Так гласит народное предание, благодаря которому эти источники стали местом паломничества, привлекающим сегодня тысячи посетителей.

Раньше деревня Тампаксиринг, к которой относятся священные источники, была тихим, спокойным местом. Но постройка первым президентом Индонезии Сукарно летнего дворца в горах над святилищем положила конец спокойствию. Злые языки утверждали, что он выбрал это место потому, что оттуда удобно наблюдать за купающимися балийками.

Сегодня у подхода к Тиртха Эмпул оборудована большая стоянка автомобилей. Слева и справа от дороги, ведущей к источникам, тянется непрерывная цепь лавчонок, где предлагают все, что может взволновать сердце туриста,— от вырезанной из кости танцовщицы, примитивных масок Рангды и изображений Гаруды до модного платья.

К стенам, окружающим источники с обеими священными купальнями для ритуального омовения (справа для мужчин, слева для женщин), ведут ступени через узкие ворота. Однако, прежде чем балийцы, раздевшись донага, входят в купальню, они совершают жертвоприношения у храма, обновленного в 1969 году.

Надпись на древнебалийском языке, обнаруженная несколько лет назад на священном камне, хранящемся в расположенной неподалеку деревне Манукая, гласит, что священные источники Тиртха Эмпул были открыты в 962 году, что соответствует периоду древнейшей династии на Бали. О дальнейшей истории этого места мы знаем совсем мало, да и то немногое густо сдобрено мифами и легендами, способствующими тому, что каждый балиец, входящий в купальни Тиртха Эмпул, убежден в освящающем и укрепляющем действии их воды.

Жители Манукая, одной из окрестных деревень, в ночь полнолуния четвертого балийского месяца приходят к источникам со своим священным камнем для ритуального очищения. Есть деревни, население которых раз в год приносит многие вещи домашнего обихода, чтобы с помощью святой воды освятить и благословить их, по-

сколько они верят, что через предметы благословение перейдет к тем, кому они понадобятся в наступающем году.

Это ожидание благословения, эта уверенность, передававшаяся из поколения в поколение, в целебном действии и помогающей силе Тиртха Эмпул и служат причиной того, что балийцы отовсюду спешат к нему.

Мир северобалийских храмов

Большинство прибывающих на Бали туристов руководствуются старым порядком, определяющим поездку по острову. Согласно ему экскурсия заканчивается в Тампаксиринге в полдень, с тем чтобы успеть пообедать в гостинице перед отъездом. Я не советую придерживаться этого порядка, а продолжить путешествие в совершенно другой мир, каким мне представляется северное побережье Бали. С трудом верится, что такой небольшой остров по своему ландшафту и жизненному укладу населения заключает в себе столько контрастов.

С самой высокой точки перевала взору предстает Гунунг Батур с его склонами, покрытыми затвердевшей лавой, и конусом, испещренным трещинами, из которого почти постоянно выбиваются тонкие струйки дыма. Под нами раскинулось озеро Батур, а по другую его сторону, на правом берегу, под крутыми стенами старого гигантского кратера, мы угадываем очертания Труньяна, одной из деревень бали ага, в которой мы уже побывали.

Последнее извержение Гунунг Батура произошло в 1963 году, когда случилось и последнее мощное извержение Гунунг Агунга. Храм, расположенный на склоне вулкана, при извержении был основательно разрушен. Постепенно он восстанавливается, но сейчас выглядит не так, как прежде. Громадные ворота, к которым поднимаешься по крутым ступенькам, не имеют теперь ничего общего с воротами балийских храмов, отличавшимися тонкими линиями и красотой форм. Кроме того, серые фасады этих северных храмов по сравнению с приятными по цвету краснокирпичными храмами юга острова создают впечатление сооружений из бетона. Однако балийца это не волнует. Для него важно, что храм снова живет, что он даже больше и, по его мнению, красивее прежнего.

Недалеко от Кинтамани на одном из поворотов дороги начинается крутой подъем к Пенулисану, стоящему высоко в горах, выше остальных храмов Бали, где наряду с многими древнебалийскими статуями находится скульптура царской четы — Удаяны и его жены Махендрадатты.

В ясную погоду отсюда открывается великолепный вид на вулканический ландшафт, простирающийся до самого северного побережья Яванского моря. К северу центральная балийская горная гряда круто обрывается вниз. Местность, в основном покрытая джунглями, много дней в году окутана дымкой и туманом. Лишь вблизи морского побережья пробивается солнце, открывающее ландшафт, совершенно непохожий на южнобалийский. Земля здесь не может похвастать плодородием. В этих краях также явно не хватает ярких красок южных деревень — кирпичного цвета храмов и общественных зданий, увитых сочной тропической зеленью. Основные тона севера Бали — серые. Из серого песчаника построены храмы, имеющие совсем иную структуру, чем храмы юга. Слева и справа от входа в один из наиболее известных храмов северного побережья — Пура Мадуге Каранг, посвященный богу Солнца и матери-Земле, возвышаются фигуры богов и стражей на поднимающихся вверх террасах, невольно напоминаящих скульптурное богатство барочных парков. Центральное святилище ориентировано на две главные молельни, двери которых закрыты. Крыши из гофрированного железа, появившегося здесь несколько лет назад, во многом снижают архитектурное достоинство и композиционную законченность этих построек. На некоторых рельефах, украшающих нижний фриз, отчетливо проступает то, что на остальном Бали лишь слегка заметно: включение настоящего в безвременье балийского существования. Балийцы уже несколько десятилетий изображают на храмовых барельефах вторжение современности в свой мир богов. Мы видим здесь автомобили, самолеты, корабли... Очень впечатляюще выглядит велосипед, переднее колесо которого напоминает двойную ваджру («громовое оружие Индры»), а заднее — розетку в виде стилизованного цветка лотоса. Фигура велосипедиста с обеих сторон обрамлена цветами, так что он похож на посаженную на велосипед индийскую фею Падмапани.

По дороге из Кубутабахана в Сингараджу, портовый город Северного Бали, расположен Сангсит, местечко, ставшее знаменитым благодаря одному из красивейших

и интереснейших храмов Бали — храму богини риса Деви Сри.

Храм напоминает хитросплетения европейского маньеризма. Стены центральной молельни украшены великолепным растительным орнаментом, арабесками, восходящими спиралями так, что сказочные существа и демоны, владеющие этим изображенным миром, выглядят как скульптуры, помещенные в лабиринт, заполненный буйно разросшейся растительностью. Два далеко выступающих дерева со змееобразными ветвями усиливают впечатление гротеска, к которому часто прибегают архитектура и скульптура на севере Бали.

Святылища моря

Балийские святылища в честь морских богов не имеют большого архитектурного значения. Они состоят из крытых рисовой соломой, скромных, но заметных издали благодаря своему местоположению кумирен. Как выдвинутые вперед форпосты в войне с наступающим врагом — морем с его мощными, бушующими волнами высятся они на скалах и громадных рифах, обеспечивающих им божественную сохранность от постоянно набегавшего штормового наката.

К северо-западу от Денпасара среди причудливых, подмываемых морскими волнами скал расположен Тапах Лот, до которого можно добраться лишь по очень плохой дороге. Хотя по своим размерам он небольшой, но относится к немногим общенациональным храмам острова. К нему балийцы совершают паломничество, чтобы принести дары страшным демонам моря. Один раз в год они стекаются сюда со всех концов Бали для большого праздника жертвоприношений, который должен умиротворить угрожающих благополучию острова злых духов и уберечь остров от опасных наводнений. Подалеку в неглубоких пещерах живут священные змеи. Свернувшись в черно-серебряный клубок, они таинственно мерцают в темноте своей чешуей. Во время приливов змеи оставляют убежище и уплывают на охоту в море.

На скале, круто обрывающейся в море с высоты почти ста метров, возвышается храм Пура Лахур Улу Вату. Оттуда хорошо видны сверкающие на солнце своей белизной известняковые скалы и бушующий прибой, который обглаживает их своими волнами. Улу Вату — это

самый южный храм острова, расположенный на полуострове Бухит (Беноа) с его скудным, местами похожим на степь ландшафтом. По своим очертаниям полуостров похож на уменьшенную копию Бали, с которым он соединен лишь узким коридором. Легенда рассказывает, что скала, на которой стоит Пура Лахур, была когда-то кораблем богини Деви Дану (хранительницы моря), превращенным в камень. Теперь богиня обрела покой здесь, на берегу Бали, чтобы стать хранительницей острова.

Так же как Танах Лот, Улу Вату входит в число шести общенациональных храмов Бали; отсюда ясно, какое значение придают балийцы власти моря и необходимости его умиротворения.

Общесалийский храм Бесаких

Бали в своей древней истории и во время господства голландцев был расколот на несколько мелких княжеств. Однако, несмотря на это, всегда существовало национальное самосознание балийцев, объединяемое большими праздниками и обрядами жертвоприношения, что в полной мере относится и к находившимся так долго в полной изоляции аборигенам острова — бали ага. Так, в 1978 году на празднике Балигиа в Амлапуре видели большую процессию празднично одетых аборигенов провинции Карангасем.

Для того чтобы массы людей смогли встретиться и провести обряды жертвоприношения и очищения, в княжествах существуют общенациональные храмы, два самых красивых из них находятся в древних княжеских городах Бангли и Менгви. Как и многие значительные балийские храмы, происхождение которых восходит к древнейшим временам, они имеют ступенчатую структуру. Особенность их просторных строений составляют многочисленные, поднимающиеся вверх башни богов, «меру» с черными крышами, самое большое число которых доходит до одиннадцати, причем каждая крыша имеет отношение к какому-то божеству, священной горе или высоким княжеским предкам.

Старые политические границы, бывшие условными уже во времена господства голландцев, даже в периоды войн не мешали формированию общесалийского, подкрепленного религией и ее ритуалами народного самосознания. Даже наоборот. Перелистывая страницы ба-

лийской истории, мы видим, что всегда были храмы и связанные с этими храмами большие праздники. В них принимало и принимает участие все население острова.

Среди общенациональных храмов, из которых пять находятся на Бали, а шестой — на маленьком соседнем острове черепах Серангане, наибольшее значение имеет главное и самое древнее святилище балийцев — Пура Бесаких, расположенное в восточной части острова на высоте около тысячи метров над уровнем моря, на южном склоне Гунунг Агунга и занимающее вместе со своими многочисленными отдельными комплексами большую площадь.

Общепалийский храм Бесаких наследует черты древнепалийского ступенчатого храма, образцы которого мы видели на склонах вулканов Восточной Явы. Правда, многое указывает на то, что место, где стоит Бесаких, считалось священным еще в доисторические времена, поскольку поклонение могущественным горам, таким, как Гунунг Агунг, никак нельзя признать характерной чертой лишь индуизма. Оно встречается как у буддистов, так и во многих племенных религиях. Их происхождение мы наверняка, хотя это исторически и не доказано, должны искать в мегалитической культуре, от которой на Бали остались, к сожалению, лишь немногие свидетельства. Там, где они имеются, не делается практически ничего для их изучения. Так, лишь недавно один швейцарский ученый обратил мое внимание на ряд пирамид из коралловых пород, расположенных на побережье в маленьком храме Санура, мимо которого ежедневно проходят сотни туристов, не удостоивая его вниманием. Своеобразие Бали, вероятно, и состоит в том, что остров, несмотря на увеличение количества туристов, отдает свои тайны постепенно и не до конца.

Храм Бесаких служит тому подтверждением. Балийцы называют его храмом-матерью. Никто точно не знает происхождение этого названия. Может быть, оно восходит к древним культам плодородия, а возможно, в основу его положена вера в исходящий отсюда, все соединяющий балииндуизм, высший принцип которого проявляется в возвышающемся над храмом Гунунг Агунге.

Но балийскому поверью, высший бог и самая высокая гора идентичны. Шива — как Махадева, главный бог, и Гунунг Агунг — как Махамеру, самая высокая гора, соответствуют друг другу. Местом их священного

отождествления и поклонения им служит для всего балийского народа Пура Бесаких.

Этот храм представляет собой комплекс из трех основных святилищ и многочисленных малых храмов, присоединенных к нему на протяжении столетий.

Некоторые из них посвящены семействам балийской древней знати. Четыре храма, расположенные непосредственно перед главным святилищем у старой дороги паломников, последний отрезок которой и сегодня верующим и иностранным посетителям приходится проделывать пешком,— лишь промежуточные звенья на пути к самому священному, имя которому — Пура Панатаран Агунг.

Первый из этих храмов расположен справа от дороги. Он называется Бангун Сакти («Пробуждение мистической силы») и посвящен дракону Антабоге. Слева за ним следует принадлежащий Махадеве Улун кулкул («Источник перезвона»). Следующий маленький храм справа построен в честь богини плодородия Батари Сри.

Когда последние остановки на пути паломников остаются позади, оказываешься перед круто поднимающейся высокой лестницей, ведущей к Чанди бентар («Храму мертвых»), к раскрытым пастежь средним воротам главного храма Пура Панатаран Агунг. Этот храм по индуистской цветовой символике представляет собой «белую середину» и посвящен Шиве и его ипостаси — Ишваре. Западный храм, Пура Бату Мадег («Храм стоящего камня»), который содержат князья Бангли, посвящен Вишну, и его символический цвет — черный. Пура Дангин Крегг, храм, расположенный к востоку от моста, содержится Карангасемом и посвящен Брахме, богу огня, который в более поздней индуистской мифологии превратился в бога-творца. Причиной тому, вероятно, древние представления о первоначальной стадии земли как об огненном шаре. Здесь же, в Бесаких, человек всегда находится рядом с этим раскаленным докрасна первоначалом, временами вырывающимся из недр Гуниунг Агунга: символический цвет Брахмы — красный.

Но не только начало и расцвет жизни манифестируются в этих храмах индуистской троицы богов, места для которых мы находим в центральном дворе главного святилища, но и уничтожение, смерть. Ведь Шива, почитаемый здесь во всех его ипостасях, представляет собой для верующего индуиста персонифицированный, обоженный, дуалистический принцип нашего существова-

ния. Он и создатель и разрушитель. Добро и зло исходят из одного источника, как жизнь и смерть. Распахнутые настезь ворота у входа к храму — это намек и на смерть. Своим названием («Храм мертвых») он напоминает храмы мертвых на Восточной Яве и Гунунг Кави на Бали и является прообразом бесчисленных кумирен и балийских деревнях.

Далее по пути наверх мы минуем ворота с перекрытием, за которыми находятся два строения с крышами, лежащими лишь на одном центральном столбе. Балиец называет их «бале онгкара». Онгкара по-балийски то же самое, что священный однослог АУМ из санскрита, который в заклинании-мантре символизирует триединство. «А» соответствует Брахме, «У» — Вишну и «М» — Ишваре, почитаемой здесь форме Шивы.

На главном дворе центрального святилища находится «саггар агунг» — место великой троицы, святого триединства Бесаких. Остальные боги собираются, согласно балийскому поверью, по большим праздникам в Бале Пусамухан Агунге, где они принимают жертвоприношения верующих.

В этом дворе дается также благословение и проводятся священные трапезы с богами и предками. В большом павильоне в левом заднем дворе располагается обычно священный гамелан, сопровождающий церемонии.

Наибольшее впечатление производят многочисленные башни богов меру с тремя, пятью, семью, девятью и одиннадцатью крышами, разбросанные по всей территории храма. Благодаря им Бесаких виден издали. Это самые крайние юго-восточные образцы на земле, древнейшие храмовые сооружения, называвшиеся в Индии каменного века «тумули» («каменные гробницы»). Наиболее значительные примеры таких сооружений — обнесенные лишь в нашем веке ступы, содержащие реликвии Гаутамы.

Они стали предшественниками таких более поздних сооружений, выстроенных по их подобию, как тибетский хортен, цейлонская дагоба и распространившаяся от Юго-Восточной Азии до Японии пагода. Меру наиболее простая, однако не менее впечатляющая разновидность этих молелен, которые вначале были местом хранения реликвий, а сегодня являются символами мистических будд или различных проявлений индуистских богов.

Сходство меру с хортенами и пагодами можно заметить, заглянув внутрь строений. Оно проявляется в структуре, которая нашла свое самое яркое выражение в Боробудуре, наиболее значительном буддийском храме на земле. Это сакральный квадрат, в который вписаны окружности. Такая фигура называется «мандала», важнейший объект медитации буддизма (махаяны), а также всех тангристских форм в буддизме и индуизме.

Путеводитель по Бали не дает полного представления о меру с их различным числом черных крыш, о значении исключительно тонкой дифференциации божественной символики, отражающейся в этих простых и тем не менее выразительных башнях. Так, стоящая на западной стороне верхней террасы меру с одиннадцатью крышами построена не в честь Шивы, как принято считать, а в честь Рату Маник Мекетела. Если спросить священнослужителей о задачах и значении этого божества, можно получить самые разноречивые ответы, так как имя бога, живущего в меру с одиннадцатью крышами, древнебалийское. Может быть, оно появилось в доиндийские времена и идентично древнему, магико-анимистическому божеству Гунунг Агунгу. У меру, сооруженной в честь Иды Сангхьянг Кубакара, девять крыш. Внутри ее хранится паланкин, который во время ритуальных процессов служит богам треном.

На предпоследней террасе главного святилища кроме многочисленных больших меру, из которых важнейшее — Рату Мас, место для богослужения в честь Дева Агунга, одной из придаваемых горе ипостасей Шивы, находится очень скромная меру, у которой всего три крыши. Она называется «кехен», и в ней хранятся реликвии храма — две деревянные доски, исписанные текстами, относящимися к XIV веку, к эпохе Маджапахита. Однако мистическое содержание текста с помощью перевода расшифровать не удалось.

Создается впечатление, что лишь немногие брахманские священнослужители в состоянии понять глубинную суть и тайны индуизма с его анимистическими и тантристскими вариантами. Разговор с ними о религиозных основах балийской жизни и ее многообразных традициях не может сдвинуться с мертвой точки и всякий раз теряется в лабиринтах схем, поясняющих сущность триединства Шива — Вишну — Брахма и местных островных богов, таких, как Деви Сри — богиня риса или Бома — дух-хранитель храмов.

Действительно, история и мифология балийского индуизма еще не написаны. Тот, кто отважится на это, должен будет прежде всего проанализировать сотни не переведенных до сих пор рукописей, чтобы хотя бы приблизительно понять сложность балийского пантеона и суметь интерпретировать его.

Даже об общебалийском храме Бесаких и его многообразных функциях в индо-балийском ритуале имеются лишь отдельные исследования, но нет резюмирующего изложения. Институту Хинду-Дхарма в Денпасаре, очевидно, стоило бы заняться этой важной задачей, тем более что такое исследование будет приветствовать не только этнограф или специалист по вопросам религии, но и каждый балиец, который хотел бы заняться изучением проблем происхождения и смысла своей религии. Ведь до сегодняшнего дня между религиозными действиями балийца и его пониманием значения этих действий существует большое расхождение.

Таким образом, и храм Бесаких в детальных взаимосвязях его мифологических функций остается местом нераскрытых тайн, что особенно отчетливо проявляется во время больших храмовых праздников, поскольку именно тогда внешняя церемония распространяется и на внутренние процессы, которые даже в своих редких словесных формах выражения, священных песнопениях, не дают объяснения относительно их взаимосвязей и детальных функций.

Это тем более достойно сожаления, что храм Бесаких — место важнейших религиозных церемоний, которые проводятся на Бали во имя общности населения острова. Существуют праздники, отмечаемые ежегодно, другие — каждые десять лет и, наконец, один, который бывает всего один раз в «балийском столетии». Название этого праздника, неизвестное большинству балийцев, — Эка Даса Рудра.

ЭКА ДАСА РУДРА 1979 ГОДА — ВСТУПЛЕНИЕ БАЛИ В XX ВЕК

Божественный космос

Говоря о празднике Эка Даса Рудра, мы касаемся святая святых балийского мифа — его магики-мистических обрядов. Если праздник отмечается всего один раз в столетие, общество, в том числе и жрецы, может забыть о нем или, пусть неумышленно, изменить порядок его ритуалов, поэтому празднование Эка Даса Рудры вновь и вновь можно сравнивать с чудом. На Бали он отмечался в феврале и марте 1979 года, и центром торжеств был храм Бесаких.

Официальной причиной праздника было вступление балийцев в их XX век, поскольку 29 марта 1979 года, согласно балийскому календарю, — первый день 1901 года. Предшествующий ему день был самым главным праздником и так насыщенного праздниками балийского календаря. Свыше 60 тысяч балийцев прибыли в этот день в Бесаких, чтобы принять участие в крупнейшем ритуале очищения страны, проводящемся на Бали с незапамятных времен.

Балийские анналы отмечают, что последний раз Эка Даса Рудра праздновался весной 1963 года. Здесь каждый спросит: каким образом на Бали из шестнадцати лет получают сто? Действительно, ответить на этот вопрос трудно даже образованному балийцу и жрецу-брахману. Согласно брошюре института Хинду-Дхарма, существуют две формы Эка Даса Рудры: одна строго связана со сменой столетий по балийскому календарю Сака; другая в отличие от первой называется Эка Даса Рудра Пенерегтег и считается праздником, который могут назначить священники в связи с особыми, угрожающими Бали или происшедшими на острове нежелательными событиями.

В октябре 1962 года, когда началась подготовка к Эка Даса Рудре Пенерегтегу, было много причин, чтобы провести большой ритуал очищения. Во время господст-

на голландцев этот праздник не отмечали, поэтому возникла необходимость с помощью одиннадцати властвующих космосом богов устранить беды и неурядицы, возникшие в результате колониализма и политической неразберихи первых лет после завоевания независимости, и очистить остров от всех дурных влияний того времени.

«Эка Даса» означает «одиннадцать» — в данном случае имеются в виду одиннадцать космических богов, которых заклинают во время Эка Даса Рудры. Один из них, Рудра, бог бури, свирепая ипостась Шивы, занимает особое место в ритуале праздника.

Именно связь с Рудрой позволяет определить, к каким далеким временам восходит в своей традиции этот праздник. Рудру мы находим в древнеиндийской мифологии, где он выступает как Ревущий, Страшный, Приносящий смерть — ипостась бога огня Агни, из которого в послеведийский период возник Шива, властелин индуистского пантеона.

К Рудре, видимо, относится и эпитет «Ужас стад», поэтому во время праздника его стараются умиловить многочисленными жертвоприношениями животных. Как бог бури, он повелевает ураганами и разрушительными приливами, постоянно грозящими острову, поэтому его умиротворение имеет особый смысл для балийца.

В древние времена говорили об одиннадцати Рудрах, страшных ипостасях Шивы, которых нужно было почитать и умиротворять демоническими жертвоприношениями. Таким образом, Рудра, выступающий в разных ипостасях, повсеместно простирается от зенита до надира — от небес до преисподней. Он — всеобъемлющий бог, включающий в себя и добро и зло. Страшным, гневным Рудра становится лишь из-за греховных деяний людей на земле, они и пытаются умиротворить его во время Эка Даса Рудры, стремятся добиться очищения для земли, преисполненной боли и греха. Им необходимо восстановить нарушенное равновесие между верхом и низом, между небесами и землей, между добром и злом.

Космическая система, находящаяся в Эка Даса Рудре свое впечатляющее проявление для верующих, основывается на уже упоминавшейся балийской символике чисел, разделяющей индо-балийский пантеон и управляющей ритмом жизни и праздников острова.

Ее основой является пришедшая из Индии «панча девата» — своеобразный компас богов. Он распределяет главных богов индуистского пантеона по направлениям

стран света и в центре всего ставит Шиву. Наряду с двумя другими высшими богами, из которых Брахма восседает на юге, а Вишну на севере, мы находим в панча девате еще две ипостаси Шивы — Ишвару и Махадеву. Они соответствуют востоку и западу и символизируют тем самым движение Солнца.

На панча девате, простом компасе богов, основывается «аста локапала» — система, состоящая из восьми богов и включающая в себя промежуточные направления — северо-восток, юго-восток, северо-запад и юго-запад. Боги появляются здесь исключительно как локапалы, хранители миров, с которыми мы встречаемся в индуистском и махаяно-буддийском пантеоне. Здесь мы и обнаруживаем впервые Рудру как бога юго-запада, который, как уже было замечено, будучи богом бури, является повелителем стихийных бедствий, часто обрушивающихся на остров. Поэтому балиец боится его во всех его естественных проявлениях и пытается с помощью жертвоприношений снискать его благоволение.

В аста локапале (восьмеричной системе) центр космоса остается незанятым. Шива в ней выступает не сам по себе, а лишь в своих различных ипостасях. Но если он все же занимает свое место в центре мироздания, то здесь уже речь идет не об аста локапале, а о «дева нава санге», представляющей собой полную систему взаимосвязей небесных направлений. Пространственной и тем самым универсальной космической системой дева нава санга становится в результате включения в нее зенита и надира, высоты и глубины, неба и преисподней, которые занимают соответственно Парамы Шива и Сады Шива. Тем самым собираются вместе одиннадцать богов, властвующих в Эка Даса Рудре. Именно их чествуют на празднике века в Бесаких, именно им предназначаются надлежащие жертвоприношения.

Из «панча ядњи» — пяти видов балийских ритуалов жертвоприношений, посвященных богам и предкам, душам умерших, священнослужителям и злым духам, основное внимание во время Эка Даса Рудры уделяется «бута яднье» — жертвоприношению злым духам, смысл которого — очищение острова, земли и космоса от всех пагубных влияний, преодоление зла, возвышение всех живых сил для лучшей, благородной деятельности и усиление жизненных сил каждого отдельного человека на благо целого, общего. Поэтому Эка Даса Рудра имеет главное значение для каждого балийца, хотя, как мне

удалось выяснить во время бесед, большинство жителей острова этого в полной мере еще не осознало.

Во время праздника в Бесаких приходят целыми семьями. Здесь сила привычки выше религиозного сознания, которого брахманам привить и развить в народе не удалось. Это считается одним из главных упущений в их воспитательной работе, преодолеть которое они пытаются сегодня. Тем удивительнее свидетельства слепого доверия и исключительной набожности, их невозможно поколебать, и балиец демонстрирует их и в будни, и в праздники. Пример того — поведение балийцев во время Эка Даса Рудры Пенергтега 1963 года.

Вулкан пробуждается

В XVI веке, когда южнобалийское княжество Гелгел достигло вершины своего могущества, придворный священник Дангхьянг Нирарта последний раз провел Эка Даса Рудру. Затем наступил период, когда влияние голландцев в Индонезии резко усилилось.

Создается впечатление, что в последующие столетия Бали все больше и больше охватывала летаргия, хотя значительные части острова еще не подверглись колонизации. Приходили в упадок традиционные виды ремесел, музыка, танец, падал напряженный ритм праздников. Именно европейцы (например, Вальтер Шпис) помогли балийцам уже в нашем столетии осознать и воссоздать их былое звучание, пробудить сознание к восстановлению нарушенных традиций. Таким образом, принятое в 1962 году балийскими брахманами Карангасема решение о проведении в следующем году Эка Даса Рудры является еще и следствием известного роста самосознания, которое прежде приводило к Ренессансу балийской живописи, резьбы, музыки и танцевального искусства.

10 октября 1962 года в Бесаких началась подготовка к празднику нового века, который уже несколько столетий не отмечался. Центральное событие праздника, большое жертвоприношение — Таур Эка Даса Рудра — было намечено на 8 марта 1963 года. В течение 1962 года проводились массовые сожжения, чтобы ликвидировать все захороненные на балийских кладбищах трупы и подарить богам очищенный от остатков мертвых остров, как того требует древний ритуал Эка Даса Рудры.

Несколько месяцев жители были заняты изготовле-

нием тысяч жертвоприношений, символов богов, больших рельефных изображений из рисовых зерен, имеющих прямое отношение к празднику и придающих ему подлинный блеск. Звероловы занимались отловом животных, предназначенных для жертвоприношений,— по одному экземпляру от каждого имеющегося на острове вида. В деревнях репетировали гамеланы и танцевальные группы, ибо их выступление на празднике считалось жертвоприношением богам, а они должны быть совершенными.

Однако затем произошло нечто неожиданное: 28 февраля 1963 года, в разгар подготовки к празднику, все отчетливо услышали дыхание Гунунг Агунга. Послышался подземный рокот, и над кратером блеснула ярко-красная вспышка. Вулкан, считавшийся потухшим, внезапно проснулся и начал выбрасывать огонь и раскаленную лаву, которая потекла по крутому склону.

В храме Бесаких в это время находилось 800 верующих, принесших жертвоприношения. Священнослужитель как раз совершал обряд благословения, окропляя их святой водой, когда почувствовал подземные толчки. «Это напоминало конец света»,— сказал он мне потом. Но балийцы даже не поднялись, не прервали молитву. Лишь усилились их обычно тихие и нежные голоса: они желали, чтобы боги, несмотря на издаваемый горой грохот, услышали молитвы.

Они видели, как раскаленная лава стекает по склонам, как все ближе и ближе подступает она к верхним террасам храма и к ним самим, стоящим на коленях. Еще было достаточно времени, чтобы спастись бегством от неминуемой смерти, однако такая мысль могла прийти в голову кому угодно, только не балийцу. Боги могли бы спасти их, если бы они того хотели.

И чудо действительно свершилось. Поток лавы, поглотивший и опустошивший значительную часть Восточного Бали, стоявший жизни многим тысячам людей, неожиданно раздвоился перед храмом и обогнул его, а дождь из пепла почти не повредил его территорию. Вера не покинувших храм паломников была вознаграждена. Ни один из них не стал жертвой разбушевавшейся горы, потребовавшей от всего Восточного Бали ужасную дань людьми, животными и плодородными землями.

Когда летом 1978 года мы вновь приехали на Бали, подготовка к Эка Даса Рудре, намеченному на 1979 год, уже началась. Повсюду горели башни, в которых сжигали трупы. Вовсю трудились жрецы. Злые языки утверждали, что этот праздник более всего нужен именно им, поскольку, участвуя в многочисленных дорогостоящих кремациях и в подготовке к празднику, они зарабатывают большие деньги. Некоторые во время кремации высказывали опасения, что Дурга, эта ненасытная богиня смерти, будет разгневана, не найдя на очищенной земле Бали ни одного мертвеца, и потребует от своего супруга Шивы в образе огнедышащего Гунунг Агунга снова послать опустошительное извержение. Высказывали свое мнение по поводу предстоящего праздника и наиболее здравомыслящие люди, считая, что он потребует огромных материальных затрат и затормозит развитие острова, которое по крайней мере на юге Бали в последние годы шло довольно быстрыми темпами.

Однако приверженцы традиции и на этот раз одержали верх. 27 февраля 1979 года состоялось торжественное открытие Эка Даса Рудры. День был определен по балийскому лунному календарю — день новолуния восьмого месяца. Происходившая в тот день церемония, называемая «пемалик сумпах», относится к ритуалам жертвоприношений злым духам. Она должна очистить остров, а также макрокосм и микрокосм — мир в целом и миры отдельных людей. На церемонию приехали брахманы и представители от каждой провинции и каждой деревни.

В это утро преобладал оранжевый цвет. Многие появились в нарядных оранжевых саронгах. Оранжевыми были даже некоторые машины, стоявшие на большой автостоянке на территории храма Панатаран Агунг. Верующие несли жертвоприношения и бамбуковые жезлы, украшенные свежей листвой. Все они поднимались наверх, к храму, где облаченные в белые одежды священнослужители принимали жертвоприношения и ставили их на длинные бамбуковые помосты.

В середине храмового двора перед помостом—«санггар таванг» — было положено жертвоприношение демонам, указывавшее на смысл этой первой церемонии. Одиннадцать маленьких молелен из бамбука показывали направления одиннадцати богов, которым на празд-

нике было все подчинено и которые, как сказал священнослужитель, осуществлявший ритуал жертвоприношения, находили свое выражение в Сангхьянг Видхи, высшем из всех существующих божеств.

Церемония проводилась одним буддийским и двумя шиваитскими жрецами, изготовившими два вида святой воды («тиртва гуру пидука» и «тиртва панглукатан»), которая наливалась в два больших глиняных сосуда и раздавалась главным представителям балийских провинций и общин, чтобы они смогли взять с собой немного этой воды, изгоняющей демонов духа. Каплями тиртхи панглукатан очищались храмы, дома и поля, в то время как тиртва гуру пидука была предназначена для людей, и, надо сказать, когда им доставалась хотя бы капля этой святой воды, они были безмерно счастливы.

Раздача святой воды по всему острову относится к важнейшим ритуалам праздника: тем самым весь Бали включается в магическое действие, происходящее в Бесаких. Бамбуковые сосуды — «суджанг», которые приносит с собой каждый представитель провинции или общины, — это своеобразное духовное послание, идущее из одной деревни в другую и сообщающее о том, что Эка Даса Рудра начался.

Вместе с получаемой каплей святой воды каждому верующему вменяется в обязанность в течение последующих сорока двух дней праздника самому совершить паломничество к Бесаких. Сегодня для большинства балийцев это означает поездку к храму на автомобиле в составе общины деревни или рода.

Наряду с этой важной для всего Бали главной церемонией первого дня проводятся две другие церемонии, связанные с долгой подготовкой к празднику и большим жертвоприношением животных, намеченным на 27 марта, — «гурупидука» и «матурпиунинг».

Церемония «гурупидука» проводится в честь одиннадцати богов, которым на празднике подчинено все и к которым присутствующие обращаются с просьбой простить проступки и прегрешения каждого, совершенные при подготовке к празднику и во время праздника, а также и то, что еще может быть совершено.

В ходе церемонии «матурпиунинг» осуществляются жертвоприношения богам и одновременно их просят разрешить жертвоприношение животных. Смысл этого разрешения в том, чтобы путем принесения в жертву на самом священном празднике на Бали даровать животным

новое, лучшее рождение, возможно, даже в виде человека.

С 27 февраля в течение сорока двух последующих дней на острове не должно быть никаких кремаций, чтобы не причинить вреда его очищению, стоившему огромных затрат. Поэтому умершего в этот период нужно быстро захоронить, а если он остается в доме, ни в коем случае не держать на специальном возвышении, куда обычно устанавливают гроб с телом для торжественного прощания, хотя, как сказал мне один брахманский священнослужитель: «Во время Эка Даса Рудры не умирают. Это было бы святотатством». Знал ли об этом молодой балиец, который 31 марта мчался на мотоцикле на большой скорости через мост и рухнул с него вместе с невестой, сидевшей сзади? Разумеется, между мыслями педанды и сегодняшней балийской действительностью — глубокая пропасть. Одна из целей института Хинду-Дхарма в Денпасаре и состоит в том, чтобы ее преодолеть. Способствовать этому могут и такие праздники, как Эка Даса Рудра, чему начинаешь верить при виде массы людей, направляющихся на праздник в Бесаких.

Утром 28 февраля в «сучи» — культовой кухне храма, как и все предыдущие дни, идут большие приготовления. Сучи состоит из двух частей — кухни, где готовят жертвоприношения и культовые блюда, и кухни для приготовления еды и напитков гостям праздника.

Во второй половине дня жрецы молятся Сангхьянгу Видхи. Эта особая церемония называется «негтеганг». Сангхьянг Видхи предстает здесь в своей женской ипостаси в виде богини риса и удостоверяет качество и чистоту всех жертвоприношений, чтобы обеспечить удобный богам ход праздника. Церемония производится перед открытыми дверьми увенчанной девятью крышами молельни древнебалийского божества Рату Кубакал, которое, кроме этого случая, не встретишь в балийском пантеоне. Здесь же он также подтверждает чистоту жертвоприношений.

Особенным очарованием отличается церемония, называемая «сунари», проводящаяся на третьей террасе главного храма. Сунари — это вид флейты, изготавливаемой из бамбука и издающей звуки от дуновения ветра. Крестьяне иногда ставят ее на рисовом поле в честь богини Девы Сри. Ветер извлекает из нее удивительные звуки, которые должны способствовать росту риса.

К Эка Даса Рудре в честь одиннадцати участвующих

в празднике высоких богов были сооружены одиннадцать сунари, над которыми четыре года трудился знаменитый старый мастер по вырезанию флейт Пак Панде, и теперь, когда дует ветер, эти единственные в своем роде инструменты издают таинственные, низкие звуки, которые чудесным образом варьируют, хотя человеческая рука не дотрагивается до флейт.

Последняя церемония этого дня касается определения места и размеров жертвоприношений, которые будут происходить здесь спустя месяц.

После 28 февраля, фактического старта Эка Даса Рудры, начинаются бесконечные хлопоты в храме. Между двумя новолуниями, февральским и мартовским, должна быть проведена основная работа по подготовке жертвоприношений к 27 и 28 марта. По ним определяют связанное с лунной значение праздника, главные церемонии которого проводятся в честь хтонических богов подземного мира, которые должны находиться в полном соответствии с урапическими небесными силами, так же как макрокосм и микрокосм, земля и человечество должны стремиться к примирению и равновесию.

Особенно подчеркивает хтоническое начало громадный, сделанный из бамбука храм у основания главного святилища Бесаких — «банчингах». В нем сооружены высокие, украшенные флагами и платками, цвет которых соответствует цветам одиннадцати богов, помосты-троны для спустившихся с небес и поднявшихся из глубины земли богов, различных по сути и влиянию. Этот временный храм является главным святилищем проводимого 28 марта жертвоприношения и благословения — Таур Эка Даса Рудры.

6 марта начались наиболее тонкие подготовительные работы. В них приняли участие сотни балийцев. В сопровождении проводимых жрецами церемоний они изготовляли бесчисленное количество окрашенных в разные цвета рисовых пирожных и фигур, выстраивая из них праздничные символические сооружения высотой до пяти метров. В последующие недели активность по подготовке к празднику приобрела неслыханный на Бали размах. Времени остается слишком мало. К 27 марта все должно быть готово. Вечером этого дня, когда первая основная церемония в главном храме подходила к концу, я видел, как многие балийцы закончили работу над большими рельефными изображениями из риса с мифическими образами и символическими фигурами из наре-

инного кусками и наколотого на вертела свиного мяса.

Подготовка к празднику проводилась не только в храме Бесаких. Почти на всех улицах городов и деревень устанавливали высокие бамбуковые шесты-пенджоры и украшали их кокосовыми орехами, цветами и пальмовыми ветвями — символами плодородия. Приблизительно на высоте одного метра на них или рядом с ними устанавливались подобия домиков или тарелки из бамбука для жертвоприношений.

Во всех деревнях гамеланы и танцевальные группы готовились к дню, когда они вместе со своими общинами отправятся в Бесаких. Ведь музыка гамелана и танцы — неотъемлемая часть любого балийского праздника, и, разумеется, Эка Даса Рудры.

Святая вода с Явы и Ломбока

На балийский праздник нового века не только приезжают индуисты из Индии, Юго-Восточной Азии и Явы, но и возвращаются домой на Бали те, кто давно ушел оттуда. Индианка привозит сосуд со святой водой Ганга, тиртхой Индии. Однако и сами балийцы отправляются в путь, чтобы раздобыть где-нибудь, например на Яве, святой воды. Это единственное в своем роде путешествие, которое подчеркивает самосознание балийских индуистов, представляющих собой исчезающее национальное меньшинство по сравнению с мусульманским населением Явы или всей Индонезии. В 1967 году я видел, как у Прамбанана, великого святилища индуизма на Центральной Яве, построенного в IX веке, балийский индуистский священник совершал жертвоприношение перед крошечной индуистской общиной.

12 марта 1979 года, в период девятого балийского полнолуния, балийские брахманы собрались для молитвы в Бесукате, у вулкана Семеру, расположенного в восточной части Явы. Они просили богов о том, чтобы те разрешили взять у Гунунг Семеру святую воду и отвезти ее на Бали.

Вместе с небольшой группой, ожидавшей их в полночь у края кратера, они взяли из священного ключа горы воду, которая считается духом бога горы Иду Бхатаро Семеру, предка гор Гунунг Агунга и Гунунг Батура, чтобы принести эту воду в Бесаких на Эка Даса Рудру.

Индуисты во всей Индонезии мысленно следят за совершением церемонии «мендак-тиртха». В храме Джагат Ната в Денпасаре в одно и то же время два хора «кидунг» поют священные гимны и совершают жертвоприношения, чтобы пригласить бога гор Иду Бхатаро Семеру на великий праздник в Бесаких.

В ходе этой церемонии закликают духов преисподней, которым приносят в жертву курицу. Высший жрец церемонии, Ида Багус Пемангку, неожиданно впадает в транс, что является для присутствующих подтверждением божественного присутствия Иду Бхатаро Семеру.

Тем временем на Восточной Яве процессия со святой водой возвращается в Бесукат. Затем жрецы в белых одеждах доставляют тиртху на Бали, а 24 марта — на великую церемонию в храм Бесаких.

Значение святой воды с Явы от Гунунг Семеру мы узнаем из древних текстов, относящихся к периоду Маджапахита. В 1979 году исполнилось ровно пятьсот лет, как государство Маджапахит было окончательно разрушено исламскими завоевателями, что сопровождалось переселением восточнояванской знати на Бали. Патих Саптаманала, первый министр последнего князя Маджапахита, тогда предсказал, что изгнанные индуистские боги вернутся на Яву через пятьсот лет. Поэтому брахманы Бали утверждали, что доставка святой воды от Гунунг Семеру, горы, которая, согласно мифу, вместе с Гунунг Агунгом и Гунунг Батуром образует братский союз богов, в 1979 году важнее, чем во все предыдущие времена. И для них это не просто символический акт, поскольку и ислам и христианство в последние десятилетия утвердились на Бали. Балийский индуизм имеет шанс на выживание и существование в течение продолжительного периода лишь в том случае, если он станет религией всего народа. Поэтому голландские власти в начале нашего века запретили на острове всяческую миссионерскую деятельность. Лишь после получения Индонезией независимости миссионерам было предоставлено право беспрепятственной деятельности, результаты которой, правда, видны не на всей территории острова, а лишь там, где и без них существовали наибольшие связи с внешним миром, — в Денпасаре, Сануре, Куте и прочих легкодоступных для иностранцев местах юга.

Святая вода к празднику доставляется не только с Явы, но и с Ломбока, с его самой высокой горы — Гунунг Ринджани. Если Ява, этот район происхождения

индуистско-яванских династий, все еще определяет балийскую культуру, то Западный Ломбок, как и прежде, находится под влиянием Бали, и многие жители западной части этого острова и сегодня чувствуют себя больше балийцами, чем ломбокцами. Многие ломбокцы прибывают на Бали к празднику Эка Даса Рудры, чтобы почтить одиннадцать высоких богов, общих предков и встретить новое столетие, которое теперь и здесь называется «двадцатым».

Жертвоприношение быков

22 марта в главном храме Бесаких совершается ритуал приглашения богов сойти на землю и занять свои места на тронах. Так начинается сам праздник. Спустя два дня во время церемонии, называемой «меласт», священная процессия относит символы богов к морю, где они подвергаются ритуальному очищению. В основе этой церемонии, видимо, лежит представление балийцев о том, что невидимым богам нельзя давать неочищенные жилища, а жилище духа, явившегося на праздник бога, находится в зримом символе.

Перед тем как принять участие в процессии к морю, обратимся к другой церемонии, которая, хотя и связана духовно с Бесаких и Эка Даса Рудрой, проводится в различных местах острова. Речь идет о церемонии принесения в жертву быка — «нгеед».

Происхождение этого анимистического по форме жертвоприношения, бесспорно, восходит к доиндуистским временам, и даже в балийской обстановке оно производит впечатление некоего реликта, пришедшего на Бали из глубокой древности, и, конечно, свидетельствует о неразрывной связи балийца со своими традициями.

24 марта в десяти местах острова произошло принесение в жертву быков. Подобное за последние несколько столетий ни разу не совершалось во время церемонии «пенгелем», смысл которой в очищении пяти различаемых балийцами первоэлементов — земли, воды, огня, воздуха и эфира.

Когда двумя неделями раньше над островом пронеслись страшные бури и море затопило деревни и дороги, многие балийцы были уверены, что Эка Даса Рудра, отмечаемый в 1979 году, вновь принесет несчастье, как это уже было в 1963 году. Причину они видели в том, что

Бали поглотили туризм и торговые дела и он уже не живет в ритме, предопределенном ему богами, а потому должен чувствовать их гнев. Однако вера балийца в благотворное влияние жертвоприношений столь велика, что он связывает свою единственную надежду на спасение от гнева с традиционным принесением в жертву быка на празднике Эка Даса Рудры.

Четыре быка соответствуют четырем странам света, уходящим в окружающие Бали моря, еще четыре — четырьмя озерам острова — Батуру, Братану, Буяну и Тамблингану. Кроме того, впервые предусмотрено принесение в жертву быков на краю кратеров Гунунг Агунга и Гунунг Батура. Вероятно, таким образом надеялись смягчить так страшно проявившуюся в 1963 году могучую силу бога вулканов всеобъемлющего Шивы и удовлетворить голод Дурги с помощью этих важнейших жертвоприношений.

Одновременно преследовалась цель с помощью десяти церемоний-нгеед очистить море, страну, озера, горы и небо — иными словами, все сущее, как его понимает балиец, и тем самым создать благоприятные условия для дальнейших жертвоприношений, прежде всего для большой церемонии очищения и освящения, которая 28 марта должна была собраться в Бесаких у подножия Гунунг Агунга почти всех балийцев.

В противоположность большому жертвоприношению животных 27 марта, которое открывает основную церемонию Эка Даса Рудры, десятикратное принесение в жертву быков — некровавое жертвоприношение. Быкам привязывают к ногам камни и живыми предают водам моря и озер.

Особенно сложна процедура жертвоприношения богу вулканов. Предназначенных для этого быков поднимают по узким, крутым тропам к краю кратера и после молитв, других жертвоприношений и окропления святой водой сбрасывают в кратер, чтобы умиротворить грозную, kloкочущую внизу стихию и удержать ее от разрушительных действий.

Большая процессия

24 марта 1979 года, когда на Бали происходило это страшное жертвоприношение, из Бесаких в трехдневный путь к морю (а затем и обратно) отправилась большая процессия.

Уже за два дня до ее старта жрецы храма вместе со своими помощниками начали одевать хранящиеся в Бесаких символы богов и готовить предметы ритуала к процессии, в которой вещам воздавались почести, как живым богам. Ведь одиннадцать богов, управляющих Эка Даса Рудрой, согласно вере балийцев, находятся как раз в этих символах, и в их честь намечена самая большая процессия из всех когда-либо существовавших на Бали.

Целью церемонии, связанной с этой единственной в своем роде процессией, называемой «мелести» или «меллис», является ритуальное очищение предметов, с которыми боги во время своего пребывания на земле вступят в соприкосновение. Наряду с этой церемонией проходит еще одна — «пекелем», при которой зачерпывают морскую воду и приносят ее в Бесаких в освященном бамбуковом сосуде «суджанге». Эта морская вода, «тиртха имерта», считается сущностью жизни и вместе с тиртхой из священных ключей, горных ручьев и озер — важнейшим элементом, обеспечивающим удачный исход Эка Даса Рудры. Создается впечатление, что в этом ритуале находит отражение магическое, идущее из глубины веков знание о значении морской воды для происхождения жизни вообще.

Утром 24 марта процессия с символами богов отправилась в путь к местечку Клоток, расположенному в 30 километрах от Бесаких на юго-восточном побережье Бали, вблизи Клункунга. Носильщики несли священные молельни, часть из которых была украшена деревянными куклами, а часть — головами змея Нага и символами мифической птицы Гаруды. Высший бог находился в ничем не украшенной, обернутой белой материей молельне. Над каждым из символов богов держали священные зонты. Несколько гамеланов сопровождали глухой, умиротворяющей демонов музыкой растянувшуюся процессию, к которой в деревнях присоединялись все новые и новые группы людей.

Вдоль всего пути на расстоянии 20—30 метров от дороги, как принято на Бали, стояли уже известные нам пенджоры — богато украшенные высокие бамбуковые шесты — символы плодородия и изображения Гунунг Агунга, которые вместе с жертвоприношениями должны были приветствовать высоких богов. Лежащие у их основания продукты, принесенные в жертву участниками процессии, предназначались для них же, чтобы они могли подкрепиться в дороге.

Час за часом все удлиняющаяся колонна сквозь пальмовые роши и рисовые террасы Восточного Бали продвигалась к побережью. На небе ни облачка, солнце безжалостно жгло людей, несущих тяжелые паланкины, флаги, священные зонты и инструменты. Неделю уже не было обычных в это время года ливней, которые хоть как-то освежают воздух. Кажется, прошедшие до этого ливни смыли все серые краски с декорации, и она стала теперь сияющим фоном чего-то единственного и неповторимого, проходящего перед глазами как сказка или чудесный сон. Трудно связать воедино переполненные улицы, пульсирующую, особенно активную здесь, на юге, современную балийскую жизнь, которую на первый взгляд вряд ли отличишь от жизни юга Европы, с этим расцвеченным чудесными красками миражем, который вдруг появился среди мотоциклов и автомобилей и, как нечто само собой разумеющееся, отодвинул в сторону все реалии современности. Во всем, что здесь происходило, проявлялся закон своеобразной субординации, существующий в балийской жизни.

— Почему мой мотоцикл,— сказал один молодой балиец,— должен разрушать мою веру? Будет ли у меня завтра мотоцикл, я не знаю. Боги же вечны. Без них нет жизни.

Все, что ни делают в долгие дни подготовки к празднику — плывут ли с предназначенными к жертвоприношению быками на середину озера или в открытое море жрецы, проделывают ли долгий путь к кратерам вулканов процессии, сооружают ли в поте лица временный храм из бамбука у подножия Бесаких люди,— все служит выражением наивного откровения: «Боги вечны. Без них нет жизни».

Поскольку балиец знает, что жизнь на его острове, которому постоянно угрожают стихийные бедствия, всегда находится в опасности, он делает все от него зависящее, чтобы преодолеть эту неуравновешенность сил, угрожающее превосходство зла и добиться согласия и равновесия между богами и демонами, между силами природы и порядком, между добром и злом, что означает также — между человеком и человеком.

В единстве со своими богами, которых они несут к морю на роскошно украшенных паланкинах, балийцы чувствуют себя защищенными и сильными. Лишь когда природа, заключающая в себе многообразные силы, полностью предоставлена самой себе, несчастья нельзя

умереть. Каждая процессия, каждый обряд жертвоприношения, каждое благословение, каждый процесс священного очищения — это маленький вклад в дело примирения сил, который повышает шансы человека на то, чтобы прожить, не зная горя и печали, и мирно умереть.

Лишь когда балиец остается наедине с самим собой, он чувствует себя несчастным. Когда он со своими богами, он уже не один. Поэтому балийцы никогда не устают от праздников и обрядов жертвоприношений. Они гарантируют приход богов на землю, во время которого можно чувствовать себя защищенным. Этим и объясняется живое участие жителей деревень в процессии. Чтобы быть довольным и счастливым, балийцу достаточно увидеть процессию, увидеть символы богов и с помощью жертвоприношения, пусть даже малого, заполнить их благожелательность.

В тот день церемонию очищения на побережье у Клотока предполагалось провести до наступления темноты, однако, поскольку подготовительные ритуалы затянулись, процессия вышла из Бесаких на два часа позже, около 10 часов, так что, когда, преодолев под палящими лучами солнца 30 километров, она наконец добралась до побережья, тьма уже спустилась, и время церемонии очищения пришлось сократить, ибо боги должны прибыть в храм Пура Панатаран Агунг в Клунгкунге незадолго до полуночи. Храм этот стоит на берегу моря под тысячелетними деревьями, в месте, которое, по мнению балийцев, достойно приюта богов. Храм очень старый, и лишь богатое убранство ветвями и цветами отвлекает внимание от его ветхости. Именно ветхое, несовершенное, отражающее извечный ход жизни, наиболее приемлемо как для балийца, так и для его богов и обнажает в своем постоянном изменении то, что житель Бали воспринимает как самый большой жизненный импульс — попытку сглаживания противоречий между вчерашним и сегодняшним днем, между добром и злом, между противодействующими силами, между жизнью и смертью.

Балийцы не допускают мысли, что можно строить на века, а идея возведения самому себе, как личности, памятника кажется им дикой. Протяженность времени балийцы ощущают в постоянном повторении одного и того же, что на самом деле вовсе не является в точности одним и тем же.

Недалеко от Пура Панатаран Агунга живут последние потомки князей Клунгкунга. Как и сопровождав-

ший нас принц Бангли, они не имеют больше никакой власти, их состояние растаяло, однако в своем собственном сознании и в представлении народа они остаются представителями определенного политического порядка, который еще и сегодня выразительно демонстрируется брахманами в подобные праздничные дни.

При этом все, что составляет Эка Даса Рудру и другие большие праздники, не передает сущности праздника. Здесь нет ни точно установленного распорядка, ни ослепительного великолепия. Нет и людей, которые выпячивали бы себя на первый план. Даже самые высокие священнослужители в своих великолепных черных и красных тиарах сидят в низких молельнях, так что их едва видно окружающим, и тихо ведут свое богослужение, являя собой образец скромности. Их помощники в белых одеждах хотя и выглядят намного импозантнее, но подчеркивают, что все делается ими во имя священного обряда. Они полностью погружены в собственные мысли, их действия сконцентрированы только на богах.

Ночь в храме Клунгкунга длится недолго, а с рассветом процессия вновь отправляется в путь, чтобы преодолеть следующий, на этот раз сравнительно короткий путь, ведущий в горы к маленькому, внешне ничем не примечательному, но тем не менее очень важному храму, служащему местом пребывания богов, — Пура Табола в Сидемене.

В отличие от старого княжеского города Клунгкунга с его прекрасным водным дворцом и знаменитым залом суда, где впечатляющие картины изображают преступления и способы наказания, Сидемен — это маленькая деревня, ничем не отличающаяся от тысяч других. Древняя связь местечка с общебалийским храмом Бесаких предоставила ему особую честь принимать на одну ночь одиннадцать богов в своем расположенном на краю деревни храме.

Уже около полудня 25 марта мы добрались до Сидемена. Впереди несли старые флаги. Процессия с богами и символами, сопровождаемая отгоняющими демонов звуками гамелана, спустилась через рисовые террасы по боковой улице к храму, куда затем под приветственную музыку и ведийские гимны торжественно внесли богов.

В молельнях точно определены места богов. После того как носильщики паланкинов поднялись по крутой лестнице к храмовому двору, встречающие жрецы подвели их к подготовленным для отдыха богов местам, на ко-

горые они осторожно опустили свой священный груз, строго соблюдая порядок ритуала.

Гамелан играл непрерывно, поскольку его музыка, по представлениям балийцев, ласкает ухо богов. Исполняемые одним из жрецов приветственные гимны также способствовали хорошему самочувствию богов и тем самым, разумеется, их ожидаемой благосклонности к людям. Множество женщин и девушек из Сидемена и его окрестностей пришли сюда с жертвоприношениями почтить богов. Они толпятся вокруг молелен, в которых боги проведут ночь, и поют приветственные гимны.

Поскольку в дни Эка Даса Рудры стояла исключительная жара и задержка в первый день чуть было не привела к срыву намеченного хода процессии и тем самым всего праздника, на этот раз жрецы долго не задерживались в Сидемене и уже в час ночи отправились вместе с символами богов назад, в Бесаких.

Подобно ночным призракам, люди в сопровождении звуков гамелана совершали последний этап долгого пути. Здесь, в горах Бали, дороги не освещены. Многие деревни еще живут без электричества. Лишь отблеск керосиновой лампы вспыхивал на лицах носильщиков и на золотых украшениях паланкинов. Приближалось новолуние, а пока местность, несмотря на сияющее звездное небо с его Южным Крестом, тонула во тьме, что усиливало страхи балийца перед ночными опасностями. Наверное, поэтому участники пели заклинания против демонов, угрожающих всему хорошему и предпочитающих действовать в темные, безлунные ночи. Но балийцев в пути защищали качающиеся на ветру пенджоры, сопровождавшие процессию на всем ее пути.

Первые лучи солнца заиграли на затянутом дымкой силуэте Гупунг Агунга, который давно уже был виден, однако каждый балиец знает, что эта близость горы богов — оптический обман. На самом деле до храма Бесаких оставалось не менее трех часов ходу. Извивающийся змеей серпантин дороги то поднимался, то опускался. Первые паломники называли этот последний отрезок пути к общебалийскому храму преисподней, ибо измученным людям кажется, что ему не будет конца.

Но вот открылась знакомая картина — большие ворота и башня-меру с черной крышей, освещенная светом с противоположной, восточной стороны острова, над которой возвышается священная гора.

Когда процессия прибыла в святая святых Бесаких,

богов под пение и звуки гамелана отнесли на свои места, где они как повелители и одновременно гости людей будут находиться во время праздника.

Большое кровавое жертвоприношение в Бесаких

Не перестает удивлять живущая на Бали и сегодня вера человека в живых, но невидимых богов, которые время от времени приходят к людям и находятся среди них, что хоть и нельзя узреть, но можно ощутить. Вероятно, человек желает этого соединения с невидимыми силами, чтобы справиться с невзгодами своего существования. Исходя из подобного представления и следует рассматривать балийский пантеон и его тесное переплетение с человеческим миром во всех формах проявления. Боги Бали — это грани надежды; демоны Бали — грани страха.

27 и 28 марта 1979 года отчетливо проявилось то, что означает для балийца противостояние двух миров, которое он пытается как-то сгладить средствами своей религии. Эка Даса Рудра — одно из таких средств, попытка примирить между собой прошлое и настоящее, смерть и жизнь, страх и надежду и таким путем сделать существование более легким, более приятным и, возможно, более счастливым.

Пути, которые выбирает преданный своей вере балиец, нам непонятны и кажутся даже пугающими. В любом случае они последовательны и свидетельствуют о неумолимой логике в оценке трансцендентных взаимосвязей, проявляющихся не только в индуизме, но и в буддизме. Человек поставлен здесь в систему соотносимых понятий, от которой он не может отойти даже в случае смерти, служащей выходом из одной формы существования и переходом в другую, определяемую предыдущей жизнью.

Неизбежность — одна из сторон балийской жизни. Однако в отличие от ислама, который полностью смиряется с неизбежностью, определяемой словом «кисмет» («судьба», «предопределение»), здесь как для отдельного человека, так и для общины признается возможность постоянно влиять земными человеческими действиями на внеземную сферу. Так возникла схема индо-балийской веры. Она базируется на нескольких основных

образцах поведения, которым подчинено балийское существование во всех его формах проявления.

— Наша жизнь состоит из жертвоприношений и благословений. Этому круговороту мы посвятили себя,— так утром 27 марта 1979 года, сформулировал философию, балийской веры один брахман, объясняя нам, европейцам, наиболее трудное для нашего понимания событие Эка Даса Рудры. Жертвоприношения и благословения, иными словами, готовность отдать и принять — вот credo балийской жизни.

Тот, кто родился, рожден заново под влиянием своей предыдущей жизни. Представление о некоем спасителе, как учит христианство, не относится к балийской картине мира. Спасения как такового здесь не существует. Не находит места в балийской религии и мысль о буддийской нирване. Здесь имеются лишь пути вверх и вниз, путь на небеса богов и путь в низшее, животное состояние, подняться из которого и родиться заново человеком можно с большим трудом. Но такая возможность имеется, существования без всякой надежды нет. Не исключено, что эта мысль легла в основу ритуала принесения в жертву животных. Этот суровый ритуал, свидетелями которого мы стали 27 марта, берет свое начало в доиндуистской истории острова. Жертвоприношение, как объяснил нам, делается с одной целью: дать приносимому в жертву животному возможность родиться заново, и на этот раз человеком.

Таким образом, не бесчувственность и жестокость и не страх перед собственной бедой служат причиной принесения человеком в жертву животных, а лишь мысль о возвышении всего живущего, сглаживание противоречий между верхом и низом, между надеждой и сомнениями, между богами и демонами. И все же это большое жертвоприношение, «мапепада»,—по сути дела, жертва злым духам и демонам, подземным силам, влияние которых должно быть ограничено и приведено в равновесие с силами добра.

Не одну неделю охотники на Бали и соседних островах старались поймать и доставить в Бесаких по экземпляру всех видов животных, встречающихся в Индонезии. И вот утром 27 марта 1979 года на кухню храма было доставлено свыше шестидесяти животных — лишь незначительная часть фауны.

Опасные животные, такие, как тигр и крокодил, находились в деревянных ящиках; олень и антилопы были

заперты в клетках; крупный рогатый скот стоял привязанный к деревянным столбам; кошка и собака мучились на коротких поводках; свиньи визжали, привязанные за ноги к бамбуковому шесту; прилетевший из Австралии орел рвался на волю, делая отчаянные попытки улететь,— увы, цепь крепко держала его за ногу.

Храмовая кухня превратилась в своеобразный зоопарк, обитатели которого в муках проводили здесь свои последние часы. Преисполненный страха взгляд антилопы, лежавшей в клетке, придавленной бамбуковой решеткой, выражал то, что и должен выражать взгляд пойманного, лишенного всякой возможности двигаться животного. Однако балийцев, поглощенных изготовлением украшений для храма и жертвоприношений, это не очень трогало, ибо им все это видится в ином свете. Для них последние мучительные часы животных — время перехода в другую, лучшую, счастливую жизнь. Ведь они рассматривают пойманных и ожидающих своей участи животных как самых привилегированных экземпляров вида, ибо они не только получили возможность участвовать в величайшем празднике века, но и смогли извлечь из всего этого неслыханную пользу для своего будущего существования. Им предстоит самое прекрасное, что только может представить себе балиец: стать человеком на этом острове.

Уже рано утром 27 марта сотни машин и прочих видов транспортных средств прибывали на большую автостоянку, расположенную на площадке ниже храма. Час за часом бесконечные вереницы балийских женщин, несущих жертвоприношения, поднимались к храму. Слышны были шарканье их шагов, тихая речь, прерываемая резкими голосами, звучавшими иногда из громкоговорителя организационного комитета, который разместился в специально оборудованном для этого павильоне. Там же мы облачились в саронги и повязались набедренным поясом, чтобы иметь возможность принять участие в церемониях.

На центральном командном посту огромного предприятия все планируется, как в генеральном штабе, и хотя проходит с определенными трудностями и задержками, но согласно ритуальному предписанию. Кажущаяся туристу вольной балийская жизнь на самом деле подчинена строгому распорядку, включена в систему координат магических ритуалов, которым они следуют неукоснительно.

27 марта 1979 года к восходу солнца в Бесаких на маненаду собрались тысячи людей. Они поднимались вверх по улице и затем по покрытым белой материей крутым лестницам к Воротам смерти и, проходя через них, вступали на территорию Пура Панатаран Агуига, где жрецы принимали жертвоприношения, освящали их и окропляли паломников тиртхой. Сотнями они становились на колени в алтаре — святая святых Бесаких. Когда жрецы пели свои заклинания, пришедшие поднимали сложенные над головой ладони, повторяли жесты с цветками, зажатыми между средним и указательным пальцами, пребывая в молчаливом благоговейном раздумье, затем забирали обратно свои жертвоприношения и, не глядя на происходящие рядом обряды, спускались вниз, выходили из храма и после короткого пикника уезжали домой. Таким образом, внешние рамки праздника как бы составляли исполняющие роль статистов бесчисленные массы жителей Бали, придающих ритуалу значение, фон и авторитет.

Наряду с элементом постоянного движения здесь присутствовали и статические элементы — гамелап, помощники жрецов и множество светских помощников. У всех у них была в ритуале определенная миссия, и они терпеливо ждали своего часа, потом их сменяли новые группы. Все это совершалось в безукоризненном порядке, как хорошо подготовленный спектакль театра марионеток, как представления ваянга, заполняющие время между поздним вечером и утренней зарей: праздничные дни в Бесаких, в соответствии с балийским ритуалом, не дают участникам никакого перерыва для отдыха.

В священной кухне, заполненной криками животных, в это время заняты приготовлением последней пищи для подготовленных к жертвоприношению животных, которым она должна помочь родиться заново и обрести желанную, человеческую жизнь. Жрецы делят животных по их мифическому местоположению, чтобы отметить соответствующими цветными платками. Так, белая корова, как священное животное высшего бога, получает белый платок Шивы, орел — черный платок Вишну, поскольку, согласно индуистской мифологии, Вишну летал на сказочной птице Гаруде. В соответствии с цветом платка животным определяется место, на котором они должны умереть после совершения трех кругов вокруг храма.

По громкоговорителю дают указания по формирова-

нию процессии, которая теперь на кухне храма получает свою, определенную ритуалом очередь. Так, в отдельные группы собрались носильщики тигра, крокодила и змей; те, кому предстоит провести вокруг храма крупный рогатый скот, лошадь и четвероногую дичь; те, кто понесет клетки с птицами, сумки с мелкими животными и насекомыми. Здесь из корзины достают роскошного павлина, там ведут собачку или из клетки выпускают дикую кошку и надевают на нее поводок. Возня, которая со стороны напоминает скорее рынок, где торгуют животными, чем священный обряд, занимает все предполуденное время.

Громкие удары гонга отделяют одну часть церемонии мапепада от другой. Их всего четыре. О первой уже сказано — это определение соответствующего животному цвета и последующее разделение их на группы. Она уже закончена. Во второй части животных в порядке очередности вводят в большой центральный двор храма Пура Панатаран Агунга, и жрецы окропляют их специально предназначенной для этой церемонии тиртхой. Теперь животные готовы для великого освящения, осуществляемого двумя жрецами и сопровождаемого пением и жертвоприношениями, причем животных ритуально очищают и кормят кусочками жертвоприношений. Священный обряд сопровождают звуки гамелана.

В третьей части церемонии процессия со всеми предназначенными для жертвоприношения животными совершает троекратный обход вокруг главного храма. Два жреца шагают впереди и ведут одетого в черное и красное представителя корпорации «панде» (кузнецов), который обеими руками держит обнаженный меч для совершения обряда. Его ведут потому, что часто при таких обрядах эти главные исполнители, придя в состояние транса, падают. И кузнец, который сегодня выступает в роли палача, не столько идет, сколько плывет впереди своих жертв, производя впечатление глубоко погруженного в себя человека. Когда процессия из-за непривычных для животных крутых лестниц, по которым их ведут, время от времени приостанавливается, сопровождающим приходится силой удерживать его на месте. Священный меч, который он держит, принадлежит к самым древним реликвиям Бесаких, хранящимся в Пура Рату Панде.

За кузнецом несут покрытый белой материей символ душ всех животных, приносимых сегодня в жертву.

С этим символом для балийца связано желание возрождения на более высоком уровне.

Непосредственно за мужчиной, несущим символ душ, следует бык, которого ведут для кровавого жертвоприношения. Это одиннадцатый бык, если считать десятых, принесенных в жертву на море, в озерах и в кратерах вулканов. На нем белая попона (цвет Шивы). Он, одиннадцатый представитель своего вида, как бы принял это магическое число. Одиннадцать быков для одиннадцати проявлений высшего божества — Сангхьянг Видхи, а также для священного триединства — Шива, Брахма, Вишну — и, наконец, для одиннадцати Рудр. Все это показывает, как глубоко укоренился в сознании балийцев высокий смысл этой процессии, внешне мало похожей на священную. За быком следует гамелан, отбивающий дикие ритмы, которые выражают заключительный аккорд этой процессии — сознание неизбежной смерти и новое рождение.

Трижды, слева направо, и каждый раз поднимаясь по покрытой белой материей лестнице к главному святилищу, процессия огибает центральную часть храма. Над важными по своему мифологическому значению животными — белой коровой и орлом — во время процессии несут священные зонты, которые должны подчеркивать разницу между безымянными созданиями и существами, связанными с богом. После третьего круга, центром которого был святая святых — алтарь в Пура Пантаран Агунге — кузнец «убивает» всех бывших в процессии животных, символически занося над ними священный меч. Это должно еще раз показать богам, что торжественно введенные в храм животные принесены в жертву в соответствии с ритуалом очищения и этих животных, и всех, участвовавших в ритуале, и сделать возможным для них новое, желанное рождение.

После этого символического умерщвления животных доставляют к месту жертвоприношения, и теперь начинается четвертая, наиболее важная в Эка Даса Рудре часть церемонии мапепада. В соответствии с богами, с которыми связаны разные виды животных, определяются места жертвоприношений внутри храма и вокруг него. Восемь небесных направлений, центр, а также зенит и надир являются установленными священным космосом Шивы местами, где должны состояться жертвоприношения. Поэтому, чтобы подтвердить соответствие Эка Даса Рудре и одиннадцати богам, животных, которых будут

приносить в жертву вокруг храма, делят на одиннадцать групп. Белой корове, гусю и утке отведено место с восточной стороны храма, пестрой корове — с южной, собаке — с юго-западной, быку — с западной, антилопе — с северо-западной, лошади — с северо-восточной, обезьяне и орлу — с северной стороны — это все направления Вишну.

Животных, приносимых в жертву во внутренней части храма, также делят на одиннадцать групп: птицы — на северо-востоке, рептилии — на западе, рыбы — на севере. Жукам определен зенит, мухам и другим летающим насекомым — центр, змеям — надир и т. д.

Надо сказать, что форма принесения в жертву животного здесь иногда лишена ожидаемого священного достоинства. Так, двухметрового крокодила, заключенного в деревянный ящик, относят к «джанди бентар», распахнутым воротам, символизирующим место смерти и тем самым путь в новую жизнь, и, не открывая ящик, начинают исступленно тыкать острыми железными прутьями в отверстия. Приблизительно так же выглядит принесение в жертву тигра. Мы наблюдаем не укладывающееся ни в какие рамки, лишенное всякой религиозной торжественности действие по убою животных, которое полностью выпадает из общего, носящего торжественный характер праздника нового века. Здесь не чувствуется даже атавизма, дикости и первобытности, которые могли бы проявиться в сохранении и воспроизведении жертвоприношения такого числа животных. Человек у громкоговорителя отдает распоряжения, и команда палачей, которым уже безразличны таинство и культовое содержание ритуала, хладнокровно осуществляет убийство.

Вызывает сомнение, нужны ли подобные реликты в столь изменившемся окружающем мире. Тот, кто сегодня на Бали носится по улицам на мотоцикле, не испытывает тех чувств благоговения и трепета перед окружающим миром, которые испытывал его предок, живший в ритме природы и в постоянном общении с животными. Прежде жертвоприношение было продуманной и взвешенной частью всей жизни, которую сегодня нельзя воссоздать даже с помощью праздничного великолепия Эка Даса Рудры и подобных больших празднеств.

Именно принесение в жертву животных в Бесаких сделало это несоответствие, это нарушение единства мироздания, называемого Бали, таким очевидным. Если некоторые из жертвоприношений, например принесение в

жертву белой коровы, орла и антилопы, проводились в полном соответствии с древним ритуалом, причем выполнявший жертвоприношение полностью осознавал, что совершает ритуальный обряд, то сцены бойни не имели ни малейшего отношения к первоначальному значению обряда. Только расчленение жертвенных животных вновь проявляет древний смысл жертвоприношения. Шкуру аккуратно снимают и раскладывают вместе с головой и ногами, как будто животному еще раз хотят придать его прижизненную форму. Балиец называет эти сложенные, повторяющие очертания животного части «винанган урип». Мясо нарезают на мелкие куски и используют для других жертвоприношений богам, связанным с мапепада. Так, перед бамбуковым храмом у основания Бесаких выставляют принесенную в жертву свинью. Над головой как бы смотрящей вниз свиньи образуют из шампуров подобие звезды. На шампуры накладывают кусочки свиного мяса, символизирующие ушедшую жизнь.

Таур Эка Даса Рудра

28 марта 1979 года храмовая гора Бесаких стала своего рода кулисами одной из наиболее значительных церемоний — Таур Эка Даса Рудры, праздника нового века, который проводится у основания храма в сооруженном специально для этой цели бамбуковом храме, называемом «банчингах», размером пятьдесят на пятьдесят метров. Банчингах — это архитектурный образ божественной «системы одиннадцати», лежащий в основе Эка Даса Рудры. Каждый из приглашенных на праздник богов имеет в банчингахе свое место, определенное в соответствии с его небесным направлением и убранное тканями, соответствующими его цвету.

Слева от входа стоит павильон, построенный из нескольких бамбуковых свай, с крышей, сложенной из листьев. Ранним утром 28 марта в этом павильоне красочными танцами открывается пестрый альбом балийской истории. Музыка ударных и смычковых инструментов, сопровождающая танцы, не похожа на знакомое звучание балийского гамелана, а скорее напоминает китайскую оперу: голоса танцоров, пением сопровождающих свои грациозные движения, уводят вас мысленно к традиционным песнопениям Срединного царства, с кото-

рым Индонезия на протяжении столетий поддерживала культурно-экономические контакты.

В празднике Эка Даса Рудры, в его временном пристанище банчингахе, действительно нашло свое непосредственное выражение то, что исстари свойственно балийцам,— чувство объединенного творчеством сообщества, единого всегда — в беде и радости, в добре и зле. Здесь есть основания вспомнить о брахманском мифе сотворения, о Праджапати, от которого, согласно индуистской вере, берут свое начало все зачатия, рождения и возрождения, короче говоря, все формы существования на земле. Это означает, что в своей ипостаси Ваджрапати, бога огня, вместе с землей он создал воздушное пространство и ветер, вместе с ветром — небо и неразрывно связанных с добром богов неба, адитьев, которые в конечном счете создали луну, звезды и вселенную. Подобно тому как множатся в этом мифе творения адитьев, представители морального мирового порядка, носители добра, так из других соединений возникают восемь Васу, небесных богов, и одиннадцать Рудр, созданий, существующих между небом и землей.

Праздник непосредственно связан с древнеиндийскими представлениями о круговороте жизни — зачатии, рождении и перерождении. То, что относится к Рудре, бесспорно, имеет свою основу в уже давно сформировавшемся дуализме этого божества, которое, подобно более позднему Шиве, повторяет доброе и злое и способно как на благодеяния, так и на уничтожение.

Рудра является олицетворением балийского представления о жизни и сплетении всех ее обстоятельств в одну систему добрых и злых сил. Эка Даса Рудра в связи с этим может рассматриваться как праздник-объединение всех содержаний веры, мыслей, представлений и надежд народа в священном, помогающем балийцам и всему миру обряде основополагающего значения.

Религиозно-исторический экскурс представляется мне необходимым, чтобы за комплексом церемоний Эка Даса Рудры отчетливо определить смысл праздника, выходящего за пределы Бали. Ведь балийцы считают, что Эка Даса Рудра — не только имеющий отношение к их острову ритуал очищения земли, но и с точки зрения многочисленных, угрожающих земле опасностей ритуал очищения всего мира, который благодаря жертвоприношениям и медитации людей может проложить путь в лучшее, то есть в сбалансированное будущее.

То, что Рудра — именно тот бог, которому балиец посвятил свой самый большой, самый важный праздник, определяется не только тем, что из Рудры в более позднее время появился всемогущий Шива. Балийцы вряд ли способны на умозрительные рассуждения такого рода. Намного вероятнее здесь идея об отождествлении. Рудра, как он представлен в немногих гимнах «Ригведы», — это бог, владения которого не ограничиваются только небесами, воздушным пространством, но включают в себя и землю, бог, в котором олицетворяется балийское представление о жизни и деятельности как богов, так и демонов.

Итак, вернемся к празднованию Таур Эка Даса Рудры. В танцевальном павильоне звучат мелодии, напоминающие китайскую музыку. Все новые и новые роскошно одетые танцоры демонстрируют отрывки из богатого репертуара балийских легенд и историй. Их танец сопровождается равномерным шорохом шагов проходящих мимо балийцев, которые, как вчера и все последующие дни, за исключением Ньепи, Нового года, понесут в храм жертвоприношения, чтобы вымолить благословение у богов.

Громкоговоритель сообщает, что наступил день новолуния девятого месяца, последний день 1900 года по календарю Сака (Шака). Никогда еще в Бесаких не было столько народу. Тысячи машин застряли на дороге у Клунгкунга. Полицейские машут жезлами, указывая на обочину, чтобы освободить дорогу для ожидаемого в Бесаких президента Индонезии Сухарто и его эскорта.

Люди движутся по обе стороны дороги, как пестрая змея, с тысячами жертвоприношений. Они быстро поднимаются по крутым ступенькам храма и стоят плотными группами, ожидая своей очереди, а затем, отдав жертвоприношения и получив благословение, вступают в четырехугольник, где несут службу жрецы.

То, что вчера было основной целью паломников, святая святых — Бесаких, сегодня по своему значению отступает на задний план, на передний выступает банчингах агунг — великий бамбуковый храм, внутри которого двадцать три высших жреца готовят главный обряд жертвоприношения Таур Эка Даса Рудры. Этот храм уже окружили тысячи людей, которые не только хотят принять участие в большом обряде жертвоприношения, но и надеются увидеть своего президента Сухарто. По узкому проходу, идущему от верхней стоянки автомоби-

лей к храму, министры, дипломаты, губернаторы поднимаются к большому гостевому павильону, расположенному на холме напротив банчингах агунга. Гостей провожают на их места девушки из Карангасема в нарядных золотисто-оранжевых платьях с высокими венками из цветов на голове. Затем перед лестницей, ведущей к верхнему храму, открывается широкая площадка, где танцовщицы исполняют приветственный танец реджанг. Этот чарующий плавностью движений древний ритуальный танец сменяется танцем воинов «барис геде». Танцоры в высоких шапках, в ярких одеждах, со щитами и копьями в руках сопровождают танец дикими криками. В последний раз я видел этот танец в 1963 году после извержения Гунунг Агунга на полях, покрытых застывшей лавой, вокруг Бесаких. Тогда он исполнялся как танец умиротворения разрушительных сил горы. Сегодня Гунунг Агунг, освещенный солнцем, спокойно и величаво возвышается над храмом, над людским морем. Те, кто тогда были свидетелями катастрофы, возвращаются мыслями в дни, последствия которых Бали именно здесь, на востоке, не преодолел по сей день.

Завершают поток почетных гостей президент Сухарто в черной древнеяванской одежде, его жена и дети, одетые по-балийски. Приветствуемый народом, он проходит в павильон для почетных гостей. Кольцо за ним смыкается, люди стоят голова к голове. Взгляд их устремлен на банчингах, откуда по громкоговорителю объявляют о начале главной церемонии. Большое жертвоприношение злым духам и угрожающим жизни демонам должно помочь миру вновь обрести нарушенное равновесие.

Бамбуковый храм, окруженный морем людей, олицетворяет вселенную. Одиннадцать центров, каждый из которых символизирует одну из сторон мироздания, украшены флагами и выпелами ритуальных цветов. В каждом центре находится посвященный одному из троицы богов — Шиве, Брахме или Вишну — «сангар таванг» (сооружение типа высокого алтаря), далее — алтарь для бога солнца Сурьи, молельня для жертвоприношений и молельня, в которой выполняли ритуал оба специально выделенных для этого брахманских священнослужителя.

Одновременно в одиннадцати местах осуществляется невидимое для присутствующих и тем не менее имеющее главное значение для Таур Эка Даса Рудры большое жертвоприношение демонам. Оно выполняется двадцатью тремя брахманскими священнослужителями как

посредниками между богами и собравшимися людьми. Каждое направление обслуживают один шиваитский и один буддийский священнослужитель. Двадцать третий из них — «сенггуху», изгоняющий вселившихся в людей злых демонов, сидит несколько ниже, чем брахманские священнослужители, однако в этой первой части жертвоприношения он играет важнейшую роль: изгоняет зло во всех его проявлениях и функциях.

Звук священного колокольчика возвещает о начале жертвоприношений. Голос из громкоговорителя объясняет коленопреклоненным людям значение праздника Эка Даса Рудры. От Рудры, который в древнее, доисторическое время дал название празднику, ритуал ведет к имени, используемому сегодня как всеобъемлющее понятие богов балийского индуизма — к Сангхьянг Видхи Ваке — наивысшему божеству. В том, чтобы заклинаниями вызвать его во всех проявлениях и со всеми силами, и состоит смысл этого ритуала, который должен очистить Бали и сделать весь мир лучше. Много надежд связано с ритуалом жертвоприношения — представители маленького народа перед лицом своих собравшихся богов просят спасти весь мир.

После того как священнослужители очистили и освятили бесчисленные жертвоприношения, приготовили святую воду и спели гимны богам, они отдают собравшимся распоряжение начать молитву Сангхьянг Видхи — воплощению всех божественных сил.

Коленопреклоненные верующие семь раз поднимают над головой сложенные ладонями руки с зажатыми между пальцев цветами. Священные напевы мантр сопровождают долгую молитву. Затем священнослужители вступают в толпу, разбрызгивают тиртху и разбрасывают рисовые зерна, которые верующие с помощью капель святой воды приклеивают ко лбу и вискам.

Представители деревень получают тиртху и «наси таур» — освященные зерна риса, чтобы раздать их всем индуистским семьям на Бали. Для этого перед каждым балийским домом сооружается маленькая молельня из бамбука («санггар кукук») и украшается белым флажком, на котором изображена фигура Сангхьянг Ганаса, или Ганеши, сына Шивы со слоновьей головой, разрушителя всех препятствий.

Банчингах Пура Панатаран Агунга так же преходящ, как власть злых духов, против которых направлена проводящаяся здесь церемония. Ее целью является очище-

ние макрокосма, природы во всех ее проявлениях. Вокруг банчингах сооружены новые бамбуковые конструкции с искусно составленными, высоко вздымающимися жертвоприношениями, посвященными церемонии сопровождения — мапеданан. Эта церемония направлена на очищение микрокосма, человеческого мира, мира всех существ. Поэтому она имеет истинно народный характер. Своего апогея она достигает после завершения священных ритуалов, которые здесь, как и везде, включают в себя жертвоприношения, очищение и благословение, когда участники могут опустошить праздничное поле и куски священных жертвоприношений взять с собой домой. Ведь этим «сувенирам» приписываются особенно действенные магические силы, заручиться поддержкой которых желает каждый, даже образованный балиец. Принц Бангли с удовлетворением показывает мне кусок принесенного в жертву крокодила.

После состоявшейся в банчингах Пура Панатаран Агунге большой церемонии Таур Эка Даса Рудры мероприятия этого последнего дня 1900 года по календарю Сака еще не закончены.

Хотя президент Сухарто после короткого обращения ко всем собравшимся уже возвращается домой, в Джакарту, и находится по дороге в аэропорт, а большинство балийцев — участников Таур Эка Даса Рудры отправились в обратный путь в свои деревни, в главном храме Бесаких начинается еще одна церемония — большое жертвоприношение — «пуджа арспан видхи» — в честь Сангхьянга Видхи и всех его ипостасей. Оно относится к Дева Яднйа — ритуалам жертвоприношений богам. Только это жертвоприношение восстанавливает желанное равновесие всех элементов праздника. Три брахманских священнослужителя заклинаят Сангхьянга Видхи, чтобы его свет над очищенной от демонов землей больше никогда не угасал.

Одиннадцать богов должны благословить просящих. Их снимают с высокого трона и трижды проносят по внутреннему двору, а затем поднимают на буйволе в священные молельни — «бале песеланг» и «кембангсиранг», предусмотренные для главных ритуалов жертвоприношений. Там священнослужители проводят церемонию чистого соединения обоих элементов создания — «пурусy» и «прадханы». Под пурусой имеется в виду начало всего живого, первочеловек, от которого произошло все человеческое существование. Прадхана же

означает материю, из которой состоит все сотворенное. Лишь чистота материи и творения гарантирует в процессе создания возникновение человеческих существ, пользующихся расположением богов и достойных их содействия и защиты.

Священнослужители направляют свои песнопения и мантры к достижению этой цели, о чем проникновенно сообщают собравшимся перед ними богам. После этого богов относят обратно в их тронный павильон. Тихо заканчивается церемония, в которой принимает участие лишь несколько человек,— заканчивается день Таур Эка Даса Рудры.

Бесаких погружается в сумерки. Храм опустел. Остались лишь обрывки цветной материи. Последние паломники спускаются по крутому склону к автостоянкам. Ведь еще до полуночи все они должны быть дома, даже если их деревня находится далеко. Ньепи — завтрашний первый день Нового года не позволяет, чтобы кто-то находился на улице. Первый день каждого Нового года нужно встречать тихо, не занимаясь никакими делами,— этого требует балийский обычай. И никто не рискует нарушить его.

Ньепи — первый день балийского Нового года

Расположенный у подножия затянутого тучами Гу-пунг Агунга в этот вечер (28 марта) Бесаких одинок и пуст. Лишь внизу идет бойкая торговля рисом и фруктами. В ресторане ни души. Последние автомобили трогаются со стоянки и исчезают в темноте.

Мы свернули с южной главной дороги в горы на Бангли, где намерены провести последний вечер года с друзьями. У дома князя Бангли нас встретил оглушительный шум. Дети и внуки князя собрались во дворе с металлическими крышками, сковородками и другими кухонными принадлежностями, из которых старались извлекать неистовые звуки, эхом отзывавшиеся в других домах и дворах. Кажется, весь Бангли превратился в преисподнюю от этих диких ритмов.

Смысл детской потехи в конечном счете заключался в самом празднике Эка Даса Рудры — в окончательном изгнании всех злых духов, с тем чтобы встретить Новый год не отягченными никакими заботами. Когда дети с

шумом и смехом потянулись в дом, к расположенной неподалеку башне дворца, раздались глухие равномерные звуки большого кулула. Еще не отзвучали последние звуки этого балийского колокола, как издали донеслись ритмы гамелана. Они быстро приближались. Яркие отблески огня легли на дорогу, ведущую к дворцу. Понеслось пение. Молодежь Бангли устроила грандиозное факельное шествие. Процессия с песнями и музыкой гамелана шла по улицам, прощаясь со старым годом, наверное, правильнее сказать, со старым столетием.

Уезжаем из дома принца Бангли поздно вечером, однако у нас еще достаточно времени, чтобы до полуночи успеть добраться до своей квартиры в Сануре. По дороге везде наблюдаем одно и то же: в Клунгкунге, Гианьяре, в деревнях, на побережье тысячи молодых балийцев шествуют с факелами и музыкальными инструментами — кажется, остров превратился в одно сплошное море огня.

Когда я по приезде к себе в Санур последний раз выхожу на улицу, то поражаюсь совершенно противоположному зрелищу: огни исчезли и над островом воцарилась мертвая тишина. Ни из одного рыбацкого дома не слышно звуков радио, а лодки рыбаков, которые в обычное время находятся в море, сейчас лежат на песке с убранными парусами.

В полной тишине наступает утро 29 марта — Ньепи. Не слышно ни малейшего звука, не видно ни одного человека. Лишь где-то по улице пробежит кошка. Так проходит целый день. Люди не зажигают огонь в домах, не готовят пищу, даже не перекинутся друг с другом словом. Молчание — заповедь этого дня, и балийцы строго соблюдают ее.

**Бхатара Турун Кабех —
все боги спускаются на землю**

После тихого дня — Ньепи, когда весь остров кажется вымершим и даже в гостиницах царит тишина, следует 30 марта — начало балийского XX века, который вступает в свои права демонстрацией жизненной силы. Храм Бесаких, напоминавший во время Ньепи мертвецкую, 30 марта вновь заполняется бесчисленным множеством паломников, которые не смогли побывать здесь во время Таур Эка Даса Рудры.

ло создано их прилежным трудом и их высоким мастерством. Распаковываются корзины лишь перед священнослужителем, перед глазами богов, чтобы принять цветы для поклонения и тиртху, а в заключение вместе с освященными жертвоприношениями отправиться на веселый пикник на склоне горы.

Однако многие деревенские общины не довольствуются общей молитвой и освящением жертвоприношений. Они хотят принести богам все, что наполняет их повседневную жизнь. Балийцы приходят со своими гамеланами, с танцовщицами и танцорами и часто остаются до глубокой ночи — играют и танцуют, чтобы доставить радость богам. Это также жертвоприношение в честь небо-балийцы приносят свои жертвоприношения. Женщины и девушки несут их на голове на этот раз в закрытых плетеных корзинах, а не как во время ежегодного местного Одалана (празднования дня возникновения храма), когда роскошные жертвоприношения бывают высотой до двух метров. На этот раз путь слишком далек и труден, и нельзя быть уверенным, что искусные сооружения из риса и фруктов с орнаментами из пальмовых листьев смогут выдержать поездку по отнюдь не самым лучшим дорогам. Поэтому они тщательно упаковали то, что бы-автомашин, так что на узкой горной дороге на Бесаких часто возникают километровые пробки и между застрявшими автомобилями пробираются вереницы людей — терпеливо, без спешки и толкотни: в ожидании встречи с богами балийцы не думают о времени. Перед первым полнолунием века, перед днем 12 апреля 1979 года, они обязательно должны прийти в Бесаких. Ведь между Таур Эка Даса Рудрой, последним новолунием балийского 1900 года, и первым полнолунием 1901 года находятся самые священные дни балийского календаря, когда все

Они приезжают в автобусах и на грузовиках целыми деревенскими общинами. Иногда сто и более человек втискиваются в автобус или кузов грузовика, но у всех счастливые, довольные лица. Они должны побывать здесь, вблизи богов, ибо верят, что все боги сейчас в храме Бесаких, чтобы видеть, принять и благословить жертвоприношения, что означает не только гарантию счастья и здоровья на весь год им самим, но и залог здоровья и благополучия их семьям, предкам и будущим поколениям на все новое столетие.

И вот тысячи их снова поднимаются по крутой дороге к храму. Обширных стоянок не хватает для множества

жителей. Публика, для которой они устраивают многочисленные представления, вдруг полностью для них исчезает. Танцы приобретают здесь совсем другое значение и исполняются более проникновенно, удивляя своей новизной и свежестью. Так, мы наблюдали кечак, исполняемый жителями деревни Батубулан здесь, в Бесаких, и кечак, который танцевали специально для туристов в Денпасаре несколько дней назад. Разница такая же, как между оригиналом и стократно повторенной копией.

В воскресенье, 8 апреля, наплыв балийцев в Бесаких достигает своей вершины. Вереницы машин вытягиваются на многие километры. Сотни тысяч людей проделывают бесконечный путь к храму, как настоящие паломники. Пришедшие терпеливо ждут у больших ворот храма того часа, когда они смогут войти в маленький двор главного святилища, чтобы возложить свои жертвоприношения и встать среди сотен других на колени, помолиться и получить те несколько капель тиртхи, которые служат для них высшим счастьем и означают самое святое, что они могут ожидать в своей жизни.

Однако и Дурга, ночная супруга Шивы, пожирающая людей, на празднике сотен тысяч не остается без дела. Утром в понедельник мы видим лежащий на обочине дороги старенький автобус, сплюснутый в результате столкновения, стоявшего жизни почти половине из шестидесяти его пассажиров. Грузовик, который вез сто лишним человек, на повороте, пропуская встречный транспорт, свалился в пропасть. Никто не может назвать пока число жертв. Многие получили тяжелые увечья.

И тем не менее в Бесаких побывал почти миллион балийцев из двух с половиной миллионов жителей острова. Тот, кто сможет себе позволить, придет сюда еще раз, 12 апреля. В этот день Эка Даса Рудра, праздник, отмечаемый раз в сто лет, кончается и наступает обычный годовой ритм праздничного календаря.

В день полнолуния после Нового года в Бесаких ежегодно отмечается Бхатара Турун Кабех. Все боги Бали приходят в этот день на землю, в материнский храм острова. Они приходят вместе с обожествленными предками людей, близость которых, так же как и близость богов, в этот день ощущается особенно отчетливо.

Уже задолго до рассвета тысячи балийцев опять поднимаются к святой святого храма — алтарю. Бамбуковый храм, сооруженный для Эка Даса Рудры у основания главного храма, стоит заброшенный. Еще недавно укра-

шенный флагами, кусками материи и вымпелами, он пребывал во всем своем преходящем значении и достоинстве, сегодня же это временное сооружение пустует — в противоположность вечному храму, к которому стремятся паломники и который они скоро вновь покинут, чтобы, приходя и уходя, вечно ощущать присутствие богов и предков. Порой создается впечатление, что балийцы считают этот день более важным и значительным, чем Эка Даса Рудра. Как ежегодный праздник, он им ближе, чем праздник нового века, в котором многие участвовали случайно, временно исполняя обязанности и тех, кто уже умер, и тех, кто еще не родился.

На переднем дворе Пура Панатаран Агунга, храма, в котором состоится сегодня главная церемония, слышны длинные, высокие звуки флейт гамбу — оркестра, куда также входят металлофон, барабан и какой-то крошечный струнный инструмент. Некоторые из идущих мимо паломников садятся полукругом, чтобы посмотреть тапцы, исполняемые девушками в чудесных праздничных нарядах и в белых венках. Грациозными движениями тел и тонкой игрой пальцев они приветствуют богов. Одновременно с ними наверху, в Пура Панатаран Агунге высокие жрецы Бали в красных и черных тиарах приветствуют богов звоном колокольчиков, священными движениями рук и таинственными заклинаниями на древнебалийском языке брахманов. Каждый из бесчисленного множества паломников становится свидетелем лишь крошечного отрезка этой многочасовой церемонии в святая святых, и лишь очень немногим выпадает счастье присутствовать на ней от начала до конца.

Здесь, так же как во время Эка Даса Рудры, делают большое жертвоприношение злым духам перед святилищем Падма Тига, в котором находится и почитается наивысшее из всех божеств — Сангхьянг Видхи Вака в тройственной ипостаси Шивы (Шива, Садашива, Парамашива).

Жертвоприношение, состоящее из свиной головы и искусно выполненной композиции из кусков свиной туши, пальмовых листьев и фруктов, жрецы многократно окропляют тиртхой из серебряных сосудов. В заключение они зажигают благовонные палочки, а демонам делают другие жертвоприношения, в том числе поросенка и утку. Помощники священнослужителей приносят пальмовые циновки, так как прибыли губернатор Бали доктор Мантра с супругой, бургомистр Амлапуры, которо-

му, как старшему отпрыску княжеского рода Карангасемов, вменено в обязанность заботиться о храме Бесаких, и другие высокопоставленные лица. Они садятся перед местом жертвоприношений. Тем временем все новые и новые толпы народа протискиваются в средний двор храма, отделенный белыми лентами от правой части храма, где сейчас происходит главная церемония.

Жрец в черной одежде и черной тиаре, который вместе с другим жрецом в красной тиаре заклинал богов спуститься на землю, теперь проходит сквозь ряды высокопоставленных лиц и окропляет их тиртхой. Хор поет священные гимны богам. Собравшиеся, совершая молитву, держат, как обычно, между пальцев цветы, в то время как верховный жрец произносит молитву в своей молельне.

Когда обряд жертвоприношения закончен, жрецы и жрицы в среднем коридоре святая святых расстилают длинную белую материю. По этому покрывалу от одиннадцатиярусной главной башни богов спускается процессия с паланкинами богов и трижды обходит внутреннее помещение Пура Панатаран Агунга. Танцовщицы реджанга идут впереди. Их жесты говорят о том, что они находятся в состоянии транса. Эта сияющая неземной красотой процессия в свете солнечных лучей с вытканными золотом священными зонтами под звуки гамелана и песнопений проходит перед богато украшенными храмами и черными, поднимающимися высоко вверх башнями богов. При этом вокруг нее происходит постоянное движение: верующие со всего Бали непрерывно приходят и уходят. Богов после троекратного обхода храма вносят в левую заднюю молельню, где верховные жрецы встречают их торжественными песнопениями и звоном колокольчиков. Здесь боги будут находиться до окончания праздника.

После того как боги заняли свои места, выступают танцоры в традиционных одеждах, исполняющие «барис». Своей воинственностью, а также тем, что в руках танцоров — игрушечные ружья вместо копий и щитов, танец напоминает об освободительной борьбе балийцев против голландских колонизаторов.

Когда около полудня большая церемония закончилась, паломники, как и в Эка Даса Рудре, продолжали подниматься к Пура Панатаран Агунгу по крутой лестнице, проходя сначала через широкие, а затем через узкие ворота. В конце концов их не очень интересовали

события праздника. Для них самое главное — ощутить присутствие богов, а в том, что боги там присутствовали, был уверен каждый, кто приходил в храм.

От первого полнолуния нового года, от памятного 12 апреля 1979 года в течение последующих одиннадцати дней Бесаких стоял открытый для паломников Эка Даса Рудры. Две большие церемонии — 20 и 23 апреля — предвещают, что дни присутствия богов подходят к концу. Еще раз совершается жертвоприношение, чтобы искупить вину за ошибки и небрежности, допущенные при выполнении ритуалов перед глазами неподкупных богов. Наконец 23 апреля после новых жертвоприношений и последней процессии богов происходит прощание с небожителями, которые, как считают балийские жрецы, еще никогда не находились на земле так долго, как в этот, 1979 год, во время Эка Даса Рудры.

Кстати, этот день завершения Эка Даса Рудры очень характерен для системы балийского распределения времени, поскольку он точно совпадает с кануном важнейшего балийского праздника, Галунгана, который начинается 24 апреля большими приготовлениями в семьях и в банджарах. Это праздник, отмечаемый на всем острове в память о борьбе между богами и демонами, из которой благодаря дальновидности Индры боги, то есть посетители доброго начала, вышли победителями. Поэтому Галунган — праздник благодарения богам. Он дает толчок к началу многочисленных местных праздников и церемоний, продолжающихся вплоть до дня Кунигана 5 мая. И в этот же день, в известной степени завершающий Галунган, в разных местах острова начинаются храмовые праздники, длящиеся по три дня и сменяющиеся аналогичными праздниками в соседних местностях.

Таким образом, можно сказать, что на Бали существуют не столько праздники, сколько праздничный ритм. Его бесконечная последовательность, соответствующая балийскому ощущению жизни, нигде не доходила еще до моего сознания столь ясно, как здесь, во время Эка Даса Рудры, апогея апогеев, не предусматривающего ничего другого, кроме интервала в космическом ходе событий, к которому каждый балиец умеет приспособиться, как хотят того его боги.

КУДА ВЕДУТ ПУТИ БАЛИ!

Когда наблюдаешь балийскую жизнь, она кажется то простой, естественной, то сказочной. Однако трудно понять молодую девушку, которая вновь и вновь пытается уговорить нас купить рубашку из пестрого батика*, проявляя при этом рыночную смекалку и напористость, а по утрам с просветленным лицом несет цветы и благоуханные палочки в молельню на берегу моря, где совершаются жертвоприношения, или с гордо поднятой головой шествует с башней из жертвоприношений к деревенскому храму.

Как возможно, что сугубо практичный, меркантильный человек свято следует религиозным обычаям, неистово соблюдая магические ритуалы своих предков? В Азии, Африке, у индейцев Южной Америки, наоборот, наблюдается непостоянство в следовании древним обычаям, а где-то эти обычаи вообще исчезли. Может быть, это объясняется наступлением технической цивилизации с ее заманчивым предложением товаров широкого спроса — от карманного фонарика до транзисторного приемника и мотоцикла? Хранители древних традиций на Бали боятся, что подобное может случиться и с балийцами. Теперь, считают они, когда остров наводнили японские автомобили, транзисторы и другая техника, наступит конец древней балийской культуре. Между тем мощное влияние технического мира с его соблазнами в виде товаров широкого потребления существует уже четверть века, однако ничего подобного не происходит, а даже наоборот: балийская традиция, по крайней мере внешне, проявляется в еще более пышных храмовых праздниках, таких, например, как Балигиа, который после длительного перерыва отмечался в 1971 году в Убуде и в 1978 году в Карагасеме, а также Эка Даса Рудра — праздник нового века в Бесаких, отмечаемый впервые с начала

* Б а т и к — многоцветная ткань у народов Индонезии. Рисунок наносят тонким слоем воска, матерью опускают в краску, которая окрашивает не покрытые воском части ткани.— *Примеч. пер.*

голландского колониального господства весной 1979 года. Огромные средства требуют церемонии кремации. Кроме того, разрушавшиеся храмы, о сохранении или обновлении которых долгое время никто не думал, в последние годы восстанавливаются и расширяются; возводятся новые. Повсюду на острове появляются одиннадцати- и даже тринадцатиярусные башни-меру — символы высоких богов и предков.

В Денпасаре несколько лет назад в честь верховного божества Сангхьянга Видхи был построен храм из кораллового известняка, который стал центром больших церемоний по случаю полнолуния. На каменном троне храма выбит золотой рельеф с изображением Сангхьянг Видхи в танцующей позе, что является редкостью для Бали. В храме Улун Суви в Джимбаране, вблизи от аэродрома, обновлена громадная, освященная Шивой башня богов с тринадцатью ярусами. У ее основания сооружены изящные изваяния змея Нага, выполненные в лучших традициях балийской скульптуры. Эта тенденция к обновлению и улучшению храмов характерна для всего острова, что сразу бросается в глаза наблюдателям, которые в последние десятилетия сожалели о значительном разрушении памятников культуры.

Сопровождающий нас балиец считает, что эта отрадная тенденция является одной из положительных сторон туризма, часто осуждаемого и рассматриваемого с нескрываемым скептицизмом многими верными традициям балийцами. Ведь возрождение больших праздников, о которых многие думали, что после второй мировой войны они окончательно ушли в прошлое, а также обновление исторических построек, уход за домашними, деревенскими и родовыми храмами — все это следствие экономического подъема Бали, оправившегося после ужасного извержения вулкана в 1963 году, не в последнюю очередь благодаря постоянно растущему потоку туристов.

— Как и везде в мире, здесь добро и зло ходят рядом,— сказал балийский священнослужитель, с которым мы обсуждали будущее Бали.— Борьба между добром и злом лежит в основе нашей религии. Мы уделяем много внимания столкновениям в нас и вокруг нас, поэтому надеемся и в будущем успешно справляться с проблемами времени. Многие деревни,— продолжал он,— закрыли свои храмы для туристов. Даже в знаменитый общекалийский храм Бесаких неверующие некоторое время не могли заходить, потому что туристы на ежегод-

пом празднике Бесаких, отмечавшемся двадцатого июня семьдесят восьмого года, не обращая никакого внимания на паломников, мешали проведению священных обрядов, что было болезненно воспринято верующими. По этой причине и на Эка Даса Рудру были допущены лишь очень немногие иностранцы.

Следует приветствовать, что балийцы наконец дали понять, какое значение имеют для них все эти многочисленные праздники и церемонии жертвоприношений. Ведь не секрет, что многие посещающие Бали туристы считали и продолжают считать, что все происходящее на праздниках — лишь большое шоу, театрализованное представление, не несущее в себе особого глубокого смысла и организованное в большинстве случаев специально для посетителей.

Часть вины в распространении такого подхода лежит на бюро путешествий, многие из которых упускают из виду необходимость обращать внимание своих клиентов на вполне понятную обидчивость балийцев. В дальнейшем они, безусловно, должны это делать. В конце концов, никто не появляется в бикини в соборе Святого Петра, чтобы сфотографировать папу римского. А на побережье вблизи Санура во время церемоний кремации я наблюдал подобную картину. Если учесть глубокую религиозность большинства балийцев, она покажется особенно бестактной.

Какой-нибудь гостиничный мальчик на побегушках, откладывающий из жалованья и чаевых рупию за рупией, чтобы помочь переоборудовать домашний храм своей семьи, — не исключение. Однако припц Бангли думает иначе: «И это также благодаря туристам», — говорит он, пытаясь тем самым поставить под сомнение все негативное, что несет с собой массовый туризм.

И действительно, значительная часть средств, расходуемых сегодня на Бали в религиозных целях, прямо или косвенно поступает от туристов, даже если многие из них считают, что деньги тратятся впустую и было бы правильнее для Бали выбросить наконец за борт реликты прошлого. Прежде чем делать такой вывод, следовало бы спросить об этом того, к кому это имеет прямое отношение, чтобы лишний раз убедиться, что балиец тесно связан со своей традиционной верой и что эта древняя, состоящая из множества отдельных элементов вера и по сей день жива. И все ее обряды — не какой-нибудь ярко оформленный спектакль, а неотъемлемая часть

жизни балийцев. Это признало даже находящееся под влиянием ислама центральное правительство Индонезии в Джакарте. Оно предоставляет средства для сохранения и поддержания важнейших храмов. Большие гостиницы, бюро путешествий, предприятия, как, например, основанная несколько лет назад на Бали консервная фабрика, в конце года добровольно жертвуют часть своих доходов для поддержания основных храмов, несмотря на то что их владельцы — вполне современные люди.

Наблюдения показали, что ответить на наш вопрос: «Куда ведут пути Бали?» — непросто. Ясно одно: однозначного ответа быть не может. Бали с его 2,5-миллионным населением сегодня находится между двумя мирами. Оба мира с их различными жизненными укладами, их влияниями и их несовместимыми впечатлениями, неразрывно связаны с жизнью многих балийцев, в первую очередь балийской молодежи.

Каким путем пойдут эти люди, с которыми мы попытались немного познакомиться, трудно сказать. Однако нам не следует рассматривать свой стиль жизни как единственно возможный, в том числе и для балийцев. Это лишило бы народ, который еще сегодня живет по законам веры, своей неповторимости.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Перед тем как сесть писать послесловие к этой книге, я, как обычно, пролистал вынутую из почтового ящика газету и пару журналов. Мир, казалось, вздыбился в пароксизме столкновений. Терроризм, межэтнические конфликты, массовые забастовки, гражданские войны, политические убийства — таков фон нашей жизни, такова реальность, с которой сталкиваемся если не мы сами, то кто-то из наших близких, друзей, знакомых. И вот в это самое время мы предлагаем читателю книгу о далеком, почти волшебном острове, затерянном среди островов Малайского архипелага, где люди, как уверяет нас автор, живут в соответствии с раз и навсегда заданным ритмом, установленным какой-то странной и абсолютно чужой нам религией — балийским индуизмом. Что это — свойственная всем революционным эпохам попытка убежать от реальности и обнаружить руссоистского «благородного дикаря», живущего в гармонии с природой и естественными законами, или просто обычная просветительская деятельность, направленная на расширение знаний о мире, на знакомство с далекими уголками планеты, которая для большинства читателей, несмотря на расширившиеся в наше время возможности путешествий, так и останется непознанной?

Наверное, и то и другое присутствует в книге, которую вы прочли. Но есть, хочется думать, и что-то еще. Во-первых, жизнь Бали далека от образа «благородного дикаря». Кровопролитные трагедии нередко случались на острове, получившем известность райского, и никто не гарантирует отсутствие их в будущем. Во-вторых, просветительство потому и признано необходимой частью жизни цивилизованного общества, что дает людям нечто большее, чем простое удовлетворение любопытства. Действительно, обдумывая собственные проблемы, мы нуждаемся в знании того, как они решаются у других. В сущности, проблема Бали среди прочих культур Индонезии подобна так называемым национальным проблемам. Посреди самого крупного в мире мусульман-

ского государства расположен, казалось бы, чужеродный анклав с архаической религией, ранее распространенной по всему архипелагу, но исчезнувшей там повсеместно уже 400 лет назад, со своеобразной культурой, с непривычным и весьма архаичным образом жизни. Сравнить можно с ситуацией, при которой в России сохранился бы нетронутым целиком старообрядческий район, например Русский Север. При этом существенно вспомнить, что Бали далеко не один такой район. Индуистских районов, правда, в Индонезии больше не осталось, но таких, которые не восприняли бы стандартную мусульманскую малайскую культурную модель, немало. Это и христианская Восточная Индонезия — Молуккские и Малые Зондские острова, и Новая Гвинея, где господствует смесь христианства с племенными верованиями, это и крупный народ батаков на севере Суматры, население внутренних районов Калимантана и Сулавеси — все они создают многообразие (культурное, этническое) в этой огромной южноазиатской империи. Не забудем упомянуть и о китайцах, некоренном населении, играющем в жизни страны, в ее экономике и политике роль, пожалуй, более существенную, чем все коренные немусульманские народы, вместе взятые.

Такое многообразие создавало и продолжает создавать в целом ряде случаев то, что у нас принято именовать термином «межэтническая напряженность». Достаточно вспомнить многочисленные сепаратистские восстания, сотрясавшие Индонезию в первые десятилетия ее независимого существования, — восстание Республики Южномолуккских островов, восстание Каххара Муззакара на Сулавеси, длительное сепаратистское мусульманское движение в Ачехе на севере Суматры, позже — восстание на севере Сулавеси, уже в 70-е годы — движение за отделение Ириан-Джая, т. е. западной части Новой Гвинеи, и т. д. Тем не менее единое унитарное государство, провозглашенное президентом Сукарно в 1950 г., пока существует более или менее в том виде, в каком оно было задумано его создателем. Даже наращивает территорию, чему свидетельство — присоединение в середине 70-х годов Восточного Тимора. Правда, выяснилось, что унитарность в таком государстве не может существовать без элементов федерализма. Хотя вначале предполагалось, что Индонезия будет развиваться исключительно на базе принципа единой индонезийской нации, на практике довольно скоро пришлось отойти от

этого принципа в его первозданности и провозгласить автономию провинций. Примечательно, что провинции в Индонезии большей частью не имеют этнической основы, обычно их населяет либо множество народов, либо часть одного, например яванцев, самого крупного народа страны и одного из крупнейших народов мира по численности, распределенного по крайней мере между тремя провинциями на самой Яве.

Но примечательна и тенденция административного деления Индонезии. Первоначально образованные огромные провинции довольно быстро стали дробиться, особенно тогда, когда им дана была пусть и номинальная, но все же автономия. Так, в частности, получилось и с провинцией Нуса Тенггара, которая до начала 60-х годов охватывала все Малые Зондские острова и столицу имела на Бали — город Сингараджа. Сейчас на этом месте три провинции, причем одна из них (о-в Бали) этнически и культурно однородна. Аналогичные процессы протекали и в других частях Индонезии, в частности на Суматре, где оформились более или менее однородные в этническом плане провинции Ачех, Бенгкулу, Лампунг, Риау, Джамби, на Калимантане — нгаджудаякская провинция Южный Калимантан, на Сулавеси. Тенденция оказалась вполне ясной: отдельные народы, особенно крупные, обладающие явным этническим самосознанием и культурной спецификой, стали обнаруживать тягу к обособлению в рамках автономных или полуавтономных административных единиц.

Как это произошло на Бали, рассказано в книге Г. Улига. Достаточно очевидно, что все это весьма не просто, что Бали едва ли может служить для остального мира примером того, как благополучно разрешать межэтнические противоречия и обеспечивать надежное выживание и развитие этнических меньшинств в многонациональных государствах. Но все же знать этот опыт нам полезно, полезно в чем-то его учитывать. Примечательно, что именно Бали стал главным туристским объектом в Индонезии, на него хлынул поток иностранцев, а значит, потекли капиталовложения, остров стал отстраиваться, приводить себя в порядок, вращаться в современный мир. Об этом говорится в книге Г. Улига недостаточно четко, а иногда и с оттенком сожаления — вот, дескать, уходит неповторимость балийской культуры под натиском туризма и коммерции. Отчасти это действительно так. Но, с другой стороны, любая культура дина-

мична, она не может превращаться в музей, хотя создавать музеи — ее обязанность. Туризм, торговля, финансовая деятельность — все это сугубо мирские занятия, способные уменьшать напряженность, которая тем выше в отношениях между народами, чем больше между ними нерешенных социальных или экономических проблем. Поэтому опыт Индонезии, в частности преломленный через такую интересную и яркую традицию, как балийская, любопытен и своим актуальным звучанием.

Но Бали существует не только в разрезе современности. Автор прав, назвав остров «островом живых богов», в том смысле что древность и средневековые сконцентрировались на острове в образе вечно живых, хотя и навечно застывших балийских богов. Как происходило формирование этой культуры, как складывалось сложное и весьма многообразное единство стран островной части Юго-Восточной Азии? Этот вопрос интересен и в связи с общеисторическими проблемами, и сам по себе, особенно для любознательного читателя, который прочел книгу, стремясь обогатиться именно новым для себя знанием. В целом книга дает адекватное представление о балийской культуре, она основана на живых представлениях автора, который, как видно, не раз и не два побывал на острове и полюбил его. Но автор, безусловно, не историк и не этнограф, поэтому небольшой этноисторический комментарий к тому, как он изложил ранние этапы формирования индонезийских культур, может некоторым читателям показаться бесполезным.

Особый протест при чтении книги Г. Улига у меня вызвало стремление автора рассматривать культуру Юго-Восточной Азии исключительно как производную от культур Индии или даже Китая. Порой возникает такое представление, что все здесь привнесено извне, все обязано своим существованием деятельности каких-то таинственных пришельцев. Следует сказать, что сейчас едва ли найдется хоть один современный специалист по этим проблемам, который присоединился бы к такому взгляду. Современная наука примерно следующим образом представляет себе процесс заселения архипелага и возникновения на нем той этнокультурной ситуации, которую мы видим сейчас.

Малайский архипелаг, безусловно, входил в зону распространения так называемого *homo erectus*, непосредственного предка *homo sapiens*, хотя его и нельзя назвать «родиной человечества» уже хотя бы по той причине,

что наиболее ранние формы архантропов жили, как известно, на территории современной Восточной Африки. Но именно на индонезийских островах обнаружены наиболее древние на сегодняшний день останки существа, которое, без сомнения, можно назвать «человеком разумным», — это череп девочки из пещеры Ниа на севере Калимантана, возраст которой — около 40 тыс. лет. Из этого не следует, разумеется, что «превращение» архантропа в человека современного типа произошло именно на Калимантане: не забудем, что мы всегда имеем дело со случайными находками и с индивидуальными случаями, более того, есть все основания считать, что сапиентация (так называется это превращение в антропологии) произошла где-то в ином месте, скорее всего на Ближнем Востоке. Но древнее заселение Малайского архипелага представителями вида *homo sapiens* не может быть подвергнуто сомнению. Эти древнейшие жители архипелага имели негроидный облик и отдаленно напоминали современных австралийских аборигенов или папуасов, чьи предки также располагались в те отдаленные времена на островах Малайского архипелага.

Проникновение инородных культур, сопровождавшееся проникновением людей монголоидного антропологического типа, началось, очевидно довольно давно, где-то в V тысячелетии до н. э. Эти же люди принесли на архипелаг и на другие острова Тихого и Индийского океанов аустронезийские языки, на которых говорит большинство индонезийских народов, в том числе и балийцы. Г. Улиг ссылается на изыскания известного австрийского археолога и историка Р. фон Гейне-Гельдерна, опубликованные еще в 30-х годах. С тех пор его теория, основанная на разграничении каменных топоров разного типа сечения (недоброжелатели любили называть ее «топорной теорией»), была существенно дополнена множеством новых свидетельств, да и сама во многом изменилась. Согласно современным представлениям, предки аустронезийских народов некогда были родственны предкам народов тайской группы, населяющим сейчас Южный Китай и обширные районы Индокитайского полуострова, например Таиланд и Лаос. Жили эти общие предки, видимо, на территории современного Южного Китая, примерно напротив Тайваня. Скорее всего именно переселение части этих протоаустронезийцев на Тайвань и вызвало их отрыв от прежней общности и привело к образованию этой, столь распространившейся

потом по свету языковой семьи. Таким образом, именно остров Тайвань можно рассматривать как прародину большинства народов Юго-Восточной Азии.

Прошло много времени, прежде чем развитие производящего хозяйства, в частности внедрение рисоводства, заставило древних аустронезийцев переселяться с Тайваня на другие острова. Процесс этот занял несколько тысяч лет и длился с начала III тысячелетия до н. э. и, в сущности, до последнего времени, ибо процесс миграций народов Индонезии или Океании не прекращается и по сию пору, хотя в современности он вызван иными причинами, чем в древности. Ближайшими к Тайваню островами были Филиппины, а затем Сулавеси и Калимантан. Именно там и начал оседать наиболее ранний поток переселенцев. Из этого района началось заселение Океании, т. е. Микронезии, Полинезии и части Меланезии, из этого же района, предположительно из Южного Калимантана, был заселен Мадагаскар. Во II тысячелетии до н. э. аустронезийцы заселяют Западную Индонезию, но только в I тысячелетии до н. э., причем, видимо, в самом конце его, внедрение техники поливного рисосеяния одновременно с развитием металлургии выводит острова Западной Индонезии, в том числе и Бали, в авангард социального и культурного развития Нусантары, как называют свои острова сами индонезийцы.

Не совсем ясно, где впервые появилась техника террасного рисосеяния, изменившая коренным образом облик Юго-Восточной Азии. Некоторые склонны связывать это изобретение с процессом индустриализации, начавшимся на Индокитайском полуострове примерно тогда же, т. е. в начале новой эры, и довольно быстро распространившимся на архипелаг. Но едва ли это так. Скорее следует считать именно аустронезийские народы изобретателями заливного злакосеяния и клубнесеяния. Об этом свидетельствуют, в частности, примеры народов, никогда не испытавших индустриального влияния, но достигших высочайшего уровня в развитии этой техники. Таковы, например, ифугао с о-ва Лусон на Филиппинах или келабиты лун-дае на севере Калимантана. Кроме того, полинезийцы, потерявшие после переселения на тихоокеанские острова все контакты со своей старой прародиной, практикуют в некоторых местах заливное возделывание таро.

Заливная агрикультура, конечно, способствовала росту населения и культурному «рывку», прорыву в новое качество. Избыток продукта сделал возможным разви-

тие торговых связей и выход Индонезии за пределы архипелага. А здесь мы неизбежно сталкиваемся с проблемой индуизации. Г. Улиг трактует ее однозначно — индуизация возникла в результате переселения в Индонезию и на Бали, в частности, больших масс населения из Индии. Цивилизованные пришельцы принесли на прежде дикие острова высокую культуру, и она уже продолжала развиваться дальше, привитая на чужую почву. С этим едва ли можно согласиться. Нет никаких свидетельств о каких-либо массовых переселениях групп людей из Индии. Решительно не подтверждают такую возможность антропологи, не отмечающие какую-либо заметную примесь, европеоидную или дравидскую, в современном населении Индонезии. И все же мы видим, как в первой половине I тысячелетия до н. э. практически все центры социального развития в Юго-Восточной Азии быстро принимают индуизированный облик, воспринимая или индуизм, или буддизм, или, что чаще всего, синкретические формы того и другого, пережившие века в форме балийского индуизма.

Что же тогда происходило в Нусантаре? Как могло случиться, что без значительного притока населения индийская культурная модель распространилась на Юго-Восточную Азию? Дело в том, что в то самое время складываются международные торговые пути, вначале связывающие друг с другом соседние страны, вскоре объединяющиеся в огромный международный торговый путь, соединявший Дальний Восток с Ближним Востоком и Европой. Во многом дальнейшее развитие и Индии и ЮВА определялось именно существованием этой торговой связи. Немалую роль сыграла она, в частности, в проникновении в оба региона ислама и затем европейской колонизации. На торговом пути складываются в раннее средневековье несколько цивилизационных кругов, в основу каждого из которых в переработанном виде закладывается какая-то узкорегionalная модель. На Западе это христианская цивилизация в своей западной, или католической, форме. Далее — византийская православная цивилизация, продолжением которой является Россия, далее — исламский круг, затем — индуизированный и, наконец, китаизированный цивилизованные круги. Так же как нелепо было бы говорить, что Европа восприняла христианство в результате массового переселения в нее римлян, а Россия — в результате массовой миграции греков, так же и в Нусантаре не было необхо-

димости в заселении островов индийцами. Логика развития объединила эти районы в одну цивилизацию, причем более мелкий регион не просто воспринимал какое-то инородное культурное влияние, а перерабатывал в соответствии с местной традицией и тем самым вносил свой вклад в создание этой общей цивилизации. Характерно, что в Индонезии в круг индуизированных народов вошли либо те, кто был занят в торговле, либо те, кто практиковал заливное рисосеяние. Остальные оказались за бортом основного направления развития этого региона.

Так сформировалась своеобразная культура средневековой индуизированной Индонезии, от которой сегодня остался только Бали, удивительный и очень красивый остров, на котором от души хочется пожелать побывать хотя бы каждому, кто прочел эту книгу.

М. А. Членов

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие автора	3
Бали: иллюзии и действительность острова между двух миров	3
«Линия Уоллеса» — географическая граница между Азией и Австралией	10
Индонезия — цепь островов на юге Тихого океана	10
Географическое положение Бали	12
Соседний остров Ломбок	15
Комодо — остров, где обитают ящеры	17
Многообразие народов Индонезии	19
Центр Индонезии — Ява	22
Долгий путь через Гилиманук	25
Дорога к балийской культуре	25
Является ли Ява колыбелью человечества?	27
Четырехгранный топор — древнейшее свидетельство переселения в Индонезию	29
Культура больших камней	33
Путь через тысячелетия	37
Торговцы, монахи и брахманы в Индонезии	40
По следам яванских правителей	42
Ступенчатые храмы Явы и Бали	46
Яванизация Бали и исламизация Явы	51
Политическая жизнь Бали	54
Остров в руке божьей	57
Земля — собственность богов	57
Вера народа	60
Космическая система	63
Невидимые боги Бали	65
Будда на Бали	68
Сангхьянг Видхи — наивысшее божество	71
Жертвоприношение и очищение	73
Тиртха — власть жрецов	75
Сто тысяч храмов	77
Балиец и его деревня	82
Жизнь по адату	82
Будни балийской деревни	85
Мир гамелана	88
Ритм жизни определяет рис	90
Тело — кампунг — космос	102
Человек и боги	105
Деса-чатур-вангса	107
Бали ага — аборигены острова	109
Петушиные бои — страсть балийца	113

Искусство как форма жизни	116
Деревни художников	119
Балийская жизнь	121
Круг смыкается	121
Рождение ребенка	122
Близнецы могут принести несчастье	125
Тиганг сасихин — трехмесячный праздник	126
Счастливое детство	129
Ребенок и школа	131
Школа и религиозная традиция	132
Совершеннолетие и церемония подпиливания зубов	134
Любовь по-балийски	138
Свадьба и брак	140
Смерть — промежуточная форма существования	143
Праздничная жизнь острова	147
Тысяча праздников в году	147
Тайны балийского календаря	148
День освящения храма	150
Танцуют жизнь, танцуют историю	155
Рангда и Баронг	157
Кульг мертвых	161
Балигиа — праздник золотых башен	167
Очищение душ	167
Встреча с предками	169
Что означает слово «балигиа»?	173
Цели Балигиа	175
Ночная трапеза с предками	177
Процессия золотых башен	183
По историческим и священным местам	186
Вечность преходящего	186
Пещера Гоа Гаджа	187
Луна Бали	191
Гробницы Гунунг Кави	193
У священных источников	194
Мир северобалийских храмов	197
Святилища моря	195
Общепалийский храм Бесаких	198
Эка Даса Рудра 1979 года — вступление Бали в XX век	204
Божественный космос	204
Вулкан пробуждается	207
Подготовка к празднику	209
Святая вода с Явы и Ломбока	213
Жертвоприношение быков	215
Большая процессия	216
Большое кровавое жертвоприношение в Бесаких	222
Таур Эка Даса Рудра	229
Ньепи — первый день балийского Нового года	235
Бхатара Турун Кабех — все боги спускаются на землю	236
Куда ведут пути Бали!	242
Послесловие. М. А. Членов	246

Научное издание

Улиг Гельмут

**БАЛИ — ОСТРОВ
ЖИВЫХ БОГОВ**

Редактор *Р. Г. Стороженко*
Младший редактор *Н. Л. Скачко*
Художник *Н. П. Ларский*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Г. А. Никитина*
Корректор *В. Н. Багроса*

ИБ № 16504

Сдано в набор 26.12.89. Подписано к печати 08.05.90. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Вкладка отпечатана на мелованной бумаге. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 13,44 + 0,42 вкл. Усл. кр.-отг. 14 28. Уч.-изд. л. 14,32. Тираж 15 000 экз. Изд. № 6867. Зак. № 842. Цена **2 р. 80 к.**

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

На первой странице обложки: Рельефы из раскрашенных выпечных изделий.

На четвертой странице обложки: Танец на празднике сбора урожая.

БАЛИ — ОСТРОВ ЖИВЫХ БОГОВ

Бали — один из островов, коренные жители которого считают его центром земли, единственным местом, где стоит родиться и жить. И эта точка зрения — следствие большой привязанности к силам и формам жизненного уклада, которые сложились на этом острове в течение тысячелетий и еще сегодня определяют смысл всей жизни и образ поведения балийцев.

Г. Улиг